

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 75
№ 10 (191) 2022
ОКТАБРЬ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Возраст как юридический
факт в сфере семьи:
соблазны и условность цифры

Свобода мирных собраний
 в оценках и выводах
Венецианской комиссии
 и российское
законодательство

Государство как показатель
человеческого развития
(в контексте нейробиологии)

Понятие «традиционные
 российские
духовно-нравственные
ценности» в контексте
 обеспечения
медиабезопасности
в интернет-среде

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция–Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной

власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 75
№ 10 (191)
октябрь 2022

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государ-

ственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 17.10.2022
Объем 18,94 усл. печ. л. (15,60 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, С. И. Ершова

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS),

University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA

Scientific Journal of Law

Vol. 75
№ 10 (191)
October 2022

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

17.10.2022
Volume: 18,94 conventional printer’s sheets (15,60 author’s sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, S. I. Ershova

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Старовойтова А. С.** Заем цифровых денег: проблемы правовой квалификации 9
- Тарусина Н. Н.** Возраст как юридический факт
в сфере семьи: соблазны и условность цифры. 17
- Трофимец И. А.** К вопросу о принципах международной семейной медиации. 33

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Акунченко Е. А.** Ретроспектива и перспектива понимания
объекта и предмета антикоррупционной экспертизы 41
- Галюкова М. И.** Архитектоника биобезопасности. 54
- Гошуляк В. В., Синцов Г. В.** Свобода мирных собраний
в оценках и выводах Венецианской комиссии и российское законодательство 68

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Иванова А. А.** Виктимологические факторы коррупционного преступления
и антикоррупционная виктимологическая безопасность 82
- Латыпов В. С.** Институт приостановления предварительного расследования:
вопросы теории и нормативного регулирования 95
- Скрипченко Н. Ю.** Усиление уголовной репрессии за криминальные посягательства
на несовершеннолетних: очередной шаг в реализации стратегии
или иррациональная нормативная активность? 105
- Цыреторов А. И.** Перспективы закрепления института уголовного проступка
в отечественном законодательстве: уголовно-процессуальный аспект 113

ТЕОРИЯ ПРАВА / *THEORIA LEX*

- Кашанина Т. В.** Государство как показатель человеческого развития (в контексте нейробиологии) 123

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / *CYBERSPACE*

- Галяшина Е. И., Богатырев К. М.** Понятие «традиционные российские духовно-нравственные
ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде 138
- Курочкин С. А.** Цифровые технологии и эффективность правосудия 152

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Starovoitova A. C. A Crypto Loan: Problems of Legal Qualification	9
Tarusina N. N. Age as a Legal Fact in the Family Sphere: Temptations and Conventionality of the Number of Years	17
Trofimets I. A. The Principles of International Family Mediation	33

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Akunchenko E. A. The Retrospective and Perspective of Understanding the Object and Subject of Anti-Corruption Expertise	41
Galyukova M. I. Biosafety Architectonics	54
Goshulyak V. V., Sintsov G. V. Freedom of Assembly in Opinions and Reports of Venice Commission and Russian Legislation	68

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

Ivanova A. A. Victimological Factors in Corruption Offences and Anti-Corruption Victimological Security	82
Latypov V. S. Institution of Preliminary Investigation Suspension: Issues of Theory and Statutory Regulation	95
Skripchenko N. Yu. Strengthening Criminal Repression for Criminal Assaults on Minors: Is It One More Step in Implementation of the Strategy or Irrational Regulatory Activity?	105
Tsyretorov A. I. Prospects for Fixing the Institution of Criminal Misconduct in Domestic Legislation: Criminal Procedural Aspect	113

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

Kashanina T. V. The State as an Indicator of Human Development (With Reference to Neuroscience).	123
--	-----

CYBERSPACE / CYBERSPACE

Galyashina E. I., Bogatyrev K. M. The Concept of «Traditional Russian Spiritual and Moral Values» in the context of Ensuring Media Security on the Internet	138
Kurochkin S. A. Digital Technologies and Justice Efficiency	152

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.009-016

А. С. Старовойтова*

Заем цифровых денег: проблемы правовой квалификации

Аннотация. Автором рассмотрено понятие «цифровые деньги». Проанализирована юридическая природа различных видов электронных денег. Особое внимание уделено гражданско-правовому режиму криптовалюты и особенностям ее имущественного оборота в информационной системе, использующей блокчейн-технологии. Рассматривается ряд сложных дискуссионных вопросов цивилистики: о возможности применения к цифровым отношениям положений об обязательствах, о проблемах защиты прав обладателей цифровых денег, об обеспечении реституции в цифровой среде. В статье проанализирована конструкция криптовалютного займа с использованием централизованной биржи Binance Loan. Сделан вывод о том, что фактический алгоритм предоставления криптовалюты в заем сходен с механизмом традиционной передачи в заем вещей, определяемых родовыми признаками. Аргументирован вывод о том, что к взаимодействию участников фактических заемных отношений в диджитал-среде можно лишь с большой долей условности применять такие юридические понятия, как «сделка», «правоотношение», «обязательство» и «договор». Выявлено, что попытки квалификации криптовалютных заемных отношений без учета позиции законодателя несколько преждевременны. В настоящее время фактические отношения с криптовалютой не являются правоотношениями и не могут быть оформлены гражданско-правовыми договорами. Сформулированы задачи, решение которых, по мнению автора, будет служить урегулированию заемных отношений в диджитал-среде. В частности, незамедлительного разрешения требуют вопросы о законодательном установлении гражданско-правового режима цифровых денег, закреплении цифровых юридических фактов, возможности применения к цифровым отношениям общих положений об обязательствах. Обосновано, что для обеспечения гарантий надлежащего исполнения заемных обязательств с криптовалютой необходимо на законодательном уровне установить правила функционирования информационных систем, закрепить требования к их операторам и определить ответственность последних за сохранность данных и достоверность совершаемых транзакций.

Ключевые слова: цифровые деньги; криптовалюта; договор займа; блокчейн-технологии; заемные обязательства; криптовалютный заем; цифровые отношения.

Для цитирования: Старовойтова А. С. Заем цифровых денег: проблемы правовой квалификации // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 9–16. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.009-016.

© Старовойтова А. С., 2022

* Старовойтова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
asstarovojtova@msal.ru

A Crypto Loan: Problems of Legal Qualification

Anna S. Starovoitova, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
asstarovojtova@msal.ru

Abstract. The author considers the concept of «digital money». The paper analyzes the legal nature of various types of digital currency. Special attention is paid to the civil law regime of the cryptocurrency and the peculiarities of its property turnover in an information system using blockchain technologies. The paper examines the following complex debatable issues of civil law: 1. possibility of applying provisions on obligations to digital relations; 2. problems of protecting the rights of digital money holders; 3. enforcing restitution in the digital environment. The paper analyzes the design of a crypto loan using a centralized Binance Loan exchange. The author concludes that the actual algorithm for lending cryptocurrencies is similar to the mechanism of traditional transfer of things determined by generic characteristics applied to a loan. The conclusion is reasoned that such legal concepts as «transaction», «legal relationship», «obligation» and «contract» can only be applied to the interaction of participants in actual loan relations in the digital environment with a high degree of conditionality. It has been revealed that attempts to qualify cryptocurrency loan relations without taking into account the position of the legislator are premature. Currently, the actual relationship with cryptocurrency is not a legal relationship and it cannot be formalized by civil contracts. The paper determines the tasks the solution of which, according to the author, will serve to settle loan relations in the digital environment. In particular, the issues concerning legislative determination of the civil law regime of digital money, consolidation of digital legal facts, possibility of applying general provisions on obligations to digital relations need immediate resolution. It is proved that in order to guarantee the proper fulfillment of cyber loan obligations, it is necessary to establish rules for the functioning of information systems at the legislative level, to formalize requirements for their operators and determine the responsibility of the latter for the data safety and reliability of transactions.

Keywords: digital money; cryptocurrency; loan agreement; blockchain technologies; loan obligations; crypto loan; digital relations.

Cite as: Starovoitova AS. Zaem tsifrovyykh deneg: problemy pravovoy kvalifikatsii [A Crypto Loan: Problems of Legal Qualification]. *Lex russica*. 2022;75(1):9-16. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.009-016. (In Russ., abstract in Eng.).

В настоящее время опубликовано достаточно большое количество юридических источников о цифровизации. В ходе анализа юридической литературы становится очевидным, что одним из востребованных элементов цифрового имущественного оборота, требующих пристального внимания юристов, являются цифровые (электронные) деньги. Если рассматривать цифровые деньги во взаимосвязи с классическими гражданско-правовыми конструкциями, возникает вопрос о том, можно ли передать указанные деньги по договору займа. Например, А. Г. Карапетов отмечает: «...мы не видим препятствий к заключению договора займа, предусматривающего передачу на возвратной основе электронных денежных средств, той или иной криптовалюты или иных стандартизиро-

ванных цифровых активов...»¹. На наш взгляд, ответ на этот вопрос требует подробного рассмотрения и тщательной теоретической проработки.

Любые общественные отношения невозможно исследовать изолированно от объектов, на которые направлено поведение их участников. В зависимости от характера таких объектов гражданское законодательство для каждой категории устанавливает определенный гражданско-правовой режим. Гражданско-правовой режим обуславливает возможность или невозможность совершения с теми или иными объектами гражданских прав определенных действий, направленных на возникновение правовых последствий. Это означает, что первое, с чего следует начать анализ заем-

¹ Заем, кредит, факторинг, вклад и счет : Постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2019. С. 65 (автор комментария к п. 1–3 ст. 807 ГК РФ — А. Г. Карапетов).

ных отношений в диджитал-среде, это определение правовой сущности цифровых денег. Необходимо установить место цифровых денег в системе классических понятий гражданского права и дать им юридическую характеристику.

Вопрос о сущности цифровых денег в контексте гражданского права рассматривался многими авторами². Прежде всего, в литературе обращается внимание на условность понятия «цифровые деньги». Термин «деньги» применим только к наличным деньгам, то есть банкнотам и монетам, которые относятся к категории вещей. Когда же речь идет о цифровых деньгах, то «...имеются в виду цифровые безналичные денежные средства — цифровые “безналичные деньги”»³. Напомним, что статья 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относит как наличные деньги, так и безналичные денежные средства. В то же время указанные объекты различны по правовой природе. В отличие от наличных денег, безналичные денежные средства не являются вещами, а представляют собой имущественные (обязательственные) права — права требования, возникающие из договора между банком и клиентом. Указанные имущественные права, являясь по своей природе идеальными, могут быть материализованы в электронной форме в виде совокупности данных и могут рассматриваться в качестве цифровых «безналичных денег».

Понятие «цифровые деньги» является собирательным и включает в себя разнородные явления, различные по своей природе. Так, в экономической литературе к цифровым деньгам предложено относить: мобильную фиатную валюту, валюту виртуальных миров, валюту корпоративного значения, криптовалюту, национальную криптовалюту. Как уже отмечалось выше, для анализа этих новых цифровых феноменов и оценки их внедрения в гражданский оборот необходимо определить их юридическую природу и гражданско-правовой режим.

В литературе отмечается, что при рассмотрении мобильной фиатной валюты внимание должно быть акцентировано не на особенностях ее сущности, а на инновационных способах хранения и обращения, которые предоставляют пользователям возможность без открытия банковского счета производить расчеты с помощью мобильных телефонов. Речь идет об «электронных кошельках» (QIWI, PayPal и др.) и prepaid-картах (пластиковых картах, на которых посредством микропроцессора зафиксирован определенный эквивалент денежной суммы, оплаченной эмитенту карты). Оставляя за рамками статьи рассуждения о некорректности формулировки понятия «мобильная фиатная валюта» (что может привести к его искаженному пониманию), отметим, что в юридическом смысле указанная категория цифровых денег представляет собой безналичные денежные средства (имущественные права — обязательственные права требования), о которых идет речь в ст. 3 Федерального закона от 27.07.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁴. Так, указанный закон закрепляет понятие «электронные денежные средства», суть которого сводится к безналичным денежным средствам в рублях или иностранной валюте, учитываемым банками без открытия банковского счета и переводимым с использованием новых технологий («электронных кошельков» и smart-карт). Известно, что в судебной практике признается возможность заключения договора займа безналичных денежных средств. Так, относительно гражданско-правового режима мобильной фиатной валюты видится очевидным, что она может являться объектом (имущественным правом) предоставления по договору займа, исполнение которого осуществляется с использованием инновационных технологий.

При анализе понятий «валюта виртуальных миров»⁵ и «валюта корпоративного значе-

² См., например: Рожкова М. А. Цифровые деньги: мобильная фиатная валюта, валюта виртуальных миров, валюта корпоративного значения, криптовалюта и национальная криптовалюта // Закон.ру. 2019. URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/07/cifrovye_dengi_mobilnaya_fiatnaya_valyuta_valyuta_virtualnyh_mirov_valyuta_korporativnogo_znacheniya (дата обращения: 28.03.2022); Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. 1. С. 102–124 (автор разд. I гл. 3 — д. ю. н., проф. Л. Ю. Василевская).

³ Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития. С. 104.

⁴ СПС «Гарант».

⁵ Валюта виртуальных миров — это понятие, используемое в компьютерных играх для обозначения определенного виртуального имущества, например цифровых персонажей, игровой техники и т.д.

ния»⁶ согласимся с Л. Ю. Василевской в том, что «рассматриваемая “валюта” не имеет никакого отношения к юридическому понятию денег и может быть причислена только к денежным суррогатам, запрещенным до сих пор на территории Российской Федерации»⁷, а поэтому не может рассматриваться в качестве объекта гражданских прав. Следовательно, и заключение договора займа в отношении указанных валют не представляется возможным.

Остановимся подробнее на особенностях криптовалюты.

Криптовалюту⁸ можно рассматривать как разновидность цифровых денег, то есть в качестве платежного средства, с помощью которого осуществляются расчеты в диджитал-среде. Посредством криптовалюты пользователи платежной системы осуществляют транзакции по оплате цифровых объектов обмена, которые приобрели товарный характер. Напомним, что появление криптовалюты связано с информационной системой, использующей блокчейн-технологии (публичный блокчейн) — программой с децентрализованным хранилищем базы данных, предусматривающей систему фиксации операций (транзакций) с виртуальными активами или правами на них в виде блоков с записями о нескольких транзакциях, образующих единую неразрывную цепь. Публичные блокчейн-системы функционируют на принципах анонимности, саморегулирования и необратимости транзакций.

В настоящее время использование криптовалютных централизованных бирж (Binance, Currency.com, Coinbase PRO, Huobi и др.) при совершении операций с цифровыми активами набирает всё большую популярность. Простота использования и удобный пользовательский интерфейс привлекают большинство обладателей криптовалюты. Так, например, ведущая мировая биржа Binance предлагает уникальный портфель криптовалютных активов и предоставляет полный спектр услуг для инвесторов и

трейдеров. Одной из таких услуг является передача криптовалюты в заем, осуществляемая на платформе Binance Loan. Получить цифровой актив в заем может любой пользователь, прошедший KYC-верификацию⁹ в блокчейн-экосистеме Binance. Объектом предоставления могут быть такие валюты, как биткоин, эфир, которые могут быть использованы в различных целях, в частности для осуществления спотовой, маржинальной и фьючерсной торговли. Криптовалюта передается в заем при условии предоставления залога, обеспечивающего возврат цифровых активов. Предметом залога также выступает криптовалюта (иной разновидности в сравнении с предметом займа), принимаемая в качестве последнего. Заем является срочным и платным. Передача цифровых денег осуществляется на основе смарт-контракта — программного кода, с помощью которого цифровые транзакции при определенных условиях совершаются в автоматическом порядке.

Итак, рассмотрев экономическую сущность криптовалютного займа, видим, что фактический механизм его предоставления сходен с механизмом традиционной передачи в заем вещи, определяемых родовыми признаками. Заемщик передает заимодавцу определенный залог, после чего получает на возвратной и платной основе криптовалюту для ее потребления. Однако возникает следующий вопрос. Можно ли такие отношения квалифицировать в качестве обязательства, оформляемого договором займа?

Как уже выше отмечалось, вывод о возможности или невозможности совершения с теми или иными объектами определенных юридических действий можно сделать только при уяснении их гражданско-правового режима. В юридической литературе высказываются различные точки зрения по поводу правовой природы криптовалюты. Так, в одних источниках криптовалюта отнесена к вещам¹⁰, в других — к объектам абсолютного цифрового права¹¹. При рассмотрении криптовалюты в

⁶ Валюта корпоративного значения — это вознаграждение клиента за покупки в виде бонусов, баллов или миль, которые можно использовать при следующих приобретениях («бонусные мили» ПАО «Аэрофлот», «мили» АО «Альфа-банк» и т.д.).

⁷ Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития. С. 111.

⁸ Криптовалюта — цифровая валюта (биткоин — Bitcoin, эфир — Ether и др.).

⁹ KYC-верификация — это процесс установления и подтверждения личности клиента.

¹⁰ См.: Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 118–119.

¹¹ См.: Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 418 (автор § 6.4 гл. 7 — д. ю. н., проф. Л. Г. Ефимова).

качестве разновидности цифровых денег, то есть, с одной стороны, как средства платежа, а с другой — как объекта имущественного оборота, наиболее убедительной нам представляется позиция Л. Ю. Василевской, согласно которой *криптовалюта в контексте гражданского права представляет собой денежный суррогат, который не может рассматриваться как объект гражданских прав*, так как указанное платежное средство не регламентировано государством¹². Такие цифровые деньги могут выступать только в качестве объекта имущественного оборота, не урегулированного правовыми нормами. Судебная практика демонстрирует подобную позицию. Так, суд отмечает, что понятие «криптовалюта» действующим законодательством не определено. Согласно ст. 128 ГК РФ криптовалюта не является объектом гражданских прав и в отношении такого цифрового актива не установлен гражданско-правовой режим. Следовательно, невозможно определить, к какой категории объектов гражданских прав относится такая разновидность цифровых денег¹³. Таким образом, рассмотренные фактические отношения с криптовалютой (заемные отношения, возникающие на платформе Binance) не являются правоотношениями и не могут быть оформлены гражданско-правовыми договорами. Это означает, что в настоящее время договор займа криптовалюты не может быть заключен. Гражданско-правовое оформление фактических заемных отношений может произойти только при условии, что законодатель признает криптовалюту в качестве объекта гражданских прав и установит для нее определенный гражданско-правовой режим.

Известно, что в доктрине признается многоаспектный характер понятия «договор». Под договором может пониматься: основание возникновения договорного обязательства («договор-сделка»), само правоотношение («договорное обязательство («договор-правоотношение»)), а также документ — определенный текст («договор-документ»). Так возникает сле-

дующий вопрос. Можно ли к взаимодействию участников фактических заемных отношений в диджитал-среде применять такие юридические термины, как «сделка», «правоотношение», «обязательство», «договор»? В судебной практике¹⁴ отмечается, что отношения по поводу криптовалюты не урегулированы действующим законодательством. Государственный контроль за выпуском и оборотом такой валюты отсутствует. Существо отношений, связанных с криптовалютой, не позволяет применить к ним по аналогии нормы, регулирующие сходные отношения. Кроме того, в ГК РФ не предусмотрены способы защиты прав обладателей криптовалюты. Анализируя цифровые фактические отношения в контексте гражданского права, сто́ит признать, что на сегодня можно лишь с большой долей условности говорить о таких понятиях, как «цифровая сделка», «цифровой договор», «цифровое обязательство», «цифровые способы защиты». Однако в связи с отсутствием нормативно-правового регулирования существующих отношений в диджитал-среде (в частности, заемных отношений на платформе криптовалютной биржи Binance) их участники не могут быть защищены в случае недобросовестного поведения определенных лиц. Эта ситуация создает необходимость оперативного разрешения со стороны законодателя. Таким образом, вышеизложенное актуализирует необходимость теоретической проработки вопроса о применении к цифровым отношениям положений об обязательствах и об оценке возможности гражданско-правовой защиты прав участников таких отношений.

В литературе утверждается, что действия анонимных пользователей блокчейн-систем можно лишь с определенной оговоркой квалифицировать в качестве сделок¹⁵. Так и фактические заемные отношения в диджитал-среде сложно назвать обязательственными, прежде всего потому, что заемное обязательство — это персонафицированная юридическая связь кредитора и должника. При оформлении дого-

¹² Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития. С. 116.

¹³ См.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09-АП-76537/2019 по делу № А-400164942/2019 ; апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 06.10.2020 по делу № 33-25661/2020 (см.: СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁴ См.: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 № 09-АП-76537/2019 по делу № А-400164942/2019 ; апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 06.10.2021 по делу № 33-25661/2020 (см.: СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁵ См.: *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–119.

вора необходимо достоверно определить лицо, выразившее волю. В этом случае об анонимности не может быть и речи. Однако отметим, что централизованные криптовалютные биржи функционируют на принципе «знай своего клиента». Так, каждый пользователь системы должен пройти регистрацию и предоставить различные данные, сведения и документы. Таким образом, при совершении операций с цифровыми активами на централизованной бирже (например, Binance) анонимность пользователей, а следовательно, и трудности в определении контрагента исключаются. Несмотря на сложности квалификации транзакций в качестве сделок, статья 141.1 «Цифровые права» ГК РФ устанавливает, что переход цифровых прав осуществляется путем совершения сделок. Иными словами, законодатель в результате применения юридико-технического приема — приравнивания «квазисделочных»¹⁶ действий между пользователями блокчейн-системы к сделкам — установил для указанных явлений единый правовой режим. Полагаем, что подобным образом можно подходить и к анализу отношений между пользователями системы в результате совершения ими транзакций — на основании ст. 307 ГК РФ к цифровым отношениям применять общие положения об обязательствах, если иное не вытекает из их существа.

Проблема защиты цифровых прав в большей степени упирается в сложности определения ответчика, реализации способов защиты прав (в частности, применения последствий недействительности сделки, присуждения к исполнению обязанности в натуре) и доказывания незаконности действий со стороны третьих лиц¹⁷. Указанные трудности обусловлены принципами работы блокчейн-системы (принципами анонимности, саморегулирования и необратимости транзакций). Однако отметим, что в случае совершения операций с цифровыми активами с использования криптовалютных централизованных бирж указанные проблемы могут быть разрешены. Во-первых, как мы уже отмечали, централизованные криптовалютные биржи функционируют на принципе «знай своего клиента». Следовательно, можно определить

ответчика, его местонахождение и юрисдикцию. Во-вторых, для осуществления операций с криптовалютой необходимо иметь два вида ключей шифрования: публичный и приватный. Публичный ключ может рассматриваться как «счет», на который пересылаются цифровые деньги. Использование приватного ключа представляет собой проставление цифровой подписи, которая подтверждает транзакцию по переводу криптовалюты. Таким образом, операции с цифровыми объектами может совершать исключительно владелец приватного ключа, и его утрата означает лишение пользователя системы активов. Для хранения указанных ключей используются электронные кошельки (специальное программное обеспечение), которые можно разделить на некастодиальные и кастодиальные. Некастодиальный кошелек — это вид децентрализованного кошелька, в котором именно владельцу криптовалюты принадлежат ключи (Blockchain Wallet, Coinbase Wallet и др.). Кастодиальный кошелек — это вид централизованного цифрового кошелька, в котором ключи хранятся у его разработчика. С одной стороны, некастодиальный кошелек представляется самым надежным вариантом «хранения» криптовалюты, однако, с другой стороны, такие несомненные преимущества, как удобный пользовательский интерфейс, простота использования, предоставление возможности совершения широкого спектра операций с криптовалютой, сделали весьма привлекательным кастодиальный кошелек, предлагаемый различными криптовалютными биржами. На биржах ключи генерируются и остаются на серверах разработчиков, а не на устройствах пользователей системы. Таким образом, применительно к принципу саморегулирования и принципу необратимости транзакций можно отметить следующее. Операции с цифровыми объектами может совершать обладатель приватного ключа, но приватный ключ остается на сервере биржи. Следовательно, существует техническая возможность принудительного исполнения решений суда, в том числе и в случаях присуждения к реституции, к исполнению обязанности в натуре. Такие меры могут быть

¹⁶ См. подробнее: *Василевская Л. Ю.* Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий: проблемы определения и толкования // *Хозяйство и право.* 2019. № 9. С. 15–30.

¹⁷ См. подробнее: *Старовойтова А. С.* Проблемы гражданско-правовой защиты цифровых прав // *Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VII Международной научно-практической конференции.* Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. С. 211–215.

реализованы путем внесения новых записей о транзакциях в блокчейн-системе, а не посредством исправления имеющихся.

На наш взгляд, в случае изменения гражданского законодательства в сторону урегулирования заемных отношений в диджитал-среде следует уделить внимание вопросам:

- 1) о законодательном установлении гражданско-правового режима цифровых денег и закреплении цифровых юридических фактов;
- 2) о возможности применения к цифровым отношениям общих положений об обязательствах;
- 3) о форме договора займа и порядке его заключения (речь идет о достижении соглашения, которое подчиняется определенным правилам об оферте и акцепте, о моменте, когда соглашение признается достигнутым, а также требованиям о необходимых реквизитах (подписях сторон));
- 4) о правилах функционирования информационных систем, а также о закреплении требований к операторам указанных систем и об установлении их ответственности за сохранность данных и достоверность совершаемых транзакций;
- 5) о требованиях к пользователям информационных систем, в том числе к их регистрации;
- 6) о разработке юристами условий смарт-контрактов, раскрывающих права и обязанности сторон договора займа для его автоматического исполнения, в том числе условий о залоге цифровых активов;
- 7) о способах защиты прав обладателей цифровых денег и порядке исполнения решений суда в цифровой среде;
- 8) о доказательствах, подтверждающих передачу цифровых денег во исполнение договора займа.

Рассмотрим последнюю разновидность цифровых денег — национальную криптовалюту. В литературе отмечается, что национальная криптовалюта кардинально отличается от

криптовалюты, которая была проанализирована выше. С юридической точки зрения национальная криптовалюта представляет собой цифровые безналичные денежные средства. Иными словами, по правовой природе указанная разновидность цифровых денег является имущественным правом (правом требования). В качестве примера можно привести создание цифрового рубля, которое анонсировал ЦБ РФ. В отличие от криптовалюты, национальная криптовалюта не является денежным суррогатом, так как легитимирована государством. Ее выпуск, учет и порядок обращения определяются и осуществляются ЦБ РФ. Такая валюта должна рассматриваться государством в качестве законного средства платежа, использоваться для оплаты товаров внутри страны и представлять собой форму национальной валюты. Существование национальной криптовалюты связано с использованием частного блокчейна (в отличие от криптовалюты, которая базируется на публичном блокчейне), поэтому анонимность пользователей исключена, платежная система управляется и контролируется государством. Рассматривая национальную криптовалюту с точки зрения ее правовой природы и особенностей блокчейн-технологии, на которой она основана, следует отметить, что такая цифровая валюта могла бы быть предметом договора займа при ее регламентации и соответствующем урегулировании цифровых отношений.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что признавать или отрицать возможность заключения договора займа в отношении цифровых денег без учета позиции законодателя несколько преждевременно. Совершение на практике фактических действий по передаче цифровых денег вовсе не означает, что такие действия порождают гражданские правоотношения. При отсутствии нормативно-правового регулирования цифровых отношений говорить о «цифровых сделках», «цифровых обязательствах» и «цифровом договоре займа» безусловно¹⁸.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Василевская Л. Ю. Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий: проблемы определения и толкования // *Хозяйство и право*. — 2019. — № 9. — С. 15–30.
2. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // *Актуальные проблемы российского права*. — 2019. — № 5. — С. 111–119.

¹⁸ См. подробнее: Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития. С. 182–197.

3. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1. — М. : Проспект, 2021. — 288 с.
4. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет : Постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2019. — 1282 с.
5. Рожкова М. А. Цифровые деньги: мобильная фиатная валюта, валюта виртуальных миров, валюта корпоративного значения, криптовалюта и национальная криптовалюта // Закон. ру. 2019. — URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/7/cifrovye_dengi_mobilnaya_fiatnaya_valyuta_valyuta_virtualnyh_mirov_valyuta_korporativnogo_znacheniya.
6. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. — 2018. — № 9. — С. 118–124.
7. Старовойтова А. С. Проблемы гражданско-правовой защиты цифровых прав // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VII Международной научно-практической конференции. — Иркутск, 2019. — С. 211–215.
8. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2020. — 640 с.

Материал поступил в редакцию 11 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Vasilevskaya LYu. Elektronnaya forma sdelok v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy: problemy opredeleniya i tolkovaniya [Electronic form of transactions in the context of digital technologies development: problems of definition and interpretation]. *Business and Law*. 2019;9:15-30. (In Russ.).
2. Vasilevskaya LYu. Token kak novyy obekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava [Token as a new civil rights object: issues of legal classification of digital law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;5;111-119. (In Russ.).
3. Vasilevskaya LYu, Poduzova EB, Tasalov F. Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya (tsivilisticheskoe issledovanie) [Digitalization of civil turnover: problems and development trends (civil research)]: in 5 Vols. Vol. 1. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).
4. Karapetov AG (ed.). Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: Postateynny kommentariy k statyam 807–860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Loan, credit, factoring, contribution and account: Article-by-article commentary on Articles 807–860.15 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: M-Logos Publ.; 2019. (In Russ.).
5. Rozhkova MA. Tsifrovye dengi: mobilnaya fiatnaya valyuta, valyuta virtualnykh mirov, valyuta korporativnogo znacheniya, kriptovalyuta i natsionalnaya kriptovalyuta [Digital money: mobile fiat currency, virtual worlds currency, corporate currency, cryptocurrency and national cryptocurrency]. *Zakon.ru*. 2019. Available at: https://zakon.ru/blog/2019/10/7/cifrovye_dengi_mobilnaya_fiatnaya_valyuta_valyuta_virtualnyh_mirov_valyuta_korporativnogo_znacheniya [Accessed 27.9.2022]. (In Russ.).
6. Sazhenov A A. Kriptovalyuty: dematerializatsiya kategorii veshchey v grazhdanskom prave [Cryptocurrencies: Dematerialization of the Category of Things in Civil Law]. *Zakon*. 2018;9:118-124. (In Russ.).
7. Starovoitova AS. Problemy grazhdansko-pravovoy zashchity tsifrovyykh prav [Problems of civil protection of digital rights]. Problems of modern legislation of Russia and foreign countries: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference. Irkutsk; 2019. (In Russ.).
8. Blazheev VV, Egorova MA (eds.). Tsifrovoe parvo [Digital law: textbook]. Moscow: Prospect Publ.; 2020. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032

Н. Н. Тарусина*

Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры¹

Аннотация. В статье рассматриваются варианты значения возраста как самостоятельного юридического факта или элемента сложного юридико-фактического состава в семейно-правовой сфере. Автор констатирует, что юридическое значение возраста человека многообразно и неоднозначно. При этом законодательные решения строятся с учетом различных факторов: условности цифрового обозначения точки возрастного отчета, уважения национальных и культурных традиций, в том числе правовых, соображений о медицинских и психологических характеристиках, более или менее соответствующих тому или иному возрасту, субъективных предпочтений или ошибок, сугубо политических (идеологических) мотивов. В результате сочетание указанных факторов приводит к обоснованным или же разной степени необоснованным позициям, в высшей степени приблизительным в цифровом плане.

Критикуются положения семейного закона о региональном разнообразии в вопросе снижения брачного возраста, которое далеко не всегда отражает реальные национально-культурные особенности территорий и избыточно локализует действие конструкции дееспособности. Анализируется дифференциация возрастных возможностей ребенка как субъекта семейного права, в том числе в контексте взаимодействия с соответствующими решениями в других отраслях российского права (конституционного, муниципального, административного, гражданского, трудового, гражданско-процессуального). Констатируется отсутствие системы в данном вопросе. Предлагается корректировка законодательства в части систематизации «точек запуска» частичной дееспособности несовершеннолетних. Делается акцент на психологическом контексте проблемы юридически значимого возраста ребенка. Демонстрируются и иные значения возраста для семейно-правовой сферы — в институтах недействительности брака, алиментных обязательств, опеки и попечительства, усыновления (удочерения).

Ключевые слова: возраст; юридическое значение; дифференциация возраста; систематизация решений; брак; ребенок; несовершеннолетнее родительство; семейные правоотношения.

Для цитирования: Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 17–32. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.

Age as a Legal Fact in the Family Sphere: Temptations and Conventionality of the Number of Years²

Nadezhda N. Tarusina, Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Social and Family Legislation, Demidov Yaroslavl State University; Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sovetskaya, d. 14, Yaroslavl, Russia, 150003
nant@uniyar.ac.ru

Abstract. The paper examines the meanings of an age as an independent legal fact or an element of a complex legal and factual structure in the family legal sphere. The author states that the legal significance of a person's

¹ Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯрГУ, проект № П2-К-1-Г-2/2021.

² The reported study was funded by YSU Programme according to the research project № P2-K-1-G-2/2021.

© Тарусина Н. Н., 2022

* Тарусина Надежда Николаевна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, заслуженный юрист Российской Федерации
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Россия, 150003
nant@uniyar.ac.ru

age is diverse and ambiguous. At the same time, legislative decisions are based on various factors: conventions of the digital designation of the age report point, respect for national and cultural traditions, including legal ones, considerations about medical and psychological characteristics more or less corresponding to a particular age, subjective preferences or mistakes, purely political (ideological) motives. As a result, the combination of these factors leads to justified or, to varying degrees, unjustified approaches that are extremely approximate in digital terms.

The paper criticizes family law provisions concerning regional diversity and regulating the issue of reducing the age of marriage, which does not always reflect the real national and cultural characteristics of the territories and excessively localizes the concept of legal capacity. The author analyzes the differentiation of the child's age capabilities as a subject of family law, including the context of interaction with relevant decisions in other branches of Russian law (constitutional, municipal, administrative, civil, labor, civil procedure). The absence of a system in this matter is stated. It is proposed to adjust the legislation in terms of systematization of «launch points» of partial legal capacity of minors. The author emphasizes a psychological context of the problem of a legal age for the child. The paper demonstrates other values of age for the family law sphere, namely: invalidity of marriage, alimony obligations, custody and guardianship, adoption (adoption).

Keywords: age; legal significance; age differentiation; systematization of decisions; marriage; child; minor parenthood; family legal relations.

Cite as: Tarusina NN. *Vozrast kak yuridicheskiy fakt v sfere semi: soblazny i uslovnost tsifry* [Age as a Legal Fact in the Family Sphere: Temptations and Conventionality of the Number of Years]. *Lex russica*. 2022;75(10):17-32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032. (In Russ., abstract in Eng.).

Юридическое значение возраста человека с точки зрения и «момента запуска», и содержания последствий — многообразно и неоднозначно. При этом законодательные решения строятся с учетом различных факторов: условности цифрового обозначения точки возрастного отчета, уважения национальных и культурных традиций, в том числе правовых, соображений о медицинских и психологических характеристиках, более или менее соответствующих тому или иному возрасту, субъективных предпочтений или ошибок, сугубо политических (идеологических) мотивов. В результате сочетание указанных факторов приводит к обоснованным или же разной степени необоснованным позициям, в высшей степени приблизительным в цифровом плане.

Историко-правовой и сравнительно-правовой взгляд на проблему подтверждает означенные тезисы. Так, исходя из вполне очевидного для юриспруденции тезиса о том, что «физическая и психическая зрелость человека наступает нескоро после рождения», для понимания совершаемого юридического акта «необходимо достижение умственной зрелости и приобретение некоторого житейского опыта»³, различные элементы конструкции дееспособности запускаются дифференцированно: минимум

возможностей для малолетних (дабы они не повредили собственным интересам) — с их возрастом по мере взросления лица. В древнем русском праве, при общем отсутствии срока совершеннолетия, более всего упоминаний о допущении к самостоятельной деятельности приходится на 15-летний возраст, в петровские времена обнаруживаем указание на поступление дворян на службу с этого же возраста (указ 1723 г.), а в екатерининские — совершеннолетними объявлялись граждане по достижении 21 года (1785 г.)⁴, что сохранялось до законодательных решений после Октябрьской революции. Однако при этом русское гражданское право всё же предусматривало некоторую дифференциацию: до 14 лет — малолетство, от 14 до 17 — малолетство второй ступени, или несовершеннолетие в «тесном смысле»⁵ (с правом просить о смене опекуна, решения о следовании в ссылку за своими родителями, изъявления согласия на усыновление, дозволением делать вклады в ссудо-сберегательных кассах и распоряжаться ими); с 17 до 21 года — с правом вступления в управление своим именем, совершения ряда сделок, но с согласия опекуна⁶. Возраст супружеского союза отличался от «цивильного», был гендерно дифференцирован (18 — для мужчин и 16 — для женщин;

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. С. 87–88.

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 88–89.

⁵ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. Ч. 1. С. 98.

⁶ См.: Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. М.: Зерцало, 2004. Т. 1. С. 303–304.

с допущением с 1857 г. снижения до полугода по усмотрению епархиального архиерея) и не оказывал влияния на «Общецивильную» дееспособность⁷.

Несмотря на то что в большинстве «западных» и ряде «восточных» стран возраст гражданской дееспособности был снижен с 21 года до 18 лет, до настоящего времени сохраняются и возрастные вариации: 18 лет — Австрия; 20 лет — Лихтенштейн, Южная Корея, Таиланд, Япония и др.; 21 год — Бразилия, Египет, Индонезия, Ливия, ОАЭ и др. При этом минимальный брачный возраст в ряде стран не совпадает с возрастом полной гражданской дееспособности: например, в Японии — в 18 (для мужчин) и 16 (для женщин), в Китае — 22 и 20 лет соответственно (гражданская дееспособность — с 18 лет); в Республике Беларусь — 18 лет (с возможностью снижения в пределах 3 лет), в Азербайджанской Республике — 18 лет (с правом уменьшения только на 1 год) и т.д. Даже из предложенной «цифровой картины» явствует сомнение в прямом и исключительном следовании того или иного законодателя национальным и культурным традициям, ибо только на этом основании невозможно объяснить совпадение решений в странах, столь различных между собой⁸. Данное предположение подтверждается и историческими образцами нормативов о брачном возрасте в советском законодательстве: например, и на Украине, и в Узбекистане общее правило было гендерно дифференцировано на 18 и 17 лет (сходство же между указанными советскими республиками — лишь алфавитное...). Полагаем, что культурные традиции, национальные особенности, в том числе правовой системы, соображения идеологического порядка (например, о неукоснительном следовании принципу гендерного равенства), характер взаимодействия юридической доктрины и законотворческой практики, различного рода прагматичные соображения — факторы, в тех или иных вариациях предопределяющие обсуждаемые правовые позиции и дающие подчас не вполне ожидаемые результаты.

Определенные различия наблюдаются и в подходе к вопросу о моменте возникновения

правоспособности. Так, несмотря на стратегическое правило о ее «запуске» с рождения, ряд правовых возможностей появляются задолго до данного прекрасного во всех отношениях события. Об этом в неконкретизированном виде сообщается в преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 г. со ссылкой на Декларацию прав ребенка 1959 г.: «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Соответственно, многие государства, опираясь на собственную правовую доктрину и рецепируя положения римского частного права, либо декларируют в конституциях общий тезис о защите прав и интересов ребенка с момента зачатия и конкретизируют его в отраслевом законодательстве, либо ограничиваются последним. Например, Аргентина специально указывает, что ребенком признается человеческое существо с момента зачатия и до возраста дееспособности, в законодательных актах (конституциях, иных законах) Венгрии, Германии, Ирландии, Нидерландов, Словакии, США, Чехии и др. закреплено, что право на жизнь защищается, как правило, и до рождения⁹.

Российское законодательство подобных заявлений избегает, не погружаясь в неустрашимую коллизию между конституционными и отраслевыми нормами о приоритетной защите прав и интересов детей и правом женщины, пусть и ограниченным, на прерывание беременности¹⁰. В то же время, во-первых, указанный общий тезис опосредованно реализуется в законодательстве об охране здоровья граждан (в рамках медицинского сопровождения беременности), о труде и социальном обеспечении (в нормах о льготах и об иной поддержке женщин в означенном состоянии), о браке и семье (в нормах об ограничении права на развод с беременной супругой, о праве на алименты в состоянии беременности), об уголовном преследовании (например, в нормах о специальном составе убийства такой женщины). Во-вторых, он непосредственно обнаруживает себя в гражданском законодательстве (в рамках

⁷ См.: Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С. 304.

⁸ Например, до гендерной нейтрализации французской версии брачного возраста нормативно-правовые решения почти совпадали во Франции (18 и 15 лет) и Японии (18 и 16 лет).

⁹ См., например: Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка // Государство и право. 2006. № 4. С. 54–60.

¹⁰ Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о праве родиться // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 5 (174). 55–56.

рецепции римского частного права): правило ст. 1116 ГК РФ призывает к наследованию граждан, зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства, а норма ст. 1088 кодекса закрепляет для аналогичного субъекта право на возмещение вреда в связи со смертью потерпевшего (кормильца).

Определенная коллизийность решений о юридическом значении возраста наблюдается и внутри российского законодательства — между отраслями права и правовыми институтами внутри отрасли. Как мы уже заметили, те или иные возрастные границы устанавливаются законодателем с большой долей условности (что, в принципе, неизбежно) и субъективизма (что вряд ли приемлемо). Некоторые компоненты конституционной дееспособности (в единстве с правоспособностью) появляются с 14 лет (например, согласие для приобретения или прекращения гражданства — ч. 2 ст. 9 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»), а иные — с 16 лет (например, участие в отдельных формах муниципального народовластия — ч. 4 ст. 26.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). При этом дети в ситуации неопределенного типа дееспособности и статуса вправе участвовать в общественных организациях и общественных мероприятиях, выражать свое мнение в рамках соответствующей конституционной свободы¹¹.

В отраслевых и межотраслевых пространствах возрастные «правовые качели» работают еще интенсивнее. Так, после рождения, то есть с официально признанного момента запуска правоспособности гражданина, гражданско-правовая «минидееспособность» возникает с 6 лет, частичная — с 14 лет, в 16 допускается эмансипация. Трудовая правосубъектность (правоспособность и дееспособность — в традиционном комплекте) по общему правилу стартует в 16 лет (на определенных условиях — с 14 и 15 лет, с исключениями для более младших возрастов — ст. 20, 54.1, 63 ТК РФ). При этом в доктрине трудового права полагают нецелесообразным ориентироваться на соответствующие цивилистические конструкции и их

цифровые обозначения, традиционно избегая субсидиарного применения гражданского законодательства¹². Административная ответственность, в смысле деликтной правосубъектности, наступает также с 16 лет (ст. 2.3 КоАП РФ). Уголовная ответственность «запускается», в порядке исключения, с 14 лет (для отдельных тяжких преступлений — ст. 20 УК РФ).

Законодательство об образовании в основном избегает цифровых обозначений, используя другие критерии, в частности уровни образовательных программ (например, дисциплинарные взыскания не применяются к обучающимся дошкольного и начального общего образования — п. 5 ст. 43 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Медицинское законодательство учитывает позицию несовершеннолетнего с 15 лет (ч. 2 ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Конструкция гражданско-процессуальной дееспособности, как и должно в контексте характера взаимодействия материального и процессуального законов, в целом следует за характером дееспособности в материальных отраслях права. Однако четкой диспозиции по данному вопросу статья 37 ГПК РФ всё же не предлагает: определен лишь суверенный статус несовершеннолетнего, вступившего в брак или эмансипированного, с 14 лет возможно самостоятельное участие в процессе в случаях, прямо предусмотренных федеральным законодательством (однако с правом суда привлечь в процесс законного представителя), а процессуальный статус детей до 14 лет не определен (как теперь выражаются, «от слова “совсем”»), несмотря на то что по ряду категорий дел, в том числе и прежде всего семейных, они могут участвовать в судебном разбирательстве. В каком качестве — свидетелей, соучастников, самостоятельных сторон?.. При этом очевидно, что представительство их интересов родителями или лицами, их замещающими, не отменяет правоспособности и далеко не полностью перекрывает («дезавуирует») минидееспособность ребенка (не «говорящей вещи», не объекта, а субъекта права), чье мнение, а не только лишь свидетельствование о фактах значимо для суда

¹¹ См., например: *Ситкова О. Ю.* Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничение в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 27–30; *Саленко А. В.* Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 48–61.

¹² См.: *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Трудовое право. М.: Проспект, 2021. С. 163–166.

(ст. 56–57 СК РФ) и по смыслу закона, и по соображениям житейского опыта, а возможно, и житейской мудрости как его венца. Совершенно очевидно, что означенная лакуна должна быть нормативно заполнена системными, обоснованными решениями.

Однако наиболее ярко выражены возрастные «правовые качели» именно в семейно-правовой сфере. Так, в отличие от классической цивилистики (гражданского права) возрастной ценз «правовой осознанности действий» начинается в 10 лет. При этом ребенок, не достигший данного цифрового барьера, обладает частичной семейной дееспособностью, ибо вправе не только иметь и высказывать мнение по вопросам своего семейного статуса и семейного бытия, но и рассчитывать на учет этого мнения со стороны родителей, иных попечителей, органов опеки и попечительства, суда и других правоприменителей (ст. 57 СК РФ). С 10 же лет его праву на мнение корреспондирует обязанность перечисленных лиц безусловным образом учитывать данную позицию. До достижения 10-летнего возраста, на наш взгляд, наличествует не обязанность, а правомочие со значительной энергетикой правоприменительного (прежде всего судебского) усмотрения¹³.

С этого же возраста к статусу ребенка подключается конструкция согласия на совершение ряда семейно-правовых актов, затрагивающих его интересы (согласие на изменение имени/фамилии, восстановление в родительских правах его генетических матери/отца, усыновление/удочерение, назначение опекуна). Означенное правомочие, как видим, в своем применении весьма ограничено. В доктрине в течение длительного времени масштаб ограничения подвергается критике. В частности, предлагается распространить действие рассматриваемой конструкции на заключение согла-

шений об алиментах, о порядке осуществления родителями своих прав (в том числе в рамках разрешения споров о месте проживания ребенка и порядке общения с ним отдельно проживающего родителя, близких родственников)¹⁴, а также при рассмотрении судом дела об установлении/оспаривании отцовства¹⁵. С данными предложениями вполне солидарны. Небезосновательно и соображение о том, что конструкция согласия должна действовать не только в рамках судебного разбирательства, но и при заключении соглашений между родителями¹⁶ (там, где они сущностно возможны). Сомнения вызывает только целесообразность учета мнения 10-летнего ребенка при заключении соглашения о взыскании алиментов. Думается, в этом вопросе более уместна возрастная аналогия классической цивилистики (14 лет), так как речь идет об имущественном правоотношении.

Однако 10-летний возрастной ценз находится в дискуссионном поле. С одной стороны, он подвергается именно цивилистическому сомнению, так как совершенно не коррелирует с положениями о гражданско-правовой дееспособности несовершеннолетних. В частности, предполагается, что подобная корреляция вполне разумна при решении вопроса, с какого возраста при разрешении спора о месте проживания ребенка учет его мнения является обязательным¹⁷. В доктрине высказывается также гипотеза о снижении возраста семейно-правового согласия до 7 лет (то есть без корреляции с ГК РФ): решение современного законодателя о 10-летнем барьере автоматически перенесено из предыдущего кодекса; оно не подкреплено психологическим обоснованием, не учитывает более раннего созревания ребенка «в эпоху глобальных перемен»¹⁸. Данная позиция подвергнута мягкой критике: при кажущейся само-

¹³ См.: Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 41–42.

¹⁴ См., например: Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 14.

¹⁵ См.: Хазова О. А. Установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83–84.

¹⁶ См.: Федорова Л. Ф. О проблемах реализации права ребенка на выражение своего мнения // *Евразийская адвокатура*. 2014. № 5 (12). С. 82.

¹⁷ См.: Эрделевский А. М. Право ребенка на выражение мнения // СПС «КонсультантПлюс». 2001.

¹⁸ См.: Федорова Л. Ф. Указ. соч. С. 80.

Автор, опираясь на суждения некоторых психологов, обращает также внимание на то, что «первое рождение личности» происходит в 3 года, а значит, с этого возраста ребенок может выразить свое мнение по вопросам, затрагивающим его интересы... Оставим это фантастическое предположение в разделе «гипотезы».

очевидности решение далеко не бесспорно, так как не исключено опасное воздействие на волю такого ребенка одним из родителей — именно поэтому возникает необходимость участия в процессе психолога, проведения судебно-психологической экспертизы¹⁹. Добавим: и именно поэтому эксперименты с возрастом как юридическим фактом, дифференцирующим рассматриваемый статус, требуют осторожности.

С другой стороны, данный возраст (10 лет) всё же не представляется достаточным для принятия осознанных решений (тем более юридического свойства) — именно с точки зрения психологии (по крайней мере классической). Специалисты в означенной области знаний и деятельности полагают, что необходимый уровень самосознания и самовыражения (соответствующего учета мнения в форме дачи согласия), по общему правилу, можно ожидать лишь в подростковом возрасте, то есть не ранее 12 лет²⁰. Впрочем, «сложносочиненные психологические сады» возрастной дифференциации далеко не всегда воспроизводятся в образе цифр. Так, общепринятое соображение о том, что проблема возраста имеет стратегическое значение «в общей линии психического и личностного развития ребенка», является не только центральным для всей детской психологии, но и ключом ко всем вопросам практики (разумеется, в системе с оценкой его индивидуальных

особенностей)²¹; в психологической науке доминируют такие характеристики, как «дошкольный возраст», «школьники младших классов», «подростковый возраст», хотя и с некоторой конкретизацией. Что касается готовности, пусть и весьма относительной, к принятию решений, то ориентиром служит именно подростковый возраст — возраст формирования абстрактно-логического (теоретического) мышления, необходимого для понимания, усвоения и использования правовых норм²². «Когнитивное развитие, — отмечается в доктрине, — характеризуется абстрактным мышлением и растущим использованием метапознания. Эти процессы оказывают влияние на границы и содержание памяти подростка, способы решения проблем, особенности мышления в социальном контексте и вынесение моральных суждений»²³. Биологический же подростковый возраст определяется в условных границах: от 11 (12) до 14 (15) лет²⁴, от 12 до 16 лет²⁵, от 12 до 18 лет²⁶, от 13 до 18 лет²⁷ и т.д. Так или иначе, необходимый (а возможно, и минимальный — с учетом индивидуализации подхода) уровень самосознания, когнитивного развития как предпосылка для принятия значимых решений предполагается не ранее 11–13 лет. Гипотеза о более раннем взрослении современного ребенка пока не подтверждается. Более того, его вовлеченность в цифровое (виртуальное) пространство, дли-

¹⁹ См.: Зыков С. В. Учет мнения ребенка по спорам между родителями о месте его жительства // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 14.

²⁰ См., например: Эльконин Д. Б. Введение в детскую психологию // Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. С. 55.

²¹ См.: Дубровина И. В. Л. С. Выготский и современная практическая психология (к 120-летию со дня рождения Л. С. Выготского) // Вестник практической психологии образования. 2016. № 2 (47). С. 5.

²² См., например: Божович Л. И. Личность и учение подростка // Психологическая наука и образование. 1997. Т. 2. № 1. С. 5–6.

²³ Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2005. С. 408.

²⁴ См.: Мухина В. С. Возрастная психология. М.: Академия, 1997. С. 347.

Справедливости ради следует заметить, что некоторые авторы не исключают и 10-летний возраст (см.: Шаповаленко И. В. Психология развития и возрастная психология. М.: Юрайт, 2012. С. 411; Клюева Н. В., Сизова А. В., Пашкина О. С. Коммуникативные навыки младших подростков, играющих в видеоигры // Ярославский психологический вестник. 2022. № 1 (52). С. 103). Впрочем, последние авторы не ставили перед собой цели определить подростковый возраст способности к принятию решений, а лишь констатировали начальную точку отсчета для категории младшего подросткового возраста, с которого в принципе можно говорить о таковых попытках.

²⁵ См.: Божович Л. И. Указ. соч. С. 5.

²⁶ См.: Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: АСТ, 2000. С. 16. (Для уточнения: в предложенной книге автор не привел цифровых границ подросткового возраста, однако Д. Элкин в предисловии к этой книге, ссылаясь на позицию ее автора, указанную периодизацию обозначил.)

²⁷ См.: Выготский Л. С. Проблема возраста // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. С. 244–268.

тельное там (в Интернете) пребывание «негативно влияет на когнитивные способности, психосоматику и качество развития», «онтологический соблазн» цифры ослабляет самосознание и самоидентификацию, искушает к отказу от самого себя, от своей собственной нормы²⁸, находящейся в стадии формирования.

При этом, например, правила о допуске ребенка к информации, в том числе фиксированной в книгах и других подобных источниках, включая цифровые формы, предусматривают несколько ступеней возрастной дифференциации, отличающейся от классических трендов: 6+, 12+, 16+, 18+ (Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

Очевидно, что доктринальные, в том числе прикладного характера, размышления об обоснованной градации юридических возможностей ребенка должны быть продолжены — в рамках совместных усилий представителей трех гуманитарных наук: юриспруденции, психологии и педагогики. Причем на данном этапе такого взаимодействия приходится констатировать отсутствие системного междисциплинарного подхода, наличие лишь отдельных разработок в рамках конкретной проблематики (например, об особенностях учета мнения ребенка при проведении судебно-психологической экспертизы по делам об определении места его жительства или о порядке общения с ним одного из родителей — в ситуации их раздельного проживания).

Следующие семейно-правовые возрастные лаги — 14 (15) и 16 лет. Их фиксация, в отличие от гражданско-правовой, также не лишена как пробелов, коллизий, так и сомнительных решений. Наиболее ярко это проявляется в институте брака и несовершеннолетнего родительства.

Российские вариации минимального брачного возраста богаты неожиданностями. Так, в отличие от КоБС РСФСР, которым допускалось, при наличии уважительных причин и в рамках административного усмотрения, снижение

брачного возраста до 16 лет, статья 13 СК РФ предполагает региональное правотворчество по данному вопросу — право законом субъекта РФ разрешить, при особых жизненных обстоятельствах (беременность определенного срока, создание фактической семьи, призыв в ВС РФ и т.п. — основания также регионально дифференцируются), снижение означенного возраста до 15 или 14 лет²⁹. Норматив СК РФ не предусматривает нижнего возрастного предела, что технологически неверно. Это дает возможность для фиксации в региональных нормативных правовых актах столь же небрежных заявлений. Например, в первой редакции Семейного кодекса Республики Башкортостан (ч. 2 ст. 12) лимит также отсутствовал, что, в отличие от правила о делегированном субъекту Федерации полномочии (ст. 13 СК РФ), затрудняло толкование и применение означенного полномочия. Между тем минимальный возрастной предел очевиден — 14 лет, и он обусловлен содержанием начал российского законодательства: о неполной гражданской дееспособности, об исключительной уголовной ответственности, о получении документа (паспорта), юридически идентифицирующего личность, о праве на самостоятельную судебную защиту по семейным вопросам и т.д.

В принципе очевидно, что причины возрастного послабления в основном сводятся к необходимости учета национально-культурных особенностей регионов, значимых интересов несовершеннолетних (в основном, женского пола), оказавшихся в семейно-неопределенной ситуации, а также отрицательному отношению законодателя (и, как предположение, общества в целом) к фактическим семейным союзам³⁰. Однако предоставленная СК РФ региональная «вольница» привела и к абсурдным ситуациям. Так, например, в Центральном федеральном округе, объединяющем области, весьма сходные по культурному «геному», в рамках федеральной нормы о 16-летнем барьере остались только Ярославская область и

²⁸ См.: Смирнов С. А. Человек и цифра: история соблазна // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 8 (454). С. 22–23.

²⁹ В соответствии с Рекомендациями о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков (принятыми резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 01.11.1965) минимальный брачный возраст установлен в 15 лет, с допущением исключений для особых категорий случаев.

³⁰ Как известно, проекты о введении хотя бы частичной защиты интересов фактических супругов неукоснительно отклоняются, несмотря на справедливые аргументы в пользу такого решения. См., например: Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1 (182). С. 138–139.

г. Москва (без Московской области), остальные воспользовались предоставленным им правом, но вразной, предусмотрев порог либо в 15, либо в 14 лет. При этом соответственно полная дееспособность стартует также дифференцированно... Воистину — рязанская, тверская, ярославская законность... Небезынтересен также и тезис о своеобразной «территориальной дискриминации»³¹ предбрачного статуса несовершеннолетних граждан. В доктрине (и мы изначально к этому присоединились) высказано справедливое соображение о возврате к федеральному нормированию (с лимитом в 16 или 14 лет)³². И пусть региональное административное усмотрение индивидуализирует федеральную норму к конкретному случаю (при барьере выше 14 лет), а не к своему демографическому конгломерату в целом. При этом мы не солидарны с предложениями о необходимости обязательного сопровождения решения о снижении брачного возраста согласием родителей несовершеннолетних кандидатов на супружество³³: строго личный характер данного семейного правоотношения исключает, на наш взгляд, столь жесткое вмешательство в данную сферу — достаточно и того, что в процессе принятия соответствующего административного решения позиция родителей может быть обозначена, усмотренчески оценена и учтена наряду с другими фактами. Полагаем также,

что доктринальные ссылки на зарубежное законодательство не вполне уместны, так как в «западном» праве конструкция брака онтологически сродни гражданско-правовой сделке, а российское законодательство зиждется на другой идеологической платформе — как бы ни хотелось иного современным конструкторам брачного договора сугубо цивилистического (гражданско-правового) толка, обрамляющего некоторые супружеские союзы³⁴. (Впрочем, в настоящее время именно на региональном уровне опосредованно данная конструкция «согласия» применяется. Так, например, в соответствии с Законом Московской области (от 30.04.2008 № 61/2008-03) заявление на имя губернатора о снижении брачного возраста подается родителями или другими законными представителями несовершеннолетнего, что, по сути, и является аналогом согласия. Варианты негативной позиции представителей могут быть преодолены путем самостоятельной подачи заявления 14-летним (15-, 16-летним) в органы опеки и попечительства.)

Что касается несовершеннолетнего родительства, то, с одной стороны, возраст такового, по вполне понятной причине, не установлен (ибо «неисповедимы пути твои, Господи...»), однако, с другой стороны, наличествует формализация такого специального родительского статуса: до 14 лет — никшни³⁵, с 14 лет появля-

³¹ См.: *Леканова Е. Е.* К вопросу о защите интересов несовершеннолетних при вступлении в брак // Социально-юридическая тетрадь. 2018. № 8. С. 70.

³² *Антокольская М. В.* Семейное право. М. : Юрист, 1997. С. 120 ; *Куриленко О. Г.* Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 13.

³³ См., например: *Якушев П. А.* Минимальный возраст вступления в брак: традиционное и правовое регулирование // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 36 ; *Трофимец И. А.* Актуальные вопросы заключения и прекращения брака на постсоветском пространстве. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 52–53. Некоторые авторы, анализируя региональные законы, как бы по умолчанию также согласны с правоммерностью конструкции согласия родителей. См., например: *Матвеева Н. А.* Проблемы вступления в брак до достижения брачного возраста в субъектах Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 11–14.

³⁴ Мы неоднократно отмечали, что избыточная свобода содержания брачного договора, не предполагающая обязательной защиты интересов слабой стороны супружества, общих детей и интересов семьи в целом, не отвечает сущности семейных отношений, общим началам семейного законодательства. См., например: *Тарусина Н. Н.* Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. 2017. № 7. С. 22–23.

³⁵ В действительности усеченный набор юридических возможностей имеется: отцовство может быть установлено в судебном порядке по иску опекуна несовершеннолетнего родителя младше 14 лет (ст. 49 СК РФ) и это право реализуется совместно либо с данным опекуном (что разумно), либо со специально назначенным для этого опекуном (что, скорее всего, неразумно). При этом в СК РФ отсутствует прямое указание на возможность опекуна (первого типа) такого родителя заявлять об отцовстве подопечного в административном порядке. Толкование позволяет предположить, что это объясняется личным характером правоотношения.

ется право самостоятельно предъявлять иск об установлении своего внебрачного отцовства (гендерное различие обусловлено тем, что материнство, как правило, очевидно), а осуществление родительских прав реализуется в рамках совместной опеки с взрослым лицом, назначенным опекуном родившегося у «не вполне смышленного гражданина» ребенка.

С 14 лет несовершеннолетний вправе решать вопрос об изменении имени/фамилии (ст. 59 СК РФ), месте жительства (ст. 20 ГК РФ), реализовывать усеченный имущественный статус (ст. 26 ГК РФ). В то же время следует обратить внимание на два юридически значимых обстоятельства. Во-первых, несмотря на положение ст. 20 ГК РФ, привязка к установленной ею возможности в СК РФ отсутствует: ни в одной норме СК РФ нет конкретизированного к типу ситуации (например, спору о месте жительства ребенка при раздельном проживании его родителей) указания на означенную цивилистическую суверенность несовершеннолетнего с 14 лет. Во-вторых, отсутствует логическая связка между правом последнего самостоятельно обращаться в суд с иском об установлении своего внебрачного отцовства и сходным правом искать своего отца в порядке гражданского судопроизводства: статья 49 СК РФ такой возможности не предоставляет, адресуя ее лишь ребенку, достигшему совершеннолетия. Нелогично, необоснованно, несправедливо.

Дополнительные возможности появляются по достижении 16 лет: право на снижение брачного возраста по федеральному правилу (ст. 13 СК РФ), самостоятельное осуществление родительских прав в отношении своего внебрачного ребенка (ст. 62 СК РФ). При этом упрек в адрес ограничений ст. 49 СК РФ усиливается: при наличии права на брак и суверенное родительство отказ в праве искать своего отца выглядит неуместным, искусственным ограничением.

Следует также заметить, что, в отличие от образовательного, административного и уголовного законодательства, семейный закон не предусматривает для несовершеннолетнего (10, 14 и даже 16 лет) конструкции юридической обязанности. Данная позиция российского законодателя в доктрине подвергается убедительной критике³⁶. Действительно, несмотря

на очевидную семейно-правовую активность ребенка с 10-летнего возраста (тем более старше), СК РФ хотя и содержит специальную главу о его статусе, но ни в названии гл. 11 — «Права несовершеннолетних детей», ни в ее нормах об элементах долженствования не упоминает, даже намеком.

Большинство цивилистов с позицией законодателя солидарны — ввиду недееспособности ребенка. В то же время некоторые классики цивилистической науки данную точку зрения не разделяли еще более 50 лет назад: правам родителей по отношению к детям должны корреспондировать обязанности последних подчиняться соответствующему воспитательному воздействию; поскольку родителям, по умолчанию закона, разрешено применять к детям непротивоправные методы воспитания, не противоречащие нормам морали, — значит, налицо «правовая охрана возлагаемых на детей обязанностей»³⁷. Приведенное соображение было высказано еще в рамках толкования законодательства даже до 1968–1969 гг. (до КоБС РСФСР, не говоря уже об СК РФ, то есть в отсутствие главы о семейно-правовом статусе ребенка как самостоятельного субъекта). Полагаем, что действующая «родительско-детская нормативистика» породила бы еще более выраженную позицию.

Воистину: аргумент о недееспособности ребенка, безотносительно к возрастной градации степени осознания им себя в этом мире, не работает в полную силу, ибо не в бессознательном же состоянии он с 10 лет выражает свое письменное согласие на совершение ряда семейно-правовых актов, а с 14 лет наделяется суверенным правом на судебную защиту, снижение брачного возраста для заключения конкретного брачного союза, усеченным статусом родителя своего внебрачного ребенка и т.д.?

Абсурдность позиции отрицания многократно усиливается сравнением с противоположной позицией самого же законодателя, установившего дисциплинарную ответственность в сфере образования (примерно с 10 лет), а также административную (с 16) и уголовную (с 14 лет). Всяческая ответственность является особой разновидностью юридической обязанности. Или последние ее образцы следует толковать

³⁶ См., например: Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 15. № 2 (56). С. 220–231.

³⁷ Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1965. Т. 3. С. 238–239.

как право несовершеннолетнего подвергнуться претерпеванию неблагоприятных последствий в виде дисциплинарного, административного, уголовного наказания? По мысли законодателя, например, для привлечения к дисциплинарной ответственности (в форме замечания, выговора, отчисления из учебного заведения) ребенок созрел, а для обязанности подчиниться законному воспитательному воздействию в семье — нет?.. Уважать учителей и других сотрудников образовательного учреждения дети (обучающиеся) обязаны (п. 4 ч. 1 ст. 43 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»), а родителей — нет?..

Дополнительным, но в целом значимым аргументом против семейно-правовой конструкции детской обязанности является соображение о ее декларативном характере, неподкреплённости конкретными санкциями³⁸. Истинно так. Фиксировать в семейном законе положения о допущении наказания детей (в форме лишения пирожного, удержания в углу, отказа в прогулке), тем более телесного, разумеется, совершенно неприемлемо. Однако следует заметить, что семейно-правовая сфера отличается, как известно, весьма специфической методологией, глубоким проникновением в ее онормативленную ткань этических начал³⁹. Законодатель отнюдь не избегает декларативных норм — и не только в ст. 1 СК РФ, но и в конкретных семейно-правовых предписаниях: о взаимоуважении и взаимопомощи супругов (ч. 3 ст. 31), нравственном воспитании детей (абз. 2 ч. 1 ст. 65), достойном/недостойном поведении супругов (ст. 92) и др. При этом не во всех случаях несоблюдение данных предписаний ведет к конкретным последствиям. Например, если факт недостойного поведения супруга в браке может явиться основанием для освобождения второго супруга от алиментной обязанности, то призывы к взаимоуважению и взаимопомощи к прямым последствиям, в случае их даже явного неисполнения, не ведут (можно и расторгнуть брак, и набраться недюжинного терпения для его сохранения).

Кроме того, такие вполне прагматичные страны, как Германия, Польша, Болгария, полагающие семейное право и законодательство (с

большей или меньшей степенью очевидности) частью права гражданского, декларативных положений об обязанностях детей в семье отнюдь не избегают. Так, например, статья 1619 Гражданского уложения Германии предписывает детям долженствование посильным способом помогать родителям в домашнем хозяйстве и прочих семейных делах. Статьи 87 и 95 Польского семейного и опекунского кодекса объявляют ожидание государства о взаимном уважении родителей и детей, а по вопросам, по которым ребенок наделен правом принимать решения, он должен для своего же блага выслушивать рекомендации родителей. Взаимные обязанности родителей и детей уважать и поддерживать друг друга закреплены в § 854 и 885 Гражданского кодекса Чехии⁴⁰. Статьи 69–70 Семейного кодекса Болгарии адресуют детям обязанность уважать родителей, бабушку и дедушку и помогать им. Не лишено «декларативных» призывов и китайское семейное законодательство: детям предписывается оказывать родителям помощь, уважать их право на брак, не вмешиваться в вопрос о заключении повторного брака и в их дальнейшую супружескую жизнь (ст. 21 и 23 Закона КНР «О браке»).

Конечно, в текущем моменте ссылаться на «западные» авторитеты — немодно (впрочем, мы привели и китайский вариант), но эти нормы существуют десятилетиями и, видимо, подтверждают свою общественную полезность. Не всё в пространстве права должно подлежать формализации и унификации — возможны и означенные исключения, а также и разнообразные иные (например, сдвоенная конструкция права — обязанности родителей по воспитанию ребенка также не укладывается в лоно классической юриспруденции, но принимается многими цивилистами как своеобразное отступление от общего правила, обусловленное спецификой семейных правоотношений⁴¹).

Причем вопрос актуализируется в контексте принятых в 2020 г. конституционных поправок: в п. 4 ст. 67.1 Конституции РФ явным образом просматривается не только обязанность государства создавать условия для духовного и нравственного развития детей, но и ожидание от них уважительного отношения к старшим

³⁸ См., например: *Нечаева А. М.* Семейное право. М. : Юрайт, 2015. С. 178.

³⁹ См., например: *Ворожейкин Е. М.* Семейные правоотношения в СССР. М. : Юрид. лит-ра, 1972. С. 43–70.

⁴⁰ См.: *Матвеева Н. А.* Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.

⁴¹ См., например: *Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева.* М., 2009. Т. 3. С. 475–476.

и других проявлений достойного воспитания. Полагаем, последние характеристики имеют скорее обязывающий контекст, нежели управомочивающий. В любом случае, по меньшей мере следует зафиксировать распространение конструкции обязанности на несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, а также подумать о ее частичном присутствии и с 10 лет, так как семейный законодатель явным образом подчеркивает должный, с его точки зрения, уровень осознанности действий такого ребенка, а правило о даче им согласия на совершение ряда семейно-правовых актов не относится к диспозитивным — позиция, положительная или отрицательная, должна быть выявлена. Впрочем, формированию должного климата в семье не повредит закрепление обсуждаемых типов обязанностей детей и без указания возраста, но с конкретизацией дополнительных долженствований с 10 и 14 лет.

Таким образом, на наш взгляд, очевидно, что глава 11 «Права несовершеннолетних детей» должна содержать как более четкую, разумную и непротиворечивую дифференциацию статуса по возрасту ребенка (включая характеристики дееспособности), так и юридические сентенции о его обязанностях, — также в зависимости от возраста: от общего указания на обязанность уважать родителей (лиц, их заменяющих), помогать им в семейных делах до конкретных обязанностей по вопросам дачи согласия на определенные акты, своего внебрачного родительства и т.п.

В неконкретизированном виде представлено в СК РФ понятие о пожилом — либо формализованном «квазиоцифрованном» (пенсионном), либо неоцифрованном — возрасте. Последний, во-первых, может иметь значение при признании брака недействительным как фиктивного⁴². Причем фиктивный брак может быть и двусторонним (лицо преклонного возраста мотивировано под «крышей» брака

предоставить определенные блага партнеру; в этом случае такой союз крайне сложно отличить от брака по расчету), и односторонним (на основе корыстолюбия недобросовестной стороны — при полном неведении возрастного партнера)⁴³. Во-вторых, учитывается при назначении опекуна/попечителя, принятии решения об установлении усыновления/удочерения, — разумеется, в диспозитивном ключе, совокупно с другими значимыми обстоятельствами: состоянием здоровья, опытом воспитания детей, личностной характеристикой, качеством отношений между взрослым и ребенком (если таковые уже возникли). В доктрине тем не менее высказывается предложение об установлении предельного возраста для кандидатов на усыновление/удочерение, опекунов и приемное родительство: ограничение должно вести отсчет с наступления пенсионного статуса — периода неполной способности выполнять трудовые функции, а следовательно, и функции по воспитанию и заботе о ребенке⁴⁴. В противовес данному соображению отмечается: представители старшего поколения обладают необходимым житейским опытом, располагают возможностью уделять ребенку больше времени; продолжительность жизни в стране постепенно увеличивается (68 лет — у мужчин и 78 — у женщин); пожилые люди, скрашивая свое одиночество, с благодарностью делятся энергетикой и знанием с подопечным⁴⁵. Добавим: немалое число пенсионеров участвуют в волонтерском движении и других формах гражданской активности, а многие работающие пенсионеры по результативности дадут фору более молодым коллегам. В любом случае подобное гипотетическое ограничение не должно распространяться на близких родственников, поскольку традиционные семейные связи не только причислены к ценностному ряду, но и реально значимы для судьбы ребенка. Разумеется, во всех означенных слу-

⁴² Как известно, предельный возраст для заключения супружеского союза не установлен. Соображения по данному вопросу ориентируют нас в область морали. Хотя российская правовая история знает о попытках подобного ограничения, практически оно и в те времена не являлось непреодолимым препятствием — решение отдавалось на усмотрение священника, венчавшего пару.

⁴³ См.: Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 80.

⁴⁴ См.: Цымбалюк В. А. Установление возрастного ценза при усыновлении несовершеннолетнего // Молодой ученый. 2017. № 23. С. 240–243.

⁴⁵ См.: Матвеева Н. А. Установление возрастных требований для претендентов на статус усыновителей, опекунов и попечителей несовершеннолетних подопечных, приемных родителей // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 13.

чаях возможны исключения, но пусть их квалифицирует таковыми суд, а не императивная правовая норма. Статьей 128 СК РФ предусмотрена также разница в возрасте между усыновляемым/удочеряемой и усыновителем/удочерителем, которая, по смыслу предписания, не является непреодолимым препятствием — и для строго определенных случаев, и для ситуаций, усмотренчески индивидуализированных судом.

Пенсионный возраст становится также компонентом юридико-фактического состава ряда алиментных обязательств либо основанием для корректировки алиментного права или одноименной обязанности. Полагаем, что в связи с его увеличением в главы СК РФ о совместной собственности супругов (правила об учете жизненно важных интересов супругов при разделе общесупружеского имущества — ст. 39) и об алиментных обязательствах (ст. 87, 89, 90, 93–98) целесообразно внести положение о пожилом («предпенсионном») возрасте как возможном юридически значимом факте, в совокупности с другими влияющим на характеристику и правовую оценку ситуации.

В ситуации доктринальной, нормотворческой и судебно-практической неопределенности находится проблема материальной поддержки родителями совершеннолетних детей (до 23 лет), обучающихся по очной форме в государственных образовательных учреждениях всех уровней (по аналогии с социально-обеспечительным законодательством). В частности, в доктрине отмечается, что, вопреки позиции законодателя, положительно не реагирующего на регулярно вносимые проекты по означенному вопросу, судебная практика не единодушна: большинство судов исключают возможность дополнительного алиментного вспомоществования совершеннолетних детей (при отсутствии установленного юридико-фактического

состава), однако встречаются и противоположные решения⁴⁶.

Полагаем, что размышления в данном направлении следует продолжить. При этом необходимо дополнительно учитывать следующие обстоятельства:

- 1) образовательная практика в настоящее время, в отличие от прошлых лет, свидетельствует о сходстве действующих программ очной и очно-заочной форм обучения, об участии как «дневных», так и «вечерних» студентов в трудовой деятельности (в свободное от учебы время, а иногда — и вместо нее) и наоборот — об акценте последних исключительно на получении образования (по крайней мере на начальных курсах);
- 2) в отличие от специалитета, программа бакалавриата завершается, как правило, в 21 год⁴⁷;
- 3) хотя современные «дети», достигшие 18-летнего возраста, могут быть и инфантильными, и житейски продвинутыми, законодательное поощрение иждивенчества вряд ли относится к социально ценным акциям.

В целом же рассмотренные возрастные позиции, на наш взгляд, в отличие от брачных и детских «возрастных цензов», не составляют площадки для острой дискуссии⁴⁸, поэтому мы ограничиваемся предложенными констатациями.

Таким образом, картина возраста в семейно-правовой сфере (как, впрочем, и в целом в юриспруденции, российской и зарубежной) весьма богата смыслами и красками, замысел «художника» далеко не всегда понятен, а нередко и сомнителен — с точки зрения логики, системности, справедливости. Ее явно следует дорабатывать до приемлемых канонов. В отличие от произведений искусства, каноны которого весьма размыты современными «пер-

⁴⁶ См.: Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования. М.: Статут, 2018. С. 118–119.

⁴⁷ Ситуация, конечно, может измениться в случае отказа от Болонской системы.

⁴⁸ В отличие от новейшего административного законодательства «ковидного» периода, в котором явным образом были выделены возрастные группы 60+ и 65+, что актуализировало дискуссии об «эйджизме», психологической и юридической обоснованности ограничений и прямых запретов для данных категорий граждан. К сожалению, предполагаем, что процесс «возрастной дискриминации» в означенной сфере далеко не завершен, так как, судя по всему, «пандемические вариации» склонны к расширению своего присутствия в нашей жизни и влияния на законодательные и правоприменительные решения. Впрочем, надеемся, что власть, обладая соответствующим опытом 2020 и 2021 гг., изыщет более корректные и адекватные способы взаимодействия с пожилыми людьми. Подробнее см., например: Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 8 (177). С. 104–105.

формансами» и другими вариациями на тему, «произведения права» таковой «канонизации» и разумной конкретизации (приближению к ре-

альности) вполне подвержены. А значит, цели систематизации, разумности и справедливости по обсуждаемым вопросам вполне достижимы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право. — М. : Юрист, 1997. — 366 с.
2. Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка // Государство и право. — 2006. — № 4. — С. 54–60.
3. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. — 2016. — № 5. — С. 11–15.
4. Божович Л. И. Личность и учение подростка // Психологическая наука и образование. — 1997. — Т. 2. — № 1. — С. 5–10.
5. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. — М. : Юрид. лит-ра, 1972. — 336 с.
6. Выготский Л. С. Проблема возраста // Собрание сочинений : в 6 т. — Т. 4. — М. : Педагогика, 1984. — С. 244–268.
7. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. — Т. 3. — М., 2009. — 800 с.
8. Дубровина И. В. Л. С. Выготский и современная практическая психология (к 120-летию со дня рождения Л. С. Выготского) // Вестник практической психологии образования. — 2016. — № 2 (47). — С. 3–9.
9. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. — М. : Зерцало, 2004. — 568 с.
10. Зыков С. В. Учет мнения ребенка по спорам между родителями о месте его жительства // Семейное и жилищное право. — 2022. — № 4. — С. 13–16.
11. Иоффе О. С. Советское гражданское право. — Т. 3. — М., 1965. — 495 с.
12. Ключева Н. В., Сизова А. В., Пашкина О. С. Коммуникативные навыки младших подростков, играющих в видеоигры // Ярославский психологический журнал. — 2022. — № 1 (52). — С. 103–106.
13. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. — СПб. : Питер, 2005. — 940 с.
14. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. — М. : Статут, 2018. — 207 с.
15. Куриленко О. Г. Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 188 с.
16. Леканова Е. Е. К вопросу о защите интересов несовершеннолетних при вступлении в брак // Социально-юридическая тетрадь. — 2018. — № 8. — С. 68–79.
17. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право. — М. : Проспект, 2021. — 768 с.
18. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 6. — С. 25–28.
19. Матвеева Н. А. Проблемы вступления в брак до достижения брачного возраста в субъектах Российской Федерации // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 2. — С. 11–14.
20. Матвеева Н. А. Установление возрастных требований для претендентов на статус усыновителей, опекунов и попечителей несовершеннолетних подопечных, приемных родителей // Семейное и жилищное право. — 2021. — № 6. — С. 12–14.
21. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Ч. 1. — М. : Статут, 1997. — 290 с.
22. Нечаева А. М. Семейное право. — М. : Юрайт, 2015. — 303 с.
23. Мухина В. С. Возрастная психология. — М. : Академия, 1997. — 432 с.
24. Саленко А. В. Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» // Журнал российского права. — 2019. — № 8. — С. 48–61.
25. Ситкова О. Ю. Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничение в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию // Семейное и жилищное право. — 2021. — № 1. — С. 27–30.
26. Смирнов С. А. Человек и цифра: история соблазна // Вестник Челябинского государственного университета. — 2021. — № 8. — С. 22–29.
27. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex russica (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 131–146.
28. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 6. — С. 78–84.

29. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о праве родиться // Lex russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 5 (174). — С. 52–62.
30. Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». — 2021. — Т. 15. — № 2 (56). — С. 220–231.
31. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 5. — С. 40–48.
32. Тарусина Н. Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиральям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. — 2017. — № 7. — С. 5–45.
33. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 8 (177). — С. 99–109.
34. Трофимец И. А. Актуальные вопросы заключения и прекращения брака на постсоветском пространстве. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 256 с.
35. Федорова Л. Ф. О проблемах реализации права ребенка на выражение своего мнения // Евразийская адвокатура. — 2014. — № 5 (12). — С. 78–84.
36. Хазова О. А. Установление отцовства // Закон. — 1997. — № 11. — С. 83–84.
37. Шаповаленко И. В. Психология развития и возрастная психология. — М. : Юрайт, 2012. — 567 с.
38. Цымбалюк В. А. Установление возрастного ценза при усыновлении несовершеннолетнего // Молодой ученый. — 2017. — № 23 (157). — С. 240–243.
39. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — Казань, 1905. — 795 с.
40. Эльконин Д. Б. Введение в детскую психологию // Избранные психологические труды. — М. : Педагогика, 1989. — 560 с.
41. Эрделевский А. М. Право ребенка на выражение мнения // СПС «КонсультантПлюс». — 2001.
42. Эриксон Э. Г. Детство и общество. — СПб. : АСТ, 1996. — 592 с.
43. Якушев П. А. Минимальный возраст вступления в брак: традиционное и правовое регулирование // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 4. — С. 33–36.

Материал поступил в редакцию 25 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Antokolskaya MV. Semeynoe pravo [Family law]. Moscow: Yurist Publ.; 1997. (In Russ.).
2. Besedkina NI. Prava nerodivshegosya rebenka [Rights of an Unborn Child]. *State and Law*. 2006;4:54-60. (In Russ.).
3. Bepalov YuF. Semeyno-pravovoy status rebenka: problemy semeynogo zakonodatelstva RF [Family Legal Status of the Child: Problems of the Family Legislation of the Russian Federation]. *Family and Housing Law*. 2016;5:11-15. (In Russ.).
4. Bozhovich LI. Lichnost i uchenie podrostka [Personality and the teaching of a teenager]. *Psychological Science and Education*. 1997;2(1):5-10. (In Russ.).
5. Vorozheikin EM. Semeynye pravootnosheniya v SSSR [Family legal relations in the USSR]. Moscow: Yurid. lit-ra Publ.; 1972. (In Russ.).
6. Vygotsky LS. Problema vozrasta [The problem of age]. Collected works: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Pedagogika Publ.; 1984. (In Russ.).
7. Sergeev AP (ed.). Grazhdanskoe pravo [Civil Law]. Vol. 3. Moscow; 2009. (In Russ.).
8. Dubrovina IA. L. S. Vygotskiy i sovremennaya prakticheskaya psikhologiya (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya L. S. Vygotskogo) [L.S. Vygotsky and modern practical psychology (to the 120th anniversary of the birth of L.S. Vygotsky)]. *Bulletin of Psychological Practice in Education*. 2016;2(47):3-9. (In Russ.).
9. Duvernois NL. Chteniya po grazhdanskomu pravu [Readings on civil law]. Moscow: Zertsalo Publ.; 2004. (In Russ.).
10. Zykov SV. Uchet mneniya rebenka po sporam mezhdru roditelyami o meste ego zhitelstva [Taking the Child's Opinion into Account in Disputes between the Parents over the Child's Place of Residence]. *Family and Housing Law*. 2022;4:13-16. (In Russ.).
11. Ioffe OS. Sovetskoe grazhdanskoe pravo [Soviet civil law]. Vol. 3. Moscow; 1965. (In Russ.).

12. Klyueva NV, Sizova AV, Pashkina OS. Kommunikativnye navyki mladshikh podrostkov, igrayushchikh v videoigry [Communication skills of younger teenagers playing video games]. *Yaroslavl Psychological Journal*. 2022;1(52):103-106. (In Russ.).
13. Kraig G, Bokum D. Psikhologiya razvitiya [Psychology of development]. St. Petersburg: Piter Publ.; 2005. (In Russ.).
14. Ksenofontova DS. Pravovye garantii v sfere alimentirovaniya [Legal guarantees in the field of alimony]. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).
15. Kurylenko OG. Regulirovanie brachnogo pravootnosheniya po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk [Regulation of marital relations under the legislation of the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2003. (In Russ.).
16. Lekanova EE. K voprosu o zashchite interesov nesovershennoletnikh pri vstuplenii v brak [On the issue of protecting the interests of minors at the time of marriage]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2018;8:68-79. (In Russ.).
17. Lushnikov AM, Lushnikova MV. Trudovoe pravo [Labor Law]. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).
18. Matveeva NA. Institut obyazannostey rebenka v zakonodatelstve zarubezhnykh stran [The institution of child's obligations in laws of foreign countries]. *Family and Housing Law*. 2020;6:25-28. (In Russ.).
19. Matveeva NA. Problemy vstupleniya v brak do dostizheniya brachnogo vozrasta v subektakh Rossiyskoy Federatsii [Issues of Consummation of Marriage before Reaching the Marriageable Age in Constituent Entities of the Russian Federation]. *Family and Housing Law*. 2018;2:11-14. (In Russ.).
20. Matveeva NA. Ustanovlenie vozrastnykh trebovaniy dlya pretendentov na status usynoviteley, opekunov i popechiteley nesovershennoletnikh podopechnykh, priemnykh roditeley [The establishment of age requirements for applicants for the status of adoptive parents, guardians and trustees of minor wards, foster parents]. *Family and Housing Law*. 2021;6:12-14. (In Russ.).
21. Meyer DI. Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian Civil Law]. Part 1. Moscow: Statut Publ.; 1997. (In Russ.).
22. Nechaeva AM. Semeynoe pravo [Family Law]. Moscow: Yurayt Publ.; 2015. (In Russ.).
23. Mukhina VS. Vozrastnaya psikhologiya [Age Psychology]. Moscow: Academiya Publ.; 1997. (In Russ.).
24. Salenko AA. Svoboda mirnykh sobraniy: «detskie mitingi» i «vzroslye sanktsii» [Freedom of peaceful assembly: «children's meetings» and «adult sanctions»]. *Journal of Russian Law*. 2019;8:48-61. (In Russ.).
25. Sitkova OYu. Pravovaya priroda prava rebenka na dostup k informatsii i ego ogranichenie v tselyakh zashchity rebenka ot informatsii, nanosyashchey vred psikhicheskomu zdorovyu i razvitiyu [The legal nature of the child's right to access information and the restriction thereof to protect a child against information detrimental to the mental health and development of minors]. *Family and Housing Law*. 2021;1:27-30. (In Russ.).
26. Smirnov SA. Chelovek i tsifra: istoriya soblazna [Human and digit: the story of temptation]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;8:22-29 (In Russ.).
27. Tarusina NN. Gender v zakone i semeynye tsennosti: v poiskakh balansa [Gender in law and family values: in search of a balance]. *Lex russica*. 2022;75(1):131-146. (In Russ.).
28. Tarusina NN, Sochneva OI. O fiktivnosti v semeyno-pravovoy sfere [About fictitious acts in the field of family law]. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2015;6:78-84. (In Russ.).
29. Tarusina NN. Neskolko tezisov o prave roditsya [Several theses on the right to be born]. *Lex russica*. 2021;74(174):52-62. (In Russ.).
30. Tarusina NN. O nekotorykh neveroyatnykh priklyucheniyakh «neulovimoy» konstruksii obyazannosti [About some incredible adventures of the «elusive» duty construction]. *Vestnik of Demidov Yaroslavl State University. Humanities*. 2021;15-2(56):220-231. (In Russ.).
31. Tarusina NN. Sudebnaya praktika po semeynym delam: problemy usmotreniya na grani pravotvorchestva [Court practice in family disputes: problems of discretion on the verge of law-making]. *Lex russica*. 2019;5:40-48. (In Russ.).
32. Tarusina NN. Zakonodatelstvo o brake i seme: bolee sta let dvizheniya po spiralyam rossiyskoy istorii [Legislation of marriage and family: over a hundred years of Russian history downward spiralling]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2017;7:5-45. (In Russ.).
33. Tarusina NN. Neskolko tezisov ob ogranicheniyakh prav i svobod grazhdan v chrezvychnykh obstoyatelstvakh pandemii [Several arguments on restrictions on the rights and freedoms of citizens in pandemic emergencies]. *Lex russica*. 2021;74-8(177):99-109 (In Russ.).

34. Trofimets IA. Aktualnye voprosy zaklyucheniya i prekrashcheniya braka na postsovetskom prostranstve [Topical issues of marriage and termination in the post-Soviet space]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2012. (In Russ.).
35. Fedorova LF. O problemakh realizatsii prava rebenka na vyrazhenie svoego mneniya [Problems of realization of the right of the child to express his(her) opinion]. *Eurasian Advocacy*. 2014;5(12):78-84. (In Russ.).
36. Khazova OA. Ustanovlenie ottsovstva [Establishing paternity]. *Zakon*. 1997;11:83-84. (In Russ.).
37. Shapovalenko IA. Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya [Developmental psychology and age psychology]. Moscow: Yurayt Publ.; 2012. (In Russ.).
38. Tsymbalyuk VA. Ustanovlenie vozrastnogo tsenza pri usynovlenii nesovershennoletnego [The age limit for the adoption of a minor]. *Young Scientist*. 2017;23(157):240-243. (In Russ.).
39. Shershenevich GF. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. [Textbook of Russian Civil Law]. Kazan; 1905. (In Russ.).
40. Elkonin DB. Vvedenie v detskuyu psikhologiyu [Introduction to child psychology]. Selected psychological works. Moscow: Pedagogika Publ.; 1989. (In Russ.).
41. Erdelevsky AM. Pravo rebenka na vyrazhenie mneniya [The right of a child to express an opinion]. Law Reference System «ConsultantPlus».
42. Erickson EG. Detstvo i obshchestvo [Childhood and society]. St. Petersburg: AST Publ.; 1996. (In Russ.).
43. Yakushev PA. Minimalnyy vozrast vstupleniya v brak: traditsionnoe i pravovoe regulirovanie [Minimum age of marriage: traditional and legal regulation]. *Family and Housing Law*. 2017;4:33-36. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.033-040

И. А. Трофимец*

К вопросу о принципах международной семейной медиации

Аннотация. Медиация среди альтернативных способов урегулирования конфликтов, наряду с примирением и переговорами, занимает приоритетные позиции, показав свою эффективность в сравнении с юрисдикционными формами защиты субъективных прав и законных интересов (судебной и административной). Привлекательность медиации заключается именно в простоте и удобстве самой процедуры, спокойной атмосфере диалога при посредничестве медиатора и в обязательности разрешения конфликта по справедливости с учетом мнения всех участников. Медиация зародилась как технология урегулирования семейно-правовых споров и до настоящего времени широко применяется именно для этой категории споров, а для трансграничных (международных) внутрисемейных конфликтов считается оптимальной формой диалога между конфликтующими членами семьи. Особую значимость в качестве примирительной процедуры медиации придают ее основополагающие начала — руководящие принципы построения. Данный социальный институт базируется на добровольности, конфиденциальности, беспристрастности и нейтралитете, применимости, принятии решений самими участниками, доступности независимой правовой поддержки для каждого из участников, приоритетном учете прав и законных интересов несовершеннолетних детей, понимании и принятии во внимание посредником (медиатором) культурных различий между членами семьи, а также на наличии особых квалификационных требований к международным семейным медиаторам. В отдельных случаях медиация действительно позволяет избежать обращения за правовой помощью в судебные и административные органы, в некоторых случаях ускоряет процессы разбирательства с участием представителей судебной или исполнительной власти. Для трансграничных внутрисемейных конфликтов такой подход весьма актуален, поскольку международный семейный медиатор, осуществляя посредничество, не оставляет без внимания культурные, религиозные и социальные различия между спорящими членами семьи. Кроме того, исполнительная сила медиативному соглашению придается не автоматически при его заключении, а лишь при подтверждении судом или нотариусом, что обеспечивает его принудительной силой государства.

Ключевые слова: альтернативный способ урегулирования споров; внутрисемейный конфликт; международная семейная медиация; общие и специальные принципы; добровольность; конфиденциальность; беспристрастность; нейтралитет; применимость; приоритет прав и законных интересов детей; учет культурных различий между членами семьи.

Для цитирования: Трофимец И. А. К вопросу о принципах международной семейной медиации // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 33–40. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.033-040.

The Principles of International Family Mediation

Irina A. Trofimets, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kosareva-khv@mail.ru

Abstract. Mediation among alternative ways of dispute resolution, along with conciliation and negotiations, occupies priority positions, having shown its effectiveness in comparison with judicial and administrative forms of

© Трофимец И. А., 2022

* Трофимец Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kosareva-khv@mail.ru

protection of the rights and legitimate interests. The attractiveness of mediation lies precisely in the simplicity and convenience of the procedure itself, a calm atmosphere of dialogue mediated by a mediator and the obligation to resolve the conflict fairly with due regard to the opinions of all parties involved. Mediation originated as a technique for the family law disputes resolution and it is still widely used for this category of disputes and for cross-border (international) intra-family conflicts as the optimal form of dialogue between conflicting family members. Fundamental principles of mediation — the guiding principles of construction — predetermine its attractiveness as conciliation procedure. This social institution is based on voluntariness, confidentiality, impartiality and neutrality, applicability, decisions made by the participants themselves, availability of independent legal support for each of the participants, priority of the rights and legitimate interests of minors, understanding and taking into account cultural differences between family members, as well as special qualification requirements applied to international family mediators. In some cases, mediation really avoids seeking legal assistance from judicial and administrative authorities, and in some cases it accelerates the processes of proceedings involving representatives of judicial or executive authorities. For cross-border intra-family disputes, this approach is very relevant, since the international family mediator, while mediating, does not ignore cultural, religious and social differences between disputing family members. In addition, a mediation agreement does not become enforceable at its conclusion. A mediation agreement becomes enforceable only when confirmed by a court or notary, which provides it with the coercive force of the state.

Keywords: alternative method of dispute resolution; intra-family conflict; international family mediation; general and special principles; voluntariness; confidentiality; impartiality; neutrality; applicability; priority of rights and legitimate interests of children; consideration of cultural differences between family members.

Cite as: Trofimets IA. K voprosu o printsipakh mezhdunarodnoy semeynoy mediatsii [The Principles of International Family Mediation]. *Lex russica*. 2022;75(10):33-40. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.033-040. (In Russ., abstract in Eng.).

Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов различной этиологии не только получила государственное признание, став правовым императивом во многих современных правовых системах, но и набирает популярность в обществе, среди спорящих субъектов правоотношений. Медиация с учетом соблюдения баланса прав каждой из конфликтующих сторон становится наиболее эффективным средством разрешения разногласий. В зависимости от вида спора выделяют гражданскую, семейную, коммерческую, уголовную, административную, трудовую и социальную медиацию. По субъектному составу медиация может быть внутригосударственной (национальной) и международной. Если спорные общественные отношения осложнены иностранным элементом, то способ урегулирования конфликта будет носить международный характер. Но в любом случае внутрисемейный конфликт подлежит разрешению национальными юрисдикционными органами с учетом применимого материального и процессуального права.

Безусловно, вид спорных правоотношений влияет на особенности процедуры медиации, например, при семейной медиации во главе угла стоят проблемы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей.

Международная семейная медиация призвана оказывать всемерное содействие и под-

держку семьям, вовлеченным в трансграничные семейные споры, которые могут привести к прекращению семейных отношений и переезду за границу отдельных членов семьи, разделенному проживанию несовершеннолетних детей и одного из родителей. Эффективность этой примирительной процедуры обуславливается тем, что участники, находясь в нейтральном месте, могут в обстановке уважения к усилиям друг друга по примирению, направленным на осуществление родительских функций, принять оптимальное решение. Именно открытый диалог и свободное выражение собственного мнения наделяют медиацию определенными преимуществами перед другими примирительными процедурами. Роль медиатора (высококвалифицированного специалиста) в таких спорах сложно переоценить.

Международная семейная медиация с учетом национальных особенностей каждого члена семьи предоставляет спорящим сторонам возможность обсуждать и самостоятельно принимать решения относительно урегулирования их взаимоотношений по вопросам осуществления родительских прав и исполнения родительских обязанностей, а также заключать подлежащие принудительному исполнению соглашения, имеющие силу исполнительных документов.

Приоритетом международной семейной медиации является укрепление семейных свя-

зей, прежде всего защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей, которые «обречены» жить не только отдельно от одного из родителей, но и, возможно, на большом удалении — на территории разных государств. Вместе с тем воспитание несовершеннолетних детей в мультикультурной среде может иметь некоторые преимущества перед монокультурной за счет знания и воспитания толерантности к представителям разных конфессий и социальных групп, что не может не учитываться при достижении медиативного соглашения.

Специалисты в области международной семейной медиации, представляющие различные национальные культуры и правовые системы, придерживаются единых принципов в своей деятельности. Вместе с тем должны соблюдаться общепризнанные правила поведения международного права, национальные и региональные этические нормы, добросовестные юридические практики и профессиональные стандарты медиаторов. С точки зрения Е. В. Ерохиной, трансграничная семейная медиация считается сложным и практически невозможным процессом¹. Представляется, что такое мнение не совсем верное, поскольку поиск компромисса — это и есть цель международной семейной медиации. Возможность и высокая эффективность медиации при разрешении трансграничных семейных конфликтов обеспечивается национальным законодательством, определяющим ее как правовой императив.

В Российской Федерации медиативная процедура регулируется общими положениями Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»². Среди международных правовых актов, содержащих отдельные нормы, регулирующие процедуры международной семейной медиации и ставшие общепринятыми, можно назвать несколько документов. Российская Федерация является участницей нескольких многосторонних международных договоров, разработанных Гаагской конференцией по международному частному праву: Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25.10.1980 и Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании,

об исполнении и о сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19.10.1996. Немаловажное значение в целом для правильного применения процедуры медиации по трансграничным семейным спорам имеют: Гаагская конференция о принципах организации структур медиации в контексте Мальтийского процесса (2013 г.); Рекомендация № R(98)1 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о семейной медиации; Рекомендация № R(2002)10 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о медиации в гражданских делах; Европейский кодекс поведения медиаторов и др.

Представляется, что именно анализ международно-правовых актов позволяет сделать вывод о системе общепризнанных принципов международной семейной медиации и их роли для этой примирительной процедуры. Принципы международной семейной медиации можно условно разделить на общие, на которых строится любая примирительная процедура, и специальные — основополагающие начала исключительно данного вида медиации. Большая заслуга в формировании принципов медиации состоит в грамотном дефинировании этой технологии альтернативного урегулирования споров. Так, например, в Директиве Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2008/52/ЕС «О медиации по гражданским и коммерческим делам» дано следующее определение: «Медиация — это структурированная процедура, в которой две или более стороны в споре, как правило, добровольно пытаются достичь соглашения по разрешению своего спора с помощью посредника. Эта технология может быть инициирована сторонами, а также по предложению или распоряжению суда либо в соответствии с законодательством государства-члена». Именно эта официальная дефиниция позволила определить систему принципов, на которых строится парадигма медиации во многих правовых системах. В строгом смысле слова, т.е. формально, медиация не относится к юрисдикционным формам разрешения споров, но медиативное соглашение, подписанное спорщиками в присутствии медиатора (посредника) при соблюдении процедуры его легализации (судебного или нотариального подтверждения), имеет силу исполнительного документа,

¹ Ерохина Е. В. Посредничество при разрешении трансграничных семейных споров: ценности европейского семейного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 4 (57). С. 92.

² СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

обеспечивается принудительной силой государства и, таким образом, приобретает статус правоприменительного документа.

Любой социальный институт, направленный на поддержание отношений между людьми в обществе в целом, в семье или коллективе, нуждается в надлежащем упорядочивании со стороны мирового сообщества и отдельных государств для установления необходимого баланса и обеспечения справедливости. В этом смысле медиация не является исключением. Медиация — сравнительно молодой социальный институт, впервые появилась в середине прошлого века в англосаксонской правовой системе (Великобритания, США и др.) и именно в качестве примирительной процедуры по семейным конфликтам. Право вмешивается в общественные отношения, когда возникает объективная необходимость такого вмешательства, т.е. общественные отношения становятся всё более и более распространенными. Задача любого правового государства — гарантировать своим гражданам возможность разрешения различных спорных отношений за счет обращения в суд, административные органы или негосударственные организации, имеющие соответствующие компетенции по урегулированию конфликтов. Длительность судебного разбирательства сделала необходимым поиск альтернативных технологий решения споров, так, наряду с медиацией, появились различные примирительные процедуры (переговоры и примирение).

Официальная позиция о необходимости внедрения медиации в правовую систему России была весьма аргументированно высказана Д. А. Медведевым: «...Число судей на душу населения у нас примерно то же, что и в большинстве европейских стран. Но напомню, что дел российские судьи рассматривают гораздо больше, в десятки раз больше, прежде всего потому, что около 80 % споров в этих странах разрешаются с помощью примирительных процедур, как это, кстати, было и в дореволюционной России... К сожалению, в настоящий момент у нас практически нет культуры ведения переговоров и поиска взаимоприемлемых решений.

Законы о медиации, которые приняты, почти не работают, случаи заключения соглашений всё еще единичны. Надо более активно информировать граждан о возможности разрешить спор с помощью квалифицированного посредника, а также подумать над целесообразностью введения обязательного применения примирительных процедур при разрешении некоторых видов споров»³.

Медиация призвана содействовать развитию и гармонизации партнерских отношений спорящих сторон, формированию этики разрешения конфликтов. С точки зрения Е. А. Добролюбовой, «использование медиации может помочь снять определенную нагрузку с судей, предоставить сторонам правового спора более гибкий, быстрый и конфиденциальный инструмент урегулирования конфликта»⁴.

Для правового регулирования медиации прежде всего необходимо определить, на каких принципах (руководящих началах) строится этот социальный институт, что в дальнейшем послужит базой для формирования медиативного законодательства.

Исходя из характера конфликта, технология медиации будет иметь особенности в каждом конкретном случае. Так, семейные отношения, носящие глубокий межличностный характер, обуславливают специфику правового регулирования и особенности самой процедуры медиации по внутрисемейным спорам. Семейную медиацию можно расценивать как институт с достаточно обоснованной и ярко выраженной социальной функцией. По мнению зарубежных экспертов, «медиация оказалась эффективной процедурой разрешения споров, особенно тех, в которых есть некоторый эмоциональный заряд или где необходимо учитывать будущие личные или связанные с ними имущественные отношения»⁵.

К общим принципам относятся: добровольность; конфиденциальность; беспристрастность и нейтралитет; применимость медиации; принятие решений самими участниками; доступность независимой правовой поддержки для каждого из участников. Специальными принципами международной семейной медиации

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22.12.2011 // Российская газета. № 290. 23.12.2011.

⁴ Добролюбова Е. А. Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3.

⁵ Gómez M., Francisco J. La mediación como método adecuado de resolución de conflictos en el ámbito familiar // Tratado de mediación. 2017. Vol. 3. P. 168.

можно назвать: принятие во внимание прав и законных интересов детей; понимание и принятие во внимание посредником (медиатором) культурных различий между членами семьи; особые квалификационные требования к международным семейным медиаторам.

Принцип добровольности предполагает, что стороны конфликта исключительно по своей воле принимают решение об урегулировании спора путем медиации, а также то, что они могут в любой момент прекратить начатый примирительный процесс. Кроме того, право на обращение в суд всегда остается открытым, а именно в случае, если посредничество не заканчивается соглашением или если оно нежелательно. В этом смысле соблюдается основное право каждого на эффективное средство правовой защиты в компетентных национальных судах, признанное в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека⁶. Однако принцип добровольности не означает, что медиация не может определяться законодательно в качестве процессуального требования до обращения в суд (обязательная досудебная стадия урегулирования спора). В случае обязательности медиации до обращения в суд и незаключения медиативного соглашения по существу спора стороны не лишаются права на доступ к правосудию и урегулированию конфликта.

Принцип конфиденциальности означает, что информация о самом факте медиации и обо всех сведениях, получаемых в процессе ее осуществления, не подлежит разглашению. Дополнительной гарантией является право медиатора отказаться от участия в суде в качестве свидетеля по делу, в котором он был медиатором.

Принцип беспристрастности и нейтралитета медиатора гарантирует отсутствие личной заинтересованности в конфликте, медиатор не занимает сторону кого-то из спорщиков, не реагирует на их возможное эмоциональное поведение.

Принцип применимости процедуры трансграничной семейной медиации не означает ее допустимость для любого внутрисемейного спора. Существует категория семейно-правовых дел, подлежащих разрешению исключительно в юрисдикционных органах (например, дела о лишении или об ограничении в родительских

правах). Нарушение установленного законом судебного (или административного) порядка для спорного правоотношения может привести к ненаступлению желаемых последствий. Наиболее эффективна медиация в качестве обязательной досудебной стадии рассмотрения конфликта и заключения медиативного соглашения по существу. Этот медиативный принцип также предполагает способность стороны семейного спора к участию в нем, то есть наличие определенной дееспособности у него, связанную с достижением возраста и психическим состоянием здоровья.

Принцип принятия решений самими участниками внутрисемейного конфликта означает, что стороны ведут себя правдиво, честно и ответственно, открыты для диалога не только друг с другом, но и со своим посредником, готовы выслушать и попытаться понять чужую позицию и аргументы. Посредник (медиатор) не имеет активной позиции в споре, его присутствие сглаживает острые углы конфликта, не позволяет сторонам проявлять негативные эмоции, настраивает на конструктивное решение проблемы.

Принцип доступности независимой правовой поддержки для каждого из участников медиации указывает на исполнительную силу медиативного соглашения, которое, наряду с документами юрисдикционных органов власти, сопровождается к исполнению принудительной силой государства. Независимая юридическая помощь при рассмотрении внутрисемейного конфликта по просьбе спорщиков предполагает исключение дальнейших апелляций по медиативному решению. Именно квалифицированная юридическая консультация позволит направить решение внутрисемейной проблемы в правовое русло.

Об общих принципах семейной медиации, а именно их сущности и значении для примирительной процедуры, написано немало научных работ такими учеными, как А. А. Брыжинский, И. А. Вальнкина, В. Г. Крысова, Е. Г. Куропацкая, В. П. Лебединская, Е. А. Порошин, А. Р. Пурге, Т. В. Худойкина, Е. О. Шкрыль⁷.

Большой вклад в разработку принципов международной семейной медиации внесла

⁶ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 24.05.2022).

⁷ См.: Вальнкина И. А., Порошин Е. А. К вопросу о принципах медиации (посредничества) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2011. № 1 (19). С. 117–120 ; Крысова В. Г. Использование инсти-

группа специалистов в области медиации из разных стран (как представителей межправительственных и правительственных структур, так и независимых экспертов⁸), подготовив Хартию о международной семейной медиации (2017 г.)⁹, носящую рекомендательный характер и имеющую большое практическое значение для функционирования технологии медиации.

И конечно же, принцип принятия во внимание прав и законных интересов детей является краеугольным по той причине, что большинство трансграничных семейных споров связаны с вопросами воспитания и содержания несовершеннолетних детей, чья судьба решается при расторжении брака родителей и возможной миграции на территорию другого государства, вызванной распадом семьи. В медиации должны соблюдаться основные начала Конвенции о правах ребенка 1989 г., учитываться потребности несовершеннолетних детей. Ребенок при достижении определенного возраста (в России — с 10 лет) имеет право выражать свое мнение. При желании родителей несовершеннолетний может участвовать в примирительной процедуре. Целесообразность и приемлемость такого участия может подтверждаться медиатором. Международная семейная медиация призвана предотвращать похищение детей одним из родителей (другими родственниками), а также искоренять такие преступления, как торговля детьми и детская эксплуатация. По мнению О. Ю. Каплун и В. А. Миллер, подписание медиативного соглашения — это показатель, что родители учитывают интересы их ребенка¹⁰. На такую цель медиативного соглашения указывала и С. Ю. Чашкова¹¹.

Пожалуй, самым специфичным принципом международной семейной медиации является понимание и принятие во внимание посредником (медиатором) культурных различий между членами семьи. Действительно, по трансграничным семейным спорам медиатору необходимо знание особенностей множества национальных семейных традиций и правовых норм, а также умение налаживать контакты с представителями разных религиозных и социальных групп. Немаловажным является именно уважение вероисповедальных воззрений участников внутрисемейного конфликта. Медиатор не имеет права ссылаться при посредничестве семейного конфликта на собственные взгляды по вопросам религии, социального статуса или культурного уровня спорящих сторон. При медиации не исключается участие авторитетного представителя расширенной семьи (рода) или фалиситатора, имеющих влияние на мнение спорящих членов семьи.

Тесно связано с вышеуказанным принципом требование об особой квалификации медиатора по трансграничным семейным спорам. Посредник в международных внутрисемейных конфликтах должен быть специалистом в сфере международного частного права по вопросам семейных и процессуальных отношений, а также иметь компетенции в области защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей. Медиатор по базовому образованию может быть юристом, психологом, социальным работником, прошедшим специальную профессиональную подготовку. Создана контактная сеть трансграничных семейных медиаторов.

Существование системы принципов международной семейной медиации как своеобраз-

---

туда медиации при разрешении споров в международном семейном праве // *Международное право*. 2017. № 10 ; *Куропацкая Е. Г.* Медиация как способ защиты прав ребенка в Российской Федерации // *Медиация и право*. 2013. № 1. С. 4–8 ; *Лебединская В. П.* Семейная медиация как новый для Российской Федерации способ защиты прав и интересов детей // *Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права*. 2017. № 14. С. 42–48 ; *Пурге А. Р.* Применение процедуры медиации для урегулирования разногласий, возникающих из семейных правоотношений: опыт и пути развития // *Евразийская адвокатура*. 2016. № 4 (23). С. 41–49 ; *Худойкина Т. В., Брыжинский А. А.* Проблемы и перспективы развития медиации // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2011. № 3. С. 109–115 ; *Шкрыль Е. О.* Семейная медиация в России: состояние, проблемы и возможности применения // *Право и глобальный социум*. 2016. № 2. С. 1061–1062.

⁸ В разработке Хартии принимали участие 55 семейных медиаторов из 24 стран.

⁹ URL: finvestnik.ru/wpcontent/uploads/ (дата обращения: 31.05.2022).

¹⁰ *Каплун О. Ю., Миллер В. А.* Международная семейная медиация // *Вопросы студенческой науки*. 2019. Вып. № 6 (34), июнь. С. 135.

¹¹ См., например: *Чашкова С. Ю.* Конкуренция семейно-правовых договоров и медиативных соглашений, направленных на регулирование семейно-правовых споров // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 4. С. 50–62.

ный стандарт позволяет правильно организовать эту альтернативную примирительную процедуру разрешения конфликтов, а также способствует формированию единого подхода к рассмотрению трансграничных семейных споров при обязательном учете многокультурных особенностей его субъектного состава. Принципы международной семейной медиации обеспечат создание глобальной корпорации семейных медиаторов, специализирующихся на трансграничных спорах.

Принципы международной семейной медиации позволяют обозначить преимущества данной технологии альтернативного урегулирования внутрисемейных конфликтов. К их числу можно отнести: альтернатива судебному разбирательству; эмоционально менее болезненный процесс как для разводящихся супругов, так и для их несовершеннолетних детей; приоритет прав и законных интересов несовершеннолетних детей; самостоятельное определение условий проекта соглашения по личным

неимущественным и имущественным правоотношениям между членами семьи; содействие в получении юридической и социальной помощи по вопросам ухода за совершеннолетними членами семьи, нуждающимися в постороннем уходе; общение в атмосфере сотрудничества и уважения с целью уменьшения напряжения, которое не исключается при любом конфликте; достижение окончательных договоренностей, что в большинстве случаев позволяет избежать судебных разбирательств; более быстрый и дешевый порядок, чем судебный или административный; сохранение диалога между всеми членами семьи, несмотря на ее распад; поддержание нормальных семейных отношений с членами семьи (бабушки и дедушки, тети и дяди, кузены и т.д.), не являющимися членами семейного спора. Одним из самых больших преимуществ медиации является возможность рационализации конфликта и его деэскалации путем «разоружения» позиций, преследующих интересы и потребности сторон¹².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Валынкина И. А., Порошин Е. А.* К вопросу о принципах медиации (посредничества) // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2011. — № 1 (19). — С. 117–120.
2. *Добролюбова Е. А.* Медиация в системе способов защиты прав предпринимателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 29 с.
3. *Ерохина Е. В.* Посредничество при разрешении трансграничных семейных споров: ценности европейского семейного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2018. — № 4 (57). — С. 92–100.
4. *Каплун О. Ю., Миллер В. А.* Международная семейная медиация // Вопросы студенческой науки. — 2019. — Вып. № 6 (34), июнь. — С. 132–135.
5. *Крысова В. Г.* Использование института медиации при разрешении споров в международном семейном праве // Международное право. — 2017. — № 10.
6. *Куропацкая Е. Г.* Медиация как способ защиты прав ребенка в Российской Федерации // Медиация и право. — 2013. — № 1. — С. 4–8.
7. *Лебединская В. П.* Семейная медиация как новый для Российской Федерации способ защиты прав и интересов детей // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. — 2017. — № 14. — С. 42–48.
8. *Пурге А. Р.* Применение процедуры медиации для урегулирования разногласий, возникающих из семейных правоотношений: опыт и пути развития // Евразийская адвокатура. — 2016. — № 4 (23). — С. 41–49.
9. *Худойкина Т. В., Брыжинский А. А.* Проблемы и перспективы развития медиации // Правовая политика и правовая жизнь. — 2011. — № 3. — С. 109–115.
10. *Чашкова С. Ю.* Конкуренция семейно-правовых договоров и медиативных соглашений, направленных на регулирование семейно-правовых споров // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 4. — С. 50–62.
11. *Шкрыль Е. О.* Семейная медиация в России: состояние, проблемы и возможности применения // Право и глобальный социум. — 2016. — № 2. — С. 1061–1062.

¹² *Garcia Villaluenga L., Vazquez de Castro E.* La mediación civil en España: Luces y sombras de un marco normativo // Política y Sociedad. 2013. Vol. 50. Núm. 1. P. 71–98.

12. Garcia Villaluenga L., Vazquez de Castro E. La mediación civil en España: Luces y sombras de un marco normativo // *Política y Sociedad*. — 2013. — Vol. 50. — Núm. 1. — P. 71–98.
13. Gómez M., Francisco J. La mediación como método adecuado de resolución de conflictos en el ámbito familiar // *Tratado de mediación*. — 2017. — Vol. 3. — P. 165–172.

Материал поступил в редакцию 3 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Valynkina IA, Poroshin E. K voprosu o printsipakh mediatsii (posrednichestva) [To a question on principles of mediation (intermediary)]. *Vestnik of Altai Academy of Economics and Law*. 2011;1(19):117-120. (In Russ.).
2. Dobrolyubova E. Mediatsiya v sisteme sposobov zashchity prav predprinimateley: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Mediation in the system of ways to protect the rights of entrepreneurs: Author's Abstract]. Moscow; 2012. (In Russ.).
3. Erokhina EA. Posrednichestvo pri razreshenii transgranichnykh semeynykh sporov: tsennosti evropeyskogo semeynogo prava [Cross-Border Family Mediation of Values European Family Law]. *Omsk State University Herald. Law*. 2018;4(57):92-100. (In Russ.).
4. Kaplun OYu, Miller VA. Mezhdunarodnaya semeynaya mediatsiya [International Family Mediation]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki*. 2019;6(34):132-135. (In Russ.).
5. Krysova VG. Ispolzovanie instituta mediatsii pri razreshenii sporov v mezhdunarodnom semeynom prave [The use of the institute of mediation in dispute resolution in international family law]. *International Law*. 2017;10. (In Russ.).
6. Kuropatskaya EG. Mediatsiya kak sposob zashchity prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii [Mediation as a way to protect the rights of the child in the Russian Federation]. *Mediation and Law*. 2013;1:4-8. (In Russ.).
7. Lebedinskaya VP. Semeynaya mediatsiya kak novyy dlya Rossiyskoy Federatsii sposob zashchity prav i interesov detey [Family mediation as a new way for the Russian Federation to protect the rights and interests of children]. *Bulletin of the Essentuki Institute of Management, Business and Law*. 2017;14:42-48. (In Russ.).
8. Purge AR. Primenenie protsedury mediatsii dlya uregulirovaniya raznoglasiy, vznikayushchikh iz semeynykh pravootnosheniy: opyt i puti razvitiya [Application of mediation procedure for settlement of disagreements arising from family legal relations: experience and ways of development]. *Eurasian Advocacy*. 2016;4(23):41-49. (In Russ.).
9. Khudoykina TV, Bryzhinskiy AA. Problemy i perspektivy razvitiya mediatsii [Problems and development prospects mediation]. *Legal Policy and Legal Life*. 2011;3:109-115. (In Russ.).
10. Chashkova SYu. Konkurentsia semeyno-pravovykh dogovorov i mediativnykh soglasheniy, napravlennykh na regulirovanie semeyno-pravovykh sporov [Competition between Family Law Contracts and Mediation Agreements Aimed at Regulating Family Law Disputes]. *Lex russica*. 2022;75(4):50-62. (In Russ.).
11. Shkryl EO. Semeynaya mediatsiya v Rossii: sostoyanie, problemy i vozmozhnosti primeneniya [Family mediation in Russia: status, problems and application possibilities]. *Law and Global Society*. 2016;2:1061-1062. (In Russ.).
12. Garcia Villaluenga L, Vazquez de Castro E. La mediación civil en España: Luces y sombras de un marco normativo. *Política y Sociedad*. 2013;50(1):71-98.
13. Gómez M, Francisco J. La mediación como método adecuado de resolución de conflictos en el ámbito familiar. *Tratado de mediación*. 2017;3:165-172.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.041-053

Е. А. Акунченко*

Ретроспектива и перспектива понимания объекта и предмета антикоррупционной экспертизы

Аннотация. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов играет важную роль в системе противодействия коррупции, поскольку позволяет оценить и снизить коррупциогенный потенциал дефектов нормативного регулирования и тем самым предотвратить возникновение и развитие коррупционных отношений в процессе правоприменения. Представленные на сегодняшний день в специальной литературе доктринальные подходы к пониманию объекта и предмета антикоррупционной экспертизы не раскрывают весь познавательный потенциал указанных категорий, поскольку не учитывают влияния внешних функциональных связей нормативного содержания правовых актов на процессы детерминации коррупционного поведения должностных лиц, а также не ориентируют практических работников на поиск наиболее эффективных способов устранения выявленных коррупциогенных факторов. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что традиционное понимание нормативных правовых актов и их проектов в качестве объекта антикоррупционной экспертизы, а коррупциогенных факторов — в качестве ее предмета может быть принято за основу и детализировано с учетом перспективных задач государственной политики в области противодействия коррупции. Основываясь на философских и теоретико-правовых воззрениях относительно категорий «объект» и «предмет» исследования, учитывая положения действующего антикоррупционного законодательства, сформулированы авторские определения объекта и предмета антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Кроме того, намечены некоторые перспективные направления развития научного познания правовой природы данного антикоррупционного инструмента и его функционального предназначения в системе противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; антикоррупционная экспертиза; объект; предмет; нормативный правовой акт; коррупциогенный фактор; коррупционный риск; дефект нормативного регулирования; антикоррупционная политика.

Для цитирования: Акунченко Е. А. Ретроспектива и перспектива понимания объекта и предмета антикоррупционной экспертизы // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 41–53. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.041-053.

© Акунченко Е. А., 2022

* Акунченко Евгений Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета, ведущий научный сотрудник Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз Сибирского федерального университета
Свободный пр., д. 79, г. Красноярск, Россия, 660041
eakunchenko@gmail.com

The Retrospective and Perspective of Understanding the Object and Subject of Anti-Corruption Expertise

Evgeniy A. Akunchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Delectology and Criminology, Siberian Federal University; Leading Researcher, Center for Combating Corruption and Legal Expertise, Siberian Federal University
pr. Svobodny, d. 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041
eakunchenko@gmail.com

Abstract. Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts plays an important role in the anti-corruption system, as it allows to assess and reduce the corruption potential of regulatory defects and thereby prevent the emergence and development of corruption relations in the process of law enforcement. The doctrinal approaches presented today in the specialized literature applied to interpret the object and subject of anti-corruption expertise do not reveal the entire cognitive potential of these categories, since they do not take into account the influence of external functional links of the normative content of legal acts on the processes of determining the corrupt behavior of officials, and also do not orient practitioners to find the most effective ways to eliminate the identified corruption-causing factors. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the traditional understanding of normative legal acts and their drafts as an object of anti-corruption expertise, and corruption-causing factors as its subject, can be taken as a basis and detailed taking into account the perspective tasks of state policy in the field of combating corruption. Based on philosophical and theoretical-legal views regarding the categories of «object» and «subject» of the study, taking into account the provisions of the current anti-corruption legislation, the author provides definitions of the object and subject of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts. In addition, the paper outlines some promising directions for the development of scientific knowledge of the legal nature of this anti-corruption tool and its functional purpose in the anti-corruption system.

Keywords: corruption; anti-corruption; anti-corruption expertise; object; subject; regulatory legal act; corruption-causing factor; corruption risk; regulatory defect; anti-corruption policy.

Cite as: Akunchenko EA. Retrospektiva i perspektiva ponimaniya obekta i predmeta antikorrupsionnoy ekspertizy [The Retrospective and Perspective of Understanding the Object and Subject of Anti-Corruption Expertise]. *Lex russica*. 2022;75(10):41-53. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.041-053. (In Russ., abstract in Eng.).

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее — антикоррупционная экспертиза) относится к числу основных компонентов инструментария действующего в Российской Федерации механизма противодействия коррупции. Представляя собой систему превентивного воздействия на линии детерминации проявлений коррупции¹, она направлена на исправление дефектов правового регулирования, способствующих возникновению и развитию коррупционных отношений в процессе правоприменения. Своевременное выявление и устранение коррупциогенных факторов в положениях действующих или проектируемых правовых актов позволяют ограничить возмож-

ности коррупционного поведения заинтересованных субъектов, тем самым предотвращая потенциальный вред от различного рода злоупотреблений «на дальних подступах»². Неслучайно необходимость реализации мер по повышению эффективности антикоррупционной экспертизы в очередной раз актуализирована в рамках Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы³.

Конвенция ООН против коррупции⁴ устанавливает, что каждое государство-участник стремится периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней (ч. 3 ст. 5). Большин-

¹ См.: Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2009. С. 223.

² См.: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под ред. Н. В. Щедрина. Красноярск : СФУ, 2010. С. 241–258.

³ СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

⁴ СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

ство исследователей традиционно рассматривают указанное положение в качестве основания международно-правовой легитимности института антикоррупционной экспертизы⁵, но в специальной литературе встречаются также другие мнения. В частности, как справедливо отмечают С. Д. Хазанов и М. С. Бахтина, в ч. 3 ст. 5 указанной Конвенции «не идет речи об экспертизе правотворческой деятельности — государства обязаны оценивать принятые документы и решения с точки зрения их способности противодействовать коррупции. Именно на основании этих документов можно судить о том, как вырабатывается и реализуется антикоррупционная политика и в какой мере правоприменительные органы учитывают антикоррупционные стандарты в своей повседневной деятельности»⁶. В свою очередь, этим может объясняться фактическое отсутствие положительного зарубежного опыта организации и проведения антикоррупционной экспертизы, который был бы заимствован и успешно использован в условиях российской действительности. По верному замечанию А. М. Цирина, «в большинстве европейских стран (Великобритания, Германия, Франция, скандинавские государства) отмеченная конвенционная норма была имплементирована посредством более глубокого проведения юридической экспертизы проектов правовых актов и анализа регуляторного воздействия. При этом проведения специальной антикоррупционной экспертизы в ее привычном для России понимании не предполагалось»⁷.

Исторически институт антикоррупционной экспертизы получил свое развитие преимуще-

ственно в странах постсоветского пространства в связи с осуществлением Стамбульского плана действий Сети ОЭСР⁸, а также принятием ряда антикоррупционных модельных законов на уровне СНГ⁹. Указанные международные правовые акты задали основные направления формирования национального законодательства, устанавливающего организационно-правовые основы антикоррупционной экспертизы. Вместе с тем инновационность данного института для отечественной правовой системы предопределила появление некоторых теоретико-прикладных проблем, которые не утратили своей актуальности. Одна из них — неоднозначность определения объекта и предмета антикоррупционной экспертизы.

Ретроспективный анализ специальной литературы позволяет выделить несколько научных подходов, предложенных отечественными учеными.

Исследователи, выступившие первопроходцами в процессе разработки организационно-правовой модели антикоррупционной экспертизы в России, называли в качестве предмета рассматриваемого вида экспертной деятельности либо сами нормативные правовые акты и их проекты, либо конкретные нормы в их содержании. Так, в 2007 г. по данному вопросу Э. В. Талапина указывала следующее: «В нашей стране по-прежнему нет “закона о законах”, который создал бы иерархию нормативных актов, что, собственно, не означает, что самой этой иерархии не существует. Следовательно, предметом антикоррупционной экспертизы могут быть как законодательные, так и подзаконные нормативные акты»¹⁰. Похожую терминологию

⁵ См.: Клюковская И. Н., Мелекаев Р. К. Правовая природа и принципы криминологической антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // *Общество и право*. 2011. № 5. С. 134–137; Мехтиханова Л. В. Недостатки законодательства об антикоррупционной экспертизе, проводимой органами прокуратуры // *Мировой судья*. 2012. № 7. С. 16–19; Гордиенко Д. А. Антикоррупционная экспертиза как способ противодействия коррупции: история проведения антикоррупционной экспертизы на современном этапе развития российского законодательства // *Российская юстиция*. 2013. № 12. С. 41–46.

⁶ Хазанов С. Д., Бахтина М. С. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как средство снижения коррупционных рисков // *Российский юридический журнал*. 2016. № 3. С. 59–60.

⁷ Цирин А. М. Антикоррупционная экспертиза в России и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 4. С. 139.

⁸ URL: <https://www.oecd.org/corruption/acn/istanbul-action-plan.htm> (дата обращения: 08.08.2022).

⁹ См.: Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике»: принят постановлением МПА СНГ от 15.11.2003 № 22-15 // *Информационный бюллетень*. 2004. № 33. Ст. 225; Модельный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: принят постановлением МПА СНГ от 17.05.2012 № 37-12 // *Там же*. 2012. № 55. Ст. 189.

¹⁰ Талапина Э. В. Об антикоррупционной экспертизе // *Журнал российского права*. 2007. № 5. С. 59.

также использовали в своих трудах С. В. Матковский¹¹, Ю. А. Тихомиров¹², С. Н. Шевердяев¹³ и др. При этом основная дискуссия о предмете антикоррупционной экспертизы разворачивалась вокруг приоритетности ее проведения в отношении тех или иных видов нормативных правовых актов (их проектов) в условиях ограниченности имеющихся ресурсов¹⁴.

Содержательное разграничение предмета и объекта антикоррупционной экспертизы одним из первых сформулировал А. В. Кудашкин. По его мнению, «предметом антикоррупционной экспертизы являются нормативные правовые акты и их проекты, разработанные органами государственной власти и местного самоуправления, а также нормы, содержащиеся в них, которые регулируют общественные отношения, являющиеся объектом экспертизы»¹⁵. В свою очередь, «объектом антикоррупционной экспертизы являются общественные отношения, на регулирование которых направлен исследуемый в целях выявления коррупциогенных факторов нормативный правовой акт или его проект»¹⁶. Автор не приводит аргументов, позволяющих определить теоретические основания для вывода о подобном разграничении категорий «предмет» и «объект» экспертизы, однако обращает внимание на существенную разницу между объектами судебной и антикоррупционной экспертизы, «поскольку первая, как правило, имеет дело с материальными носителями информации, а вторая — с нематериальной сферой общественных отношений»¹⁷.

Иную точку зрения по вопросу разграничения рассматриваемых категорий высказал С. М. Будатаров, который признает объектом антикоррупционной экспертизы норматив-

ные правовые акты или проекты нормативных правовых актов, но вместе с тем отмечает, что «антикоррупционная экспертиза должна проводиться в отношении всех правовых актов или их проектов, предусматривающих действия представителей власти, обязанных регулировать или охранять общественные отношения»¹⁸. Положения таких правовых актов (проектов правовых актов), которые, по сути, являются предметом антикоррупционной экспертизы, данный автор предлагает именовать «нормами бюрократического поведения» и выделяет следующие их виды:

- нормы бюрократического поведения, представляющие собой однократные действия представителей власти (например, принять заявление, проверить прописку, возбудить уголовное дело и т.д.);
- нормы бюрократического поведения, представляющие собой совокупность единичных действий представителей власти и образующие административные процедуры;
- нормы бюрократического поведения, представляющие собой совокупность административных процедур и образующие «стиль поведения представителей власти»¹⁹.

Подобное понимание объекта и предмета антикоррупционной экспертизы заслуживает внимания, поскольку позволяет иначе взглянуть на коррупциогенный потенциал дефектов правового регулирования, который не ограничивается пределами содержания отдельного правила поведения, установленного конкретным правовым актом, а распространяется на совокупность отношений в сфере государственного и муниципального управления. В специальной литературе обоснованно указывается на то, что

¹¹ Матковский С. В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы // Российский следователь. 2008. № 24. С. 27–30.

¹² Тихомиров Ю. А. Практические аспекты осуществления антикоррупционного анализа и оценки реализации правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 14–21.

¹³ Шевердяев С. Н. Формирование основ правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативных актов и вопросы совершенствования официальной методики ее проведения // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20. С. 5–11.

¹⁴ См.: Южаков В. Н. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: методика, опыт и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2. С. 11.

¹⁵ Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : научно-практическое пособие. М. : Норма : Инфра-М, 2012. С. 100.

¹⁶ Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 100.

¹⁷ Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 104.

¹⁸ Будатаров С. М. Антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов: понятие, порядок проведения : специализированный учебный курс. Саратов : СГЮА, 2013. С. 26.

¹⁹ См.: Будатаров С. М. Указ. соч. С. 26–27.

«для наиболее прицельного и оперативного выявления коррупционных технологий, которые основываются на использовании недостатков законодательных и иных нормативных правовых актов, требуется проведение мониторинга не только самих актов, но и практики их применения»²⁰. Как следствие, такой мониторинг дает возможность понять истинные цели и задачи определенной системы правовых предписаний и, в случае обнаружения в них коррупциогенных факторов, внести соответствующие юридико-технические корректировки.

Наиболее распространенным среди ученых, посвятивших свои труды изучению института антикоррупционной экспертизы, является подход, согласно которому объектом данного вида экспертной деятельности являются нормативные правовые акты и их проекты, а предметом — коррупциогенные факторы в их содержании. Подобное соотношение категорий «объект» и «предмет» обусловлено, с одной стороны, признанием антикоррупционной экспертизы видом юридической экспертизы, а с другой — положениями специального антикоррупционного законодательства, устанавливающего ее правовые и организационные основы.

Как отмечает П. А. Кабанов, объектом антикоррупционной экспертизы являются «нормативные правовые акты и проекты нормативных правовых актов, подготовленные органами государственной власти, учреждениями и организациями различного уровня и ведомственной принадлежности, их должностными лицами и органами местного самоуправления»²¹. В свою очередь, относительно предмета антикоррупционной экспертизы данный автор указывает следующее: «Суть этого антикоррупционного инструмента сводится к поиску, обнаружению, фиксации, описанию и объяснению выявленных в исследуемом объекте типичных корруп-

циогенных факторов, являющихся предметом антикоррупционной экспертизы, а также в предложении мер по их устранению, локализации, ликвидации или нейтрализации»²².

Аналогичного подхода к определению объекта антикоррупционной экспертизы придерживаются Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина, которые вместе с тем иначе понимают ее предмет с учетом положений теории судебной экспертизы: «Предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов составляют устанавливаемые на основе специальных знаний в различных областях науки и техники факты и обстоятельства, указывающие на наличие в нормативных правовых актах и их проектах коррупциогенных факторов»²³. Несмотря на несколько иную (прикладную) трактовку данного понятия, его центральным звеном остаются коррупциогенные факторы в положениях действующих и проектируемых нормативных правовых актов.

По результатам анализа действующего российского законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих организационно-правовые основы антикоррупционной экспертизы, Р. Р. Газимзянов пришел к выводу о том, что ее объектом являются «практически все нормативные акты, за исключением нормативного правового акта высшей юридической силы — Конституции Российской Федерации, а также международных нормативных правовых актов»²⁴. Данный автор не приводит собственного определения предмета антикоррупционной экспертизы, однако выводит представляющую интерес классификацию объектов экспертной деятельности, подразделяя их на *основные* и *дополнительные (факультативные)*. К первым, по его мнению, относятся непосредственно нормативные правовые акты и проекты нормативных правовых актов, а ко

²⁰ Астанин В. В. Обеспечение репрезентативности экспертизы на коррупциогенность проектов нормативных правовых актов // Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. М. : Проспект, 2010. С. 7.

²¹ Кабанов П. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: опыт правового регулирования субъектов Российской Федерации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 173.

²² Кабанов П. А. Юрико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // NB: Административное право и практика администрирования. 2014. № 3. С. 62.

²³ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2014. С. 69.

²⁴ Газимзянов Р. Р. Объект антикоррупционной экспертизы: понятие, содержание, виды // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4. С. 34.

вторым — иные правовые документы, не обладающие признаками нормативности (например, «документы организационно-правового характера и/или их проекты, а также договоры, контракты и иные документы, регулирующие гражданско-правовые отношения»)²⁵.

Приведенная классификация объектов антикоррупционной экспертизы отражает один из дискуссионных вопросов о противоречивости законодательства в сфере противодействия коррупции. С одной стороны, в п. 2 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»²⁶ в числе мер по профилактике коррупции упоминается антикоррупционная экспертиза *правовых актов и их проектов*. С другой стороны, Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»²⁷ (далее — Федеральный закон № 172-ФЗ) устанавливаются правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы особого вида официальных документов — *нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов*. Из этого следует, что на уровне специального регулирования объект антикоррупционной экспертизы был ограничен ввиду исключения из его объема действующих и проектируемых правовых актов, не обладающих признаком нормативности.

Полагаем, что в данном случае законодателем не самым удачным образом использован прием сужения предмета регулирования в целях экономии кадровых и организационных ресурсов подразделений органов власти и их должностных лиц, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы. Первоначально организационно-правовая

модель данного вида экспертной деятельности предполагала максимально широкий круг юридических актов, подлежащих антикоррупционной экспертизе, но ограниченных стадией проектирования²⁸. Впоследствии, как отметила Т. Я. Хабриева, принятие Федерального закона № 172-ФЗ существенно расширило объектную сторону антикоррупционной экспертизы, поскольку теперь «наряду с проектами нормативных правовых актов, экспертизе должны подвергаться действующие нормативные правовые акты»²⁹. Однако, по нашему мнению, данное нововведение должно было затронуть только компетенции органов, осуществляющих непосредственно нормотворческие или правоохранительные функции, но не деятельность независимых экспертов. Антикоррупционная экспертиза любых правовых актов и их проектов (за исключением документов ограниченного доступа) потенциально будет иметь позитивный профилактический эффект. Поэтому ее отнесение к числу основных мер профилактики коррупции в соответствии с п. 2 ст. 6 Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ представляется вполне логичным и терминологически непротиворечивым. Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона № 172-ФЗ институты гражданского общества и граждане могут за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу только *нормативных* правовых актов и их проектов.

Некоторые исследователи указывают на то, что объекты антикоррупционной экспертизы исчерпывающим образом перечислены в ст. 3 Федерального закона № 172-ФЗ³⁰. С данной позицией вряд ли можно согласиться, поскольку указанная норма в первую очередь устанавли-

²⁵ См.: Газимзянов Р. Р. Дополнительные (факультативные) объекты антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 29.

²⁶ СЗ РФ. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6228.

²⁷ СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

²⁸ См.: постановление Правительства РФ от 05.03.2009 № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» (утр. силу) // СЗ РФ. 2009. № 10. Ст. 1240 ; постановление Правительства РФ от 05.03.2009 № 196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» (утр. силу) // СЗ РФ. 2009. № 10. Ст. 1241.

²⁹ Хабриева Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 6.

³⁰ См.: Иванова Е. Л. Независимая антикоррупционная экспертиза как способ устранения коррупционных рисков // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 3. С. 21–26.

вает перечень субъектов, обязанных проводить антикоррупционную экспертизу, а также определяет их компетенцию и формы экспертной деятельности. Кроме того, за рамками названной статьи находится институт независимой антикоррупционной экспертизы, которым гипотетически могут охватываться иные нормативные правовые акты и их проекты.

Таким образом, представленные выше доктринальные воззрения на объект и предмет антикоррупционной экспертизы в большинстве своем непротиворечивы, отражают различные стороны рассматриваемых явлений и позволяют сформировать относительно целостный понятийно-категориальный аппарат. Принимая за основу поддерживаемый значительным числом авторов подход, согласно которому под объектом антикоррупционной экспертизы следует понимать нормативные правовые акты и их проекты, а под предметом — коррупциогенные факторы, представляется необходимым рассмотреть перспективы развития данных концептуальных категорий.

Полагаем, что конструирование авторских определений объекта и предмета антикоррупционной экспертизы должно быть основано на достижениях философии и общей теории права, а также не может производиться в отрыве от положений действующего антикоррупционного законодательства. При этом процесс решения поставленной задачи, по нашему мнению, напоминает sudoku: несмотря на ограниченное количество исходных данных, игрок может восстановить все числа на поле, если проявит навыки логического мышления и будет опираться на полученные в начале игры подсказки.

Исследовательская работа в рамках модели «объект — предмет» является методологической нормой для теоретической юриспруденции, которая охватывает не только общую теорию права, но и любые юридические исследования, в том числе отраслевые, «направленные на разработку и организацию научных понятий, моделей, гипотез, проблем и других идеальных объектов»³¹. В связи с этим разработка понятия «объект антикоррупционной экс-

пертизы» не может опираться исключительно на положения действующего законодательства в сфере противодействия коррупции и должна учитывать сущностные характеристики данного вида экспертной деятельности. Моделирование идеального объекта позволит обозначить и по возможности снять напряжение между теорией и практикой антикоррупционной экспертизы.

Традиционно под объектом понимается то, что «противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности»³². Как отмечает В. Н. Протасов, «“объект” — это не просто какая-то часть объективной реальности, а такая ее часть, которая вступила во взаимодействие с субъектом, вовлечена в деятельность человека (практическую или познавательную)»³³. Данная логическая посылка позволяет нам индуктивно определить объект, исходя из круга взаимодействующих с ним субъектов антикоррупционной экспертизы, указанных в ст. 3 и 5 Федерального закона № 172-ФЗ. Полагаем, что прокуратура, Минюст, иные органы, организации и их должностные лица, а также независимые эксперты в рамках проведения антикоррупционной экспертизы могут «вступить во взаимодействие» только с содержанием нормативных правовых актов и их проектов, а не с общественными отношениями, которые урегулированы соответствующими нормами права. Согласимся с утверждением, что «недопустимо подменять понятие объекта юридического исследования (экспертизы) понятием предмета правового регулирования, т.е. правоотношениями»³⁴.

Вместе с тем подчеркнем, что наиболее распространенный подход к пониманию объекта антикоррупционной экспертизы исключительно как нормативных правовых актов или их проектов является несовершенным, поскольку в данном случае не охватываются так называемые «смешанные правовые акты», в которых одновременно можно выделить нормативное и ненормативное содержание. Как отмечается в специальной литературе, широкое распространение таких актов на практике, «хотя и вызывает нарекания с точки зрения юридической

³¹ Тарасов Н. Н. Объект и предмет науки как методологическая проблема современной юриспруденции // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 47.

³² Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 453.

³³ Протасов В. Н. Характеристика предмета и объекта исследования в диссертациях по юриспруденции // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 4. С. 20.

³⁴ Мелешко А. О. Объект и предмет антикоррупционной экспертизы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 1. С. 159.

техники, тем не менее обосновано потребностями практической деятельности и независимо от нашего желания составляет существующую реальность»³⁵. Выходом из сложившейся ситуации, по нашему мнению, может стать подход, согласно которому следует признавать в качестве объекта антикоррупционной экспертизы не сами нормативные правовые акты и их проекты, а *нормативное содержание правовых актов и их проектов*.

Кроме того, необходимо также обратить внимание на то, что одним из принципов организации антикоррупционной экспертизы является «оценка нормативного правового акта (проекта нормативного правового акта) во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами» (п. 2 ст. 2 Федерального закона № 172-ФЗ). С учетом данного положения следует поддержать идею о том, что «объектом экспертизы коррупционности должны быть не только отдельные акты (проекты), но и законодательные разделы, иные элементы системы законодательства»³⁶. Очевидно, что отдельно взятая конкретная норма или нормативный правовой акт могут не проявлять своей коррупционности, однако в условиях фактического применения и во взаимодействии с иными нормативными правовыми актами они могут стать основой для возникновения или развития коррупционных отношений. Неслучайно одним из коррупционных факторов, перечисленных в действующей Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов³⁷ (далее — Методика), являются нормативные коллизии (пп. «и» п. 3). В связи с этим предлагается понимать под объектом антикоррупционной экспертизы не только нормативное содержание правовых актов и их проектов, но и *внешние функциональные связи правовых актов (проектируемые или существующие) в системе нормативного регулирования*.

Переходя к рассмотрению предмета антикоррупционной экспертизы, необходимо сказать следующее. Как отмечается в специаль-

ной литературе, основное структурное отличие предмета от объекта заключается в том, что «в предмет входят лишь главные, наиболее существенные (с точки зрения данного исследования) свойства и признаки»³⁸. В познавательном смысле разграничение предмета и объекта является относительным, поскольку зависит от содержания целей и задач, поставленных перед конкретным исследованием. Иными словами, объект исследуется на предмет чего-либо. К подобному выводу в аспекте научного осмысления объекта и предмета антикоррупционной экспертизы приходят некоторые авторы. В частности, следуя общетеоретическим положениям об экспертно-правовой деятельности, А. О. Мелешко делает лаконичный вывод о том, что «антикоррупционная экспертиза источника (формы выражения) права проводится на предмет наличия в нем коррупционных факторов»³⁹.

В целом поддерживая указанный подход, обозначим некоторые критические замечания. Исходя из ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 172-ФЗ, целью антикоррупционной экспертизы является выявление в нормативных правовых актах и проектах нормативных правовых актов коррупционных факторов и их последующее устранение. С учетом данного положения предметом антикоррупционной экспертизы было бы логично признать не только коррупционные факторы как дефекты правового регулирования, способные породить коррупционные отношения в процессе правоприменения, но и наиболее адекватные способы их устранения.

Проведенный нами анализ доктринальных подходов к пониманию предмета антикоррупционной экспертизы свидетельствует о том, что зачастую авторы упускают из виду вторую, не менее важную составляющую результата экспертной деятельности — конкретное предложение о способе устранения выявленных коррупционных факторов (ч. 2 ст. 3 и ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 172-ФЗ). Исследование нормативного содержания действующих или

³⁵ Гайворонская Я. В. Система правовых актов Российской Федерации // Lex russica (Русский закон). 2013. № 8. С. 833–834.

³⁶ Кокотов А. Н., Родионова О. Н. Экспертиза закона субъекта РФ на коррупционность // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 168.

³⁷ Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

³⁸ Философский энциклопедический словарь. С. 525.

³⁹ Мелешко А. О. Указ. соч. С. 161.

проектируемых правовых актов только на предмет наличия в них коррупциогенных факторов является неполноценным, поскольку не включает изучение *способов устранения выявленных коррупциогенных факторов и поиск среди них наиболее эффективных с точки зрения реализации мер по профилактике коррупции.*

Кроме того, рассмотрение в качестве предмета антикоррупционной экспертизы самих коррупциогенных факторов также представляется недостаточно точным. Анализ содержания Методики свидетельствует о том, что далеко не все перечисленные в ней коррупциогенные факторы обладают одинаковым коррупциогенным потенциалом. В связи с этим особую актуальность приобретают научные исследования, посвященные оценке коррупционных рисков (т.е. вероятности возникновения коррупционного поведения физических лиц, а равно коррупционной деятельности органов публичной власти и организаций⁴⁰), связанных с применением коррупциогенных правовых норм. Поэтому заслуживает внимания позиция М. С. Бахтиной о том, что «антикоррупционная экспертиза предполагает использование так называемого вероятностного (прогностического) подхода при оценке нормативных предписаний», коррупциогенность которых в значительной мере зависит от «характера общественных отношений, выступающих в качестве предмета правового регулирования, от вида и состава участников, реализующих права, обязанности, полномочия, от состава юридических средств, используемых для юридико-управленческого воздействия на общественные отношения и ряда иных факторов, которые способны оказать влияние на вывод о наличии коррупциогенного фактора»⁴¹.

Необходимость оценки *коррупциогенного потенциала нормативного содержания действующих или проектируемых правовых актов* обусловлена также тем, что далеко не всегда формальное выявление и устранение описанных в Методике коррупциогенных факторов способствуют снижению коррупционных

рисков в процессе правоприменения. Например, по справедливому замечанию В. В. Астанина, зачастую на практике эксперт сокращает или упрощает прием выявления такого коррупциогенного фактора, как «определение компетенции по формуле “вправе”», сводя его до обнаружения в анализируемом тексте искомого слова. «Между тем, если принять во внимание синонимическое значение слова “вправе”, сходство с ним проявится равнозначно в словах “может”, “определяет”, “устанавливает”, “решает (принимает решение)”»⁴². В то же время формулировка «вправе» принципиально не несет в себе коррупционных рисков в случае, когда основания для принятия соответствующих решений четко прописаны в действующем или проектируемом нормативном правовом акте.

Таким образом, ретроспективный анализ теоретических представлений об объекте и о предмете антикоррупционной экспертизы в современной российской юриспруденции позволил нам сформулировать следующие рабочие определения.

Объект антикоррупционной экспертизы — это внутреннее нормативное содержание правовых актов и их проектов, а также внешние функциональные связи правовых актов (проектируемые или существующие) в системе нормативного регулирования.

Предмет антикоррупционной экспертизы — это коррупциогенный потенциал внутреннего нормативного содержания и/или внешних функциональных связей правовых актов и их проектов, выбранных в качестве объекта антикоррупционной экспертизы, а также эффективность способов снижения или устранения такого потенциала.

Дальнейшее изучение рассматриваемого феномена и его институционализация позволят интегрировать методологию различных видов экспертной деятельности в рамках самостоятельного научного направления общей теории антикоррупционной безопасности⁴³. Предложенные нами рабочие определения объекта и предмета антикоррупционной экс-

⁴⁰ См.: Муниципальное правотворчество в IT-мерах антикоррупционной транспарентности : монография / под ред. И. А. Дамм, О. В. Роньжиной, Н. В. Щедрина. М. : Проспект, 2020. С. 68.

⁴¹ Бахтина М. С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Екатеринбург, 2021. С. 9.

⁴² Астанин В. В. Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики // Мониторинг правоприменения. 2016. № 3. С. 7.

⁴³ См.: Дамм И. А. Предпосылки формирования теории антикоррупционной безопасности Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2021. № 11. С. 1690–1709.

пертизы будут способствовать более глубокому пониманию правовой природы данного антикоррупционного инструмента, а также выявлению его функционального предназначения в системе противодействия коррупции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Астанин В. В.* Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — М., 2009. — 382 с.
2. *Астанин В. В.* Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики // Мониторинг правоприменения. — 2016. — № 3. — С. 4–8.
3. *Астанин В. В.* Обеспечение репрезентативности экспертизы на коррупциогенность проектов нормативных правовых актов // Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. — М. : Проспект, 2010. — С. 6–11.
4. *Бахтина М. С.* Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. — Екатеринбург, 2021. — 231 с.
5. *Будатаров С. М.* Антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов: понятие, порядок проведения : специализированный учебный курс. — Саратов : СГЮА, 2013. — 118 с.
6. *Газимзянов Р. Р.* Дополнительные (факультативные) объекты антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2010. — № 4. — С. 27–30.
7. *Газимзянов Р. Р.* Объект антикоррупционной экспертизы: понятие, содержание, виды // Актуальные проблемы экономики и права. — 2009. — № 4. — С. 32–35.
8. *Гайворонская Я. В.* Система правовых актов Российской Федерации // Lex russica (Русский закон). — 2013. — № 8. — С. 830–839.
9. *Гордиенко Д. А.* Антикоррупционная экспертиза как способ противодействия коррупции: история проведения антикоррупционной экспертизы на современном этапе развития российского законодательства // Российская юстиция. — 2013. — № 12. — С. 41–46.
10. *Дамм И. А.* Предпосылки формирования теории антикоррупционной безопасности Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 11. — С. 1690–1709.
11. *Иванова Е. Л.* Независимая антикоррупционная экспертиза как способ устранения коррупционных рисков // Государственная власть и местное самоуправление. — 2022. — № 3. — С. 21–26.
12. *Кабанов П. А.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: опыт правового регулирования субъектов Российской Федерации // Юридическая техника. — 2014. — № 8. — С. 172–182.
13. *Кабанов П. А.* Юрико-лингвистическая неопределенность как предмет антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // NB: Административное право и практика администрирования. — 2014. — № 3. — С. 61–71.
14. *Клюковская И. Н., Мелекаев Р. К.* Правовая природа и принципы криминологической антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Общество и право. — 2011. — № 5. — С. 134–137.
15. *Кокотов А. Н., Родионова О. Н.* Экспертиза закона субъекта РФ на коррупциогенность // Российский юридический журнал. — 2008. — № 4. — С. 168–181.
16. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под ред. Н. В. Щедрина. — Красноярск : СФУ, 2010. — 323 с.
17. *Кудашкин А. В.* Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : научно-практическое пособие. — М. : Норма : Инфра-М, 2012. — 366 с.
18. *Матковский С. В.* Правовая природа антикоррупционной экспертизы // Российский следователь. — 2008. — № 24. — С. 27–30.
19. *Мелешко А. О.* Объект и предмет антикоррупционной экспертизы // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2012. — № 1. — С. 155–163.
20. *Мехтиханова Л. В.* Недостатки законодательства об антикоррупционной экспертизе, проводимой органами прокуратуры // Мировой судья. — 2012. — № 7. — С. 16–19.

21. Муниципальное правотворчество в IT-мерах антикоррупционной транспарентности : монография / под ред. И. А. Дамм, О. В. Роньжиной, Н. В. Щедрина. — М. : Проспект, 2020. — 352 с.
22. Протасов В. Н. Характеристика предмета и объекта исследования в диссертациях по юриспруденции // Вестник Российской правовой академии. — 2011. — № 4. — С. 18–22.
23. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2014. — 160 с.
24. Талапина Э. В. Об антикоррупционной экспертизе // Журнал российского права. — 2007. — № 5. — С. 52–66.
25. Тарасов Н. Н. Объект и предмет науки как методологическая проблема современной юриспруденции // Российский юридический журнал. — 2017. — № 6. — С. 40–48.
26. Тихомиров Ю. А. Практические аспекты осуществления антикоррупционного анализа и оценки реализации правовых актов // Журнал российского права. — 2009. — № 10. — С. 14–21.
27. Философский энциклопедический словарь. — М. : Сов. энциклопедия, 1983. — 839 с.
28. Хабриева Т. Я. Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Журнал российского права. — 2009. — № 10. — С. 5–13.
29. Хазанов С. Д., Бахтина М. С. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как средство снижения коррупционных рисков // Российский юридический журнал. — 2016. — № 3. — С. 59–67.
30. Цирин А. М. Антикоррупционная экспертиза в России и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 4. — С. 138–145.
31. Шевердяев С. Н. Формирование основ правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативных актов и вопросы совершенствования официальной методики ее проведения // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 20. — С. 5–11.
32. Южаков В. Н. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: методика, опыт и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2008. — № 2. — С. 4–42.

Материал поступил в редакцию 12 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Astanin VA. Antikorruptsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk [Russia's Anti-Corruption Policy: criminological aspects: Doctoral Dissertation]. Moscow; 2009. (In Russ.).
2. Astanin VA. Antikorruptsionnaya ekspertiza zakonodatelstva v razvitii praktiki i metodiki [Anti-corruption expertise of legislation in the development of practice and methodology]. *Monitoring of Law Enforcement*. 2016;3:4-8. (In Russ.).
3. Astanin VA. Obespechenie reprezentativnosti ekspertizy na korruptsiogennost proektov normativnykh pravovykh aktov [Ensuring the representativeness of the expertise on the corruption of draft regulatory legal acts]. In: Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects. Moscow: Prospect Publ.; 2010. (In Russ.).
4. Bakhtina MS. Administrativno-pravovye osnovy antikorruptsiionnoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative and legal bases of anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Yekaterinburg; 2021(In Russ.).
5. Budatarov SM. Antikorruptsionnaya ekspertiza pravovykh aktov i ikh proektov: ponyatie, poryadok provedeniya: spetsializirovanny uchebnyy kurs [Anti-corruption expertise of legal acts and their drafts: the concept, the procedure for conducting a specialized training course]. Saratov: SSYuA Publ.; 2013. (In Russ.).
6. Gazimzyanov RR. Dopolnitelnye (fakultativnye) obekty antikorruptsiionnoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov [Additional (optional) objects of anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects]. *Russian Journal of Economics and Law*. 2010;4:27-30. (In Russ.).
7. Gazimzyanov RR. Obekt antikorruptsiionnoy ekspertizy: ponyatie, sodержание, vidy [Object of anti-corruption expertise: concept, content, types]. *Russian Journal of Economics and Law*. 2009;4:32-35. (In Russ.).
8. Gayvoronskaya YaA. Sistema pravovykh aktov Rossiyskoy Federatsii [The system of legal acts of the Russian Federation]. *Lex russica*. 2013;8:830-839. (In Russ.).

9. Gordienko DA. Antikorruptsionnaya ekspertiza kak sposob protivodeystviya korruptsii: istoriya provedeniya antikorrupcionnoy ekspertizy na sovremennom etape razvitiya rossiyskogo zakonodatelstva [Anti-corruption expertise as a way to counter corruption: the history of anti-corruption expertise at the current stage of development of Russian legislation]. *Russian Justice*. 2013;12:41-46. (In Russ.).
10. Damm A. Predposylki formirovaniya teorii antikorrupcionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Prerequisites for the formation of the anti-corruption security theory of the Russian Federation]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021;11:1690-1709. (In Russ.).
11. Ivanova EL. Nezavisimaya antikorrupcionnaya ekspertiza kak sposob ustraneniya korruptsiyonnykh riskov [Independent anti-corruption expert examination as a means of elimination of corruption risks]. *State Power and Local Self-government*. 2022;3:21-26. (In Russ.).
12. Kabanov PA. Antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: opyt pravovogo regulirovaniya subektov Rossiyskoy Federatsii [Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: experience of legal regulation of the subjects of the Russian Federation]. *Juridical Techniques*. 2014;8:172-182. (In Russ.).
13. Kabanov PA. Yuridiko-lingvisticheskaya neopredelennost kak predmet antikorrupcionnoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov [[Legal and linguistic uncertainty as a subject of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts]. *NB: Administrative Law and Practice of Administration*. 2014;3:61-71. (In Russ.).
14. Klyukovskaya IN, Melekaev RK. Pravovaya priroda i printsipy kriminologicheskoy antikorrupcionnoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov [The legal nature and principles of criminological anti-corruption expertise of normative legal acts]. *Society and Law*. 2011;5:134-137. (In Russ.).
15. Kokotov AN, Rodionova ON. Ekspertiza zakona subekta RF na korruptsiogennost [Examination of the law of the constituent entity of the Russian Federation on corruption]. *Russian Juridical Journal*. 2008;4:168-181. (In Russ.).
16. Shchedrin NV. Kontseptualno-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti: monografiya [Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures: monograph]. Krasnoyarsk: SFU Publ.; 2010. (In Russ.).
17. Kudashkin AA. Antikorruptsionnaya ekspertiza: teoriya i praktika: nauchno-prakticheskoe posobie [Anti-corruption expertise: theory and practice: a scientific and practical guide]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).
18. Matkovskiy SV. Pravovaya priroda antikorrupcionnoy ekspertizy [The legal nature of anti-corruption expertise]. *Russian Investigator*. 2008;24:27-30. (In Russ.).
19. Meleshko AO. Obekt i predmet antikorrupcionnoy ekspertizy [Object and subject of anti-corruption expertise]. *Omsk State University Journal. The series «Law»*. 2012;1:155-163. (In Russ.).
20. Mehtikhanova LA. Nedostatki zakonodatelstva ob antikorrupcionnoy ekspertize, provodimoy organami prokuratury [Shortcomings of the legislation on anti-corruption expertise conducted by the prosecutor's office]. *Magistrate Judge*. 2012;7:16-19. (In Russ.).
21. Damm IA, Ronzhina OV, Shchedrin NV (eds.). Munitsipalnoe pravotvorchestvo v IT-merakh antikorrupcionnoy transparentnosti: monografiya [Anti-corruption transparency: Monograph]. Moscow: Prospect Publ.; 2020. (In Russ.).
22. Protasov VN. Kharakteristika predmeta i obekta issledovaniya v dissertatsiyakh po yurisprudentsii [Characteristics of the subject and object of research in dissertations on jurisprudence]. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2011;4:18-22. (In Russ.).
23. Rossinskaya ER, Galyashina EI. Antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: problemy teorii i praktiki: monografiya [Anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects: problems of theory and practice: monograph]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2014. (In Russ.).
24. Talapina EA. Ob antikorrupcionnoy ekspertize [Anti-corruption examination]. *Journal of Russian Law*. 2007;5:52-66. (In Russ.).
25. Tarasov NN. Obekt i predmet nauki kak metodologicheskaya problema sovremennoy yurisprudentsii [The object and subject of science as a methodological problem of modern jurisprudence]. *Russian Juridical Journal*. 2017;6:40-48. (In Russ.).
26. Tikhomirov Yu. Prakticheskie aspekty osushchestvleniya antikorrupcionnogo analiza i otsenki realizatsii pravovykh aktov [Practical aspects of the implementation of anti-corruption analysis and evaluation of the implementation of legal acts]. *Journal of Russian Law*. 2009;10:14-21. (In Russ.).

27. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: Sov. entsiklopediya; 1983. (In Russ.).
28. Khabrieva TYa. Formirovanie pravovykh osnov antikorrupcionnoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov [Formation of the legal foundations of anti-corruption expertise of regulatory legal acts]. *Journal of Russian Law*. 2009;10:5-13. (In Russ.).
29. Khazanov SD, Bakhtina MS. Antikorrupcionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak sredstvo snizheniya korruptsionnykh riskov [Anti-corruption expertise of normative legal acts as a mean to reduce corruption risks]. *Russian Juridical Journal*. 2016;3:59-67. (In Russ.).
30. Tsirin AM. Antikorrupcionnaya ekspertiza v Rossii i zarubezhnykh gosudarstvakh: sravnitelno-pravovoe issledovanie [Anti-corruption expertise in Russia and foreign countries: comparative legal research]. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2018;4:138-145. (In Russ.).
31. Sheverdyaev SN. Formirovanie osnov pravovogo regulirovaniya antikorrupcionnoy ekspertizy normativnykh aktov i voprosy sovershenstvovaniya ofitsialnoy metodiki ee provedeniya [Formation of the foundations of legal regulation of anti-corruption expertise of normative acts and issues of improving the official methodology of its implementation]. *Constitutional and Municipal Law*. 2009;20:5-11. (In Russ.).
32. Yuzhakov VN. Antikorrupcionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov: metodika, opyt i perspektivy [Anti-corruption expertise of regulatory legal acts: methodology, experience and prospects]. *Public Administration Issues*. 2008;2:4-42. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.054-067

М. И. Галюкова*

Архитектоника биобезопасности

Аннотация. Статья посвящена вопросам биобезопасности как самостоятельного направления национальной безопасности. Развитие биотехнологий неизбежно приводит к появлению новых угроз обществу и государству, требует всестороннего исследования действующего законодательства в области безопасности. Раскрываются научные подходы к определению биобезопасности в узком и широком смысле. Автор отмечает, что появление официальной дефиниции биобезопасности является значительным достижением в развитии системы межведомственного взаимодействия и самостоятельного направления национальной безопасности, но отнюдь не революционной новеллой. Помимо этого, в статье дается смысловой и содержательный анализ понятий биориска, биоугрозы, биологического фактора, определяется взаимосвязь биологических угроз и биотехнологий, детерминируется новая самостоятельная составная часть биологической безопасности — генетическая безопасность.

Автор отмечает положительную динамику развития биобезопасности как одного из направлений национальной политики и одновременно констатирует явные законодательные и методологические пробелы. Во-первых, биоугроза есть результат трансформации биориска в конкретное фактическое обстоятельство, создающее реальную опасность для жизни и здоровья человека, а также угрозу безопасности общества, государства и человечества. Во-вторых, отсутствует понятие биотехнологий, их видов и классификации через призму биобезопасности. В-третьих, генетическая безопасность есть самостоятельная составная часть биологической безопасности. Следует разработать понятие «генетическая безопасность». В-четвертых, биобезопасность представляет собой самостоятельный вектор национальной политики государства, направленный на эффективное предотвращение биологических угроз, а также развитие биотехнологий без риска для жизни и здоровья людей путем создания качественной законодательной базы, достижения адекватного уровня правоприменения, формирования правосознания и правовой культуры населения.

Ключевые слова: биобезопасность; национальная безопасность; биоугрозы; биологический риск; генетическая безопасность; биотехнологии.

Для цитирования: Галюкова М. И. Архитектоника биобезопасности // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 54–67. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.054-067.

Biosafety Architectonics

Maria I. Galyukova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Judge, Central District Court of the city of Chelyabinsk
ul. Komumy, d. 87, Chelyabinsk, Russia, 454091
753825777@mail.ru

Abstract. The paper examines the issues of biosafety as an independent direction of national security. The development of biotechnologies inevitably leads to the emergence of new threats to society and the state, requires a comprehensive study of the current legislation in the field of security.

The paper elucidates scientific approaches to the definition of biosafety in a narrow and broad senses. The author notes that the appearance of the official definition of biosafety is a significant step in the development of the system of interdepartmental interaction and an independent direction of national security, but by no means a revolutionary novation. In addition, the paper provides a semantic and meaningful analysis of the concepts of

© Галюкова М. И., 2022

* Галюкова Мария Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, судья Центрального районного суда города Челябинска
ул. Коммуны, д. 87, г. Челябинск, Россия, 454091
753825777@mail.ru

biorisk, biohazard, biological factor, determines the relationship of biological threats and biotechnologies. The paper defines a new independent component of biological safety, namely, genetic safety.

The author notes the positive dynamics of biosafety development as one of the directions of national policy and at the same time states obvious legislative and methodological gaps. First, a biohazard is the result of the transformation of a biorisk into a concrete factual circumstance that creates a real danger to human life and health, as well as the security of society, the state and humanity. Second, there is no concept of biotechnologies, their types and classification through the prism of biosafety. Third, genetic safety is an independent component of biological safety. The concept of «genetic safety» should be developed. Fourth, biosafety is an independent vector of the national policy of the state aimed at the effective prevention of biological threats, as well as the development of biotechnologies without risk to human life and health by creating a high-quality legislative framework, an adequate level of law enforcement, the formation of legal awareness and legal culture of the population.

Keywords: biosafety; national security; bio-threats; biological risk; genetic safety; biotechnologies.

Cite as: Galyukova MI. Arkhitektonika biobezopasnosti [Biosafety Architectonics]. *Lex russica*. 2022;75(10):54-67. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.054-067. (In Russ., abstract in Eng.).

Президент РФ В. Путин в своем обращении к участникам III Международной научно-практической конференции «Глобальные угрозы биологической безопасности» в г. Сочи (июнь 2021 г.) подчеркнул, что в современных условиях обеспечение биологической безопасности является весьма актуальной задачей, решение которой невозможно без объединения усилий всего международного сообщества. Очевидно, что эффективное противостояние угрозам биологического характера требует самого тесного взаимодействия профильных государственных ведомств, научных и медицинских сообществ¹.

Основными причинами повышения общественного и научного интереса к вопросам биологической безопасности являются:

1) изменение социального поведения людей, повышение уровня конфликтности в обще-

стве², в том числе угроза биологического терроризма, расширение программ по разработке биологического оружия;

2) развитие конвергентных NBIC-технологий (персоналифицированная медицина, генетическая прививка, гибридные интерфейсы, создание аниматов³);

3) развитие технологий двойного назначения;

4) развитие генной и клеточной инженерии, синтетической биологии⁴;

5) появление феномена «гаражные биотехнологии»⁵;

6) изменения в экологической среде, ГМО⁶;

7) развитие репродуктивного туризма⁷;

8) формирование информационных сейфов биоинформации и проблема Big Data;

9) развитие биобанкинга⁸;

¹ Путин В. Телеграмма участникам III Международной научно-практической конференции «Глобальные угрозы биологической безопасности. Проблемы и решения» // URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/65915/print> (дата обращения: 03.05.2022).

² Концептуальные основы биологической безопасности. Ч. 1 / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.] // Вестник РАМН. 2013. № 10. С. 4–13.

³ Ёлкин С. В., Ёлкин С. С., Клышинский Э. С., Кузин А. А. О необходимости создания моделей бионических нейронных сетей // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2009. № 12. С. 101–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-sozdaniya-modeley-bionicheskikh-nejronnyh-setey> (дата обращения: 22.05.2022).

⁴ Завриев С., Шемякин И. Синтетическая биология — современные вызовы и проблемы биобезопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 77–83.

⁵ Завриев С., Колесников А. Риски и угрозы в сфере биобезопасности: анализ проблем и поиск решений в современных условиях // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9. С. 57–68.

⁶ Тисленко Д. И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011.

⁷ Русанова Н. Е. «Репродуктивный туризм» в России: возможности и проблемы // Сервис plus. 2009. № 3. С. 83–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reproduktivnyy-turizm-v-Rossii-vozmozhnosti-i-problemy> (дата обращения: 22.05.2022).

⁸ Надеяева И. И. Перспективы развития биобанков и генетических исследований // Ремедиум. 2020. № 4. С. 6.

- 10) участие генно-модифицированных спортсменов в соревнованиях;
- 11) неконтролируемые изменения микромира вирусов и бактерий (например, появление вируса гриппа H5N1, вируса MERS-Cov, коронавируса COVID-19, возвращающиеся (re-emerging) инфекции, госпитальные инфекции и т.д.)⁹;

- 12) вспышки внутрилабораторных инфекций (например, эксперименты с прионами)¹⁰.

Развитие биотехнологий неизбежно приводит к появлению новых угроз обществу и государству, требует всестороннего исследования действующего законодательства в области безопасности.

В Конституции Российской Федерации используются понятия «государственная безопасность», «безопасность».

По мнению А. Г. Безверхова, Ю. С. Норвартяна, А. В. Юдина, безопасность — сложная, емкая правовая категория. Она представляет собой некое состояние защищенности, гарантирующее устойчивое развитие личности, общества, государства и др. Безопасность — это «зонтик», который может защитить те или иные блага и ценности (жизнь, здоровье, свободу, собственность, суверенитет, территориальную целостность и др.) от возникших вызовов, рисков, угроз¹¹.

Важнейшие термины, принципы и основы правового регулирования обеспечения безопасности определены в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»¹². Согласно ст. 1 данного закона, понятия «безопас-

ность» и «национальная безопасность» идентичны. Вместе с тем полного раскрытия данных терминов, а также исчерпывающей классификации видов безопасности законодатель не дает.

О. В. Гарина высказывает предположение, что понятия «безопасность» и «национальная безопасность» максимально похожи, но поскольку происхождение термина «национальная безопасность» связывают с периодом холодной войны и называют исключительно американской разработкой, то автор полагает, что «использование категориального аппарата, сложившегося в другой политической системе и используемого в государстве с отличной исторической традицией и правовой культурой, противоречит опыту государственного строительства и концепциям безопасности Российского государства»¹³. Термин «национальная безопасность» действительно заимствован из зарубежной политической культуры и появился в России в 1997 г. в рамках Концепции национальной безопасности Российской Федерации¹⁴. Вместе с тем почти 25-летний опыт использования данного понятия прочно интегрировал его в российскую правовую систему, вызвав полную синонимичность с термином «безопасность».

На сегодняшний день ст. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400¹⁵, дает нам шесть важных понятий¹⁶, в том числе национальной безопасности РФ как состояния защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обес-

⁹ Биологическая безопасность (биологическое оружие и биотерроризм) : пособие / сост. А. В. Старков, А. В. Старовойт, К. Н. Гончаров. СПб. : РИНЦ ПСПбГМУ, 2018. С. 18–19.

¹⁰ Гослаборатории Франции приостановили опыты с прионами после заболевания научного сотрудника // ТАСС. Наука. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/11997181> (дата обращения: 12.06.2022).

¹¹ Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С., Юдин А. В. Юридическая категория «безопасность» в публичном и частном праве // Безопасность бизнеса. 2021. № 6. С. 9–14.

¹² СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2022).

¹³ Гарина О. В. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «национальная безопасность» Российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 1. С. 85–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-bezopasnost-i-natsionalnaya-bezopasnost-rossijskogo-gosudarstva> (дата обращения: 13.06.2022).

¹⁴ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 05.05.2022).

¹⁵ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2022).

¹⁶ Белозёров В. К. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2 (843). С. 20–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii-ot-obreteniya-smyslov-k-realizatsii> (дата обращения: 13.06.2022).

печиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

А. В. Степанов на основе анализа 25 определений понятия «национальная безопасность» полагает, что это некий государственно-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в различных сферах (военной, государственной, общественной, в том числе миграционной, пограничной, продовольственной, экономической, экологической, информационной, а также науки, технологий, образования, культуры и повышения качества жизни российских граждан)¹⁷.

И. В. Гончаров к национальной безопасности относит все виды безопасности (экономическую, политическую, конституционную, социальную, продовольственную и др.)¹⁸.

Сравнительно новым и малоизученным видом национальной безопасности является биобезопасность.

Президент РФ В. Путин 16 мая 2022 г. заявил, что в ходе специальной военной операции на Украине Россия получила доказательства существования на территории соседнего государства лабораторий по созданию биологического оружия. В связи с этим Президент РФ подчеркнул, что проблематика обеспечения биологической безопасности на пространстве ОДКБ требует самого серьезного внимания¹⁹.

Напомним, что принадлежность биобезопасности к национальной безопасности впервые закреплена Президентом РФ 4 декабря 2003 г. (№ Пр-2194)²⁰, утвердившим Основы

государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу и подтверждена в Указе Президента РФ от 11.03.2019 № 97, утвердившем Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу²¹.

На законодательном уровне биобезопасность свое рождение получила только в 2020 г., в Федеральном законе от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»²², определившем ее как состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска. Расширенная версия данного определения продублирована в ГОСТ Р 22.0.04-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения»²³, где под биологической безопасностью понимается состояние защищенности людей, сельскохозяйственных животных и растений, окружающей среды от опасностей, вызванных или вызываемых источником биолого-социальной чрезвычайной ситуации, при котором риск биолого-социальной чрезвычайной ситуации остается на допустимом уровне.

Появление официальной дефиниции биобезопасности — важный шаг в развитии системы межведомственного взаимодействия и самостоятельного направления национальной безопасности, но отнюдь не революционная новелла. Это связано с тем, что термин «биобезопасность» длительное время активно обсуждается в научном пространстве с нескольких позиций: как наука, учебная дисциплина²⁴,

¹⁷ Степанов А. В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 8–17.

¹⁸ Гончаров И. В. О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность», «конституционная безопасность» // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 121.

¹⁹ Интерфакс: Путин заявил о доказательствах разработки на Украине компонентов биооружия // URL: <https://www.interfax.ru/russia/841041> (дата обращения: 01.08.2022).

²⁰ URL: <https://base.garant.ru/6150961/> (дата обращения: 01.08.2022).

²¹ Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основых государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // URL: <https://base.garant.ru/72192478/> (дата обращения: 12.06.2022).

²² СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2022).

²³ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200175573> (дата обращения: 01.08.2022).

²⁴ Нетесов С., Завриев С. Новые международные инициативы в области биобезопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 3. С. 39–44.

отдельная область знаний²⁵, самостоятельное правовое явление²⁶, приоритетное направление политики государства в области национальной и международной безопасности²⁷.

В научной литературе выделяют узкий и широкий подходы к определению биобезопасности.

Узкий подход рассматривает биобезопасность как функцию ее обеспечения на потенциально опасных биологических объектах, на которых проводятся работы с патогенными микроорганизмами (лаборатории медицинского и ветеринарного назначения, подвижные подразделения лечебно-профилактического профиля и т.д.)²⁸.

По мнению Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленского, Е. Б. Ежловой, Ю. В. Деминой, В. П. Топоркова, А. В. Топоркова, М. Н. Ляпина, В. В. Кутырева, биобезопасность охватывает всю сферу санитарно-эпидемиологического благополучия, смежные с ней области ветеринарно-санитарного, фитосанитарного обеспечения, экологической безопасности, среду обитания (производственная, социально-экономическая, геополитическая инфраструктуры, экологическая система) и осуществляется в целях предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций биологического характера²⁹. Ученые подчеркивают, что придерживаются широкого понимания биобезопасности, однако в своем определении фактически всю направ-

ленность биобезопасности сводят к борьбе с инфекционными угрозами, что, напротив, свидетельствует о локальном (узком) взгляде на проблему. Более того, пристально рассмотрев позиции коллег, можно заметить в их работах явное отождествление понятий «биобезопасность» и «биозащищенность» («биозащита», biosafety)³⁰ — термин, который в международно-правовом пространстве обозначает исключение любого опасного воздействия (преднамеренного или случайного) на людей, флору и фауну со стороны исследователей в области генной инженерии и синтетической биологии, а также использования генетически модифицированных организмов. Подчеркнем, что термин «биозащищенность» может быть употреблен в отношении безопасного изготовления, хранения, перемещения, обработки и применения живых рекомбинантных биоструктур, что также свидетельствует о том, что фокус внимания коллег направлен исключительно на функциональную составляющую биобезопасности, связанную с блокированием биоугроз прежде всего искусственного происхождения. Неслучайно в исследованиях отдельное место отводится биологическим угрозам, вызванным актами преднамеренного использования патогенных биологических агентов (биоагрессия, биотерроризм, экологические войны)³¹.

Широкий подход, напротив, позволяет рассматривать биобезопасность в системном

²⁵ Биологическая безопасность: анализ современного состояния системы подготовки специалистов в Российской Федерации / О. А. Меринова, А. В. Топорков, Л. К. Меринова [и др.] // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 2018. № 3. С. 87–96.

²⁶ Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Арбатова ; Московский центр Карнеги. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 17–18.

²⁷ Концептуальные основы биологической безопасности. Ч. 3 : Научное обеспечение национального нормирования широкого формата биологической безопасности / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.] // Вестник РАМН. 2014. № 11–12. С. 118–127.

²⁸ Ляпин М. Н. Научное обоснование и совершенствование нормативно-методической базы профилактических (противоэпидемических) мероприятий на биологически опасном объекте : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2016.

²⁹ Онищенко Г. Г., Топорков В. П., Смоленский В. Ю., Топорков А. В. Современные представления о биологической безопасности: эволюция взглядов, узкий и широкий формат содержания проблемы // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. 2016. № 1. С. 75–80 ; Концептуальные основы биологической безопасности. Ч. 1 / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.]. С. 4–13 ; Биологическая безопасность: анализ современного состояния системы подготовки специалистов в Российской Федерации / О. А. Меринова, А. В. Топорков, Л. К. Меринова [и др.]. С. 87–96.

³⁰ Кархация А. А. Правовые механизмы биобезопасности в условиях цифровизации // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1. С. 119–127.

³¹ Ковтун А. Л., Поклонский Д. Л. Анализ значимости технологий двойного назначения в современном рассмотрении проблем биологической безопасности // Молекулярная медицина. 2012. № 5. С. 17–24.

единстве с другими видами национальной безопасности (экологической³², химической³³), выделять уровни биобезопасности, проводить оценку внешних и внутренних угроз и рисков биобезопасности. В конечном итоге на базе многофакторного разбора данного правового понятия формируются стратегические национальные приоритеты.

Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, в п. 26 хотя и не относит биологическую безопасность к числу самостоятельных направлений развития, но содержит многочисленные ссылки на элементы биологической безопасности:

- в разделах, посвященных задачам сбережения народа России и развития человеческого потенциала (пп. 3–10 п. 33);
- государственной и общественной безопасности (пп. 7, 20 п. 47);
- информационной безопасности (пп. 6–8, 12–13 п. 57);
- экономической безопасности (пп. 11–12 п. 67);
- научно-технического развития (пп. 10–18 п. 76);
- экологической безопасности (пп. 15–16 п. 83);
- стратегической стабильности и взаимовыгодному международному сотрудничеству (пп. 28, 32 п. 101).

Данный документ подчеркивает глубокую внутреннюю взаимосвязь биобезопасности со всеми видами национальной безопасности, что является, на наш взгляд, подтверждением системного подхода, реализуемого законодате-

лем в области внутренней политики государства.

Так что такое биобезопасность с научной точки зрения?

Впервые комплексное исследование понятийного аппарата и основных структурных элементов биологической безопасности проведено коллективом ученых Российского научно-исследовательского противочумного института «Микроб» (г. Саратов) в трилогии статей, посвященных актуальным проблемам биологической безопасности в современных условиях³⁴.

В дальнейшем к вопросу содержания и сущности биобезопасности неоднократно обращались такие исследователи, как Р. Р. Беляетдинов³⁵, С. Н. Орехов, А. Н. Яворский³⁶, А. А. Мохов³⁷.

Несмотря на разноплановость и многоаспектность научных работ в области биобезопасности, стоит согласиться с мнением Н. И. Кузнецовой, утверждающей, что в настоящий момент в научной литературе биологическая безопасность рассматривается довольно бессистемно³⁸, порождая в основном описательные, но не содержательно-системные дефиниции рассматриваемого правового явления.

Полагаем, что на сегодняшний день в научной литературе³⁹ существует только одно содержательно-системное понятие биобезопасности, данное следующим коллективом авторов: Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова, Ю. В. Демин, В. П. Топорков, А. В. Топорков, М. Н. Ляпин, В. В. Кутырев. Объединив опыт в сфере санитарно-эпидемиологической безопасности и микробиологии, коллеги определили биобезопасность как состояние защищенности

³² Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102430636> (дата обращения: 05.05.2002).

³³ Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97.

³⁴ Актуальные проблемы биологической безопасности в современных условиях. Ч. 2 : Понятийная, терминологическая и определительная база биологической безопасности / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.] // Вестник РАМН. 2013. № 11. С. 4–11.

³⁵ Беляетдинов Р. Р. Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ : монография. М. : 4 Принт, 2019.

³⁶ Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 5. С. 60–73.

³⁷ Мохов А. А. Биоэтические принципы и биобезопасность // Медицинское право. 2021. № 4. С. 16–21.

³⁸ Кузнецова Н. И. Биологическая безопасность: теоретические и правовые аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 65–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskaya-bezopasnost-teoreticheskie-i-pravovye-aspekty> (дата обращения: 13.06.2022).

³⁹ Исследовано 187 источников литературы, посвященных изучению понятия и структуры биобезопасности.

населения (личности, общества, государства) от прямого и/или опосредованного через среду обитания (производственная, социально-экономическая, геополитическая инфраструктура, экологическая система) воздействия опасных биологических факторов⁴⁰.

На наш взгляд, суть данного определения можно выразить формулой «защищенность от опасных биологических факторов».

Как такового понятия «опасный биологический фактор» законодательство РФ не содержит. В правосознание опосредованно, через ст. 209 Трудового кодекса РФ внедряются понятия вредного производственного фактора и опасного производственного фактора.

В соответствии с Р 2.2.2006-05 «Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса. Критерии и классификация условий труда»⁴¹ опасные и вредные факторы производственной (рабочей) среды классифицируются по природе их воздействия на физические, химические, биологические и психофизиологические.

Классификация опасных и вредных производственных факторов, обладающих свойствами биологического воздействия на организм человека, предлагается в ст. 7 ГОСТ 12.0.003-2015 «Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Опасные и вредные производственные факторы. Классификация»⁴² (с поправками).

К числу биологических опасных факторов профпатологи относят смешанную органическую пыль, эфирные масла, ароматические соединения растительного происхождения, сапрофитную, условно-патогенную и патогенную микрофлору, возбудителей зооантропонозных инфекций, биологически активные кормовые добавки, продукты микробиотического синтеза.

Несмотря на то что биологический фактор технически входит в понятие «биологический риск», причем это своего рода предмет, которым причиняется вред жизни и здоровью человека и животным и вред растениям, с точки зрения законодателя, изложенной в Федеральном законе от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»,

биологическая угроза — это одновременное существование биориска и биофактора, которое приводит к возникновению масштабных эпидемиологических последствий и превышению допустимого уровня биологического риска. При этом невозможно измерить и определить этот уровень по причине отсутствия шкалы и критериев оценки.

На наш взгляд, понятие биоугрозы крайне неудачно определено законодателем. Дело в том, что само по себе существование биологических факторов и биорисков не ведет к обязательному возникновению локальных или масштабных катастроф. Отсюда попытка некоторых авторов отождествить биологические угрозы и биологические риски через утверждение, что поскольку сама биологическая угроза вне системы национальных интересов — это всего лишь биологическая опасность, то ее следует определить через вид намерения нанести вред государству/обществу с использованием веществ биологической природы (угроза национальной безопасности биологического геноза), т.е. угроза — это то, что требует задействования системы обеспечения национальной безопасности⁴³.

Федеральный закон о биобезопасности (ст. 8) и Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу (ст. 8) выделяют по 11 видов основных биологических угроз.

Перечень, представленный законодателем, не может быть признан исчерпывающим по причине стремительного развития синтетической биологии и генетики, однако он является приемлемым и достаточным на данном этапе социоправового развития науки и законодательства.

Именно этот диапазон биологических угроз попал в поле зрения исследователей, он представлен факторами и процессами, происходящими в природе и обществе, к числу которых относятся:

— естественные природные резервуары патогенных микроорганизмов и некон-

⁴⁰ Актуальные проблемы биологической безопасности в современных условиях. Ч. 2 : Понятийная, терминологическая и определительная база биологической безопасности / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.]. С. 4–11.

⁴¹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200040973> (дата обращения: 14.08.2022).

⁴² URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200136071> (дата обращения: 14.08.2022).

⁴³ Суранова Т. Г., Никифоров В. В. Состояние нормативной правовой базы по классификации биологических угроз // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2016. № 21(4). С. 188–195.

- тролируемое распространение живых микроорганизмов, особенно генетически модифицированных, с неустановленным механизмом;
- влияние на экосистемы;
  - массовые вспышки инфекционных заболеваний (эпидемии, эпизоотии и эпифитотии) естественного происхождения;
  - аварии и диверсии на объектах, где проводятся работы с патогенными микроорганизмами;
  - использование микроорганизмов и экотопогенов в военных и террористических целях, включая диверсии на биологически опасных объектах⁴⁴.

Стоит обратить внимание на то, что в один ряд поставлены как внутренние и внешние угрозы, а также статические явления (наличие природных резервуаров), так и конкретные действия (диверсии). Это говорит о том, что в научно-исследовательском пространстве еще нет готовности к детальному анализу биоугроз как особого правового явления с использованием дедуктивного метода.

Не подвергая в рамках данного исследования критике существующие подходы к классификации и детерминации биоугроз, отметим только, что наличие угрозы еще не приводит к ее реализации.

Полагаем, что некорректно говорить о биологической угрозе уже тогда, когда она реализована (биодиверсия), в этом случае мы имеем дело не с угрозой, а с последствиями. С позиции уголовно-правовой теории это принципиальный момент. Пока угроза не реализована, мы имеем дело с составом опасности, после ее реализации квалификация содеянного при антропогенности угрозы должна идти по деянию и последствиям, например как в случае с террористическим актом (ст. 205 УК РФ).

Иными словами, биологическая угроза — это некое состояние объективной реальности в конкретной геопозиции, в котором в активной фазе находится биологический риск.

Полагаем, что биологическая угроза — это результат трансформации биориска в конкретное фактическое обстоятельство, создающее реальную опасность для жизни и здоровья человека, а также угрозу безопасности общества, государства и человечества.

Следующий немаловажный момент — это то, что искусственная биоугроза всегда напрямую связана с биотехнологией.

Карл Эреки, занимаясь описанием процесса крупномасштабного выращивания свиней с использованием в качестве корма сахарной свеклы, в 1917 г. сформулировал определение биотехнологии как совокупности видов работ, при которых из сырьевых материалов с помощью живых организмов производятся те или иные продукты⁴⁵. К сожалению, эта правильная и точная дефиниция не получила распространения в научном мире, в отличие от определения, данного в 1980 г. Европейской федерацией по биотехнологии.

В фокусе зарубежных ученых и политиков биотехнология понимается как интегрированное применение естественных и инженерных наук для технологического применения живых организмов, тканей, отдельных клеток, их органелл, ферментов, а также их молекулярных аналогов в качестве биокатализаторов для создания полезных продуктов и процессов⁴⁶.

В Российской Федерации благодаря ГОСТ Р 57095-2016 «Биотехнологии. Термины и определения»⁴⁷, введенному 1 мая 2017 г., под биотехнологией понимается применение науки и технологии к живым организмам как к областям, продуктам и моделям с целью преобразовать живые или неживые материалы для производства знания, продукции или услуг соответственно. ГОСТ содержит также определения молекулярной биотехнологии (molecular biotechnology) как раздела биотехнологии, в основе которого лежит перенос единиц наследственности (генов) из одного организма в другой, осуществляемый методами генной инженерии, с целью создания нового продукта

⁴⁴ Современные угрозы и вызовы в области биологической безопасности и стратегия противодействия / Г. Г. Онищенко, А. Ю. Попова, В. П. Топорков [и др.] // Проблемы особо опасных инфекций. 2015. № 3. С. 5–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-ugrozy-i-vyzovy-v-oblasti-biologicheskoy-bezopasnosti-i-strategiya-protivodeystviya> (дата обращения: 14.08.2022).

⁴⁵ Привод. по: Огурцов А. Н. Нанобиотехнология. Основы молекулярной биотехнологии : учеб. пособие. Харьков : ХПИ, 2010. С. 3.

⁴⁶ Подробнее см.: Лобанок А. Биотехнологии — признак современности и прогресса // Наука и инновации. 2006. № 11 (45). С. 25–30.

⁴⁷ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200139551> (дата обращения: 14.08.2022).

или получения уже известного продукта в промышленных масштабах, и нанобиотехнологии (nanobiotechnology) как сочетания методов и объектов нанотехнологии, биотехнологии и биомедицины для решения интегральных научно-технических задач данных направлений с учетом принципов биологической безопасности.

Интересно, что в 2003 г. с легкой руки Риты Колвелл (Dr. R. Colwell), директора Национального американского фонда, получила распространение международная классификация биотехнологии по цветам в соответствии с объектами деятельности. Красный цвет был выбран для обозначения биомедицины, зеленый — сельскохозяйственной биотехнологии, белый — промышленной биотехнологии. В дальнейшем палитра цветов расширилась, и в текущем варианте классификация содержит десять отраслей:

- красная биотехнология (медицинская биотехнология, биофармацевтика);
- белая биотехнология (промышленная биотехнология, биоинженерия, иногда включается также молекулярная и клеточная промышленная биотехнология)⁴⁸;
- зеленая биотехнология (сельскохозяйственная биотехнология, агробиотехнология, иногда включается также экологическая биотехнология, биоэнергетика);
- желтая биотехнология (пищевая биотехнология);
- серая биотехнология (техническая, промышленная биотехнология, процессы ферментации, иногда включается также экологическая биотехнология);
- золотая биотехнология (биоинформатика, нанобиотехнология);
- синяя биотехнология (аквабиотехнология);
- коричневая биотехнология (биотехнология пустынь и засушливых зон);

— фиолетовая (пурпурная) биотехнология (патенты, публикации, открытия, права на интеллектуальную собственность);

— черная биотехнология (биотерроризм, биологическое оружие, биопреступления, противоурожайные действия).

В ракурсе нашего научного внимания находятся полностью красные и черные биотехнологии и частично белая, золотая.

Красные биотехнологии связаны с системой здравоохранения, цифровой геномикой, персонализированной медициной, пренатальной диагностикой (анализ генома) по выявлению опасных заболеваний, биомедициной, биоинженерией, биофармацевтикой, синтетической биологией⁴⁹, клеточными биомедицинскими технологиями, биоинформатикой, развитием банков биологических образцов, а также конвергентными NBIC-технологиями и т.д.

Большинство красных технологий могут легко перейти в черные. Интересно, что большинство ученых называют их красно-черными, технологиями двойного назначения.

Современные биотехнологии существенным образом влияют на экономику, общество, общественные отношения⁵⁰, их стабильность, что также не может не учитываться политиками и законодателем. В связи с изложенным нельзя не обращать внимания и на проблему обеспечения биологической безопасности при работе с синтетическим геномом⁵¹, технологией CRISPR, созданием «генетической прививки»⁵².

По мнению Н. Г. Жаворонковой и В. Б. Агафонова, биологическая безопасность призвана обеспечить не только общественную безопасность, но и защиту генетической информации (генофонда), защиту биологических систем, сохранение живыми организмами (человеком, животными, растениями) своей биологической сущности, биологических качеств, предотвращение потери биологической ценности и др.⁵³

⁴⁸ Карцхия А. А. Правовое регулирование и возможности современных биотехнологий // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 8. С. 33–46.

⁴⁹ Трофимов Н. А., Пипия Л. К. Синтетическая биология. Применение и угрозы // Наука за рубежом. 2014. № 36. С. 1–19.

⁵⁰ Олескин А. В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политические и практические аспекты. М.: Научный мир, 2007. С. 15, 24.

⁵¹ Мохов В. В. «Синтетический» геном и получаемые с его использованием продукты как новые объекты правоотношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 5. С. 51–59.

⁵² Гнатик Е. Н. Генная инженерия и биологическая безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2004. № 2. С. 79–88.

⁵³ Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биосферной и генетической безопасности в системе национальной безопас-

Интересно, что авторы максимально приближают понятие «биобезопасность» к понятию «генетическая безопасность», понимая под последней защиту генетической информации (генофонда) и механизмов ее реализации от внешних воздействий, а также защиту биологических систем⁵⁴.

На наш взгляд, понятие «генетическая безопасность» имеет право на существование. Например, М. Самервилл осуждает использование генетических технологий, направленных на создание «дизайнерских» детей, полагая, что они разрушают основу человечности⁵⁵. Майкл Цуккарро и Дитер Эгли утверждают, что легендарная система редактирования генома CRISPR/Cas9 не готова к клиническому использованию для коррекции мутаций на ранней стадии эмбрионального развития человека⁵⁶.

Вместе с тем генетическую безопасность необходимо рассматривать исключительно как составную часть биологической безопасности.

В Федеральной научно-технической программе развития генетических технологий на 2019–2027 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 22.04.2019 № 479⁵⁷, обращается внимание на риски для государства: «Недостаточный уровень развития генетических технологий в Российской Федерации повышает технологические риски для национальной и биологической безопасности, увеличивает отставание от крупнейших экономик мира и не обеспечивает требуемую конкурентоспособность соответствующей российской продукции на мировых рынках, а также сказывается на качестве жизни населения».

Президент РФ 17 ноября 2021 г. утвердил Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития генетических технологий в Российской Федерации⁵⁸, среди которых внесение в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на продление до 2030 г. срока реализации Федеральной на-

учно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы и уточнение (с учетом результатов ее реализации) мероприятий, предусмотренных указанной программой, целевых индикаторов и показателей таких мероприятий, а также объема их ресурсного обеспечения.

Согласно ст. 13 Основ государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, к числу первоочередных задач отнесены:

- развитие и внедрение генетической паспортизации;
- создание структуры биобанкинга;
- укрепление «санитарного щита» страны;
- предупреждение разработки и применения биооружия и т.д.

Таким образом, отмечая положительную динамику развития биобезопасности как одного из направлений национальной политики, следует все же констатировать явные законодательные и методологические пробелы:

1. Биоугроза — это результат трансформации биориска в конкретное фактическое обстоятельство, создающее реальную опасность для жизни и здоровья человека, а также общества, государства и человечества. Следует разработать классификацию и критерии оценки биологических угроз.

2. Отсутствует понятие биотехнологий, их видов и классификации через призму биобезопасности.

3. Генетическая безопасность — это самостоятельная составная часть биологической безопасности. Следует разработать понятие «генетическая безопасность».

4. Биобезопасность — это самостоятельный вектор национальной политики государства, направленный на эффективное предотвращение

ности Российской Федерации // Lex russica. 2019. № 9 (154). С. 96–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-problemy-pravovogo-obespecheniya-ekologicheskoi-biosfernoi-i-geneticheskoi-bezopasnosti-v-sisteme> (дата обращения: 13.06.2022).

⁵⁴ Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Указ соч.

⁵⁵ Somerville M. Children's human rights to natural biological origins and family structure // International Journal of the Family Law. 2010. № 35. Vol. 1. P. 39.

⁵⁶ Салькова А. Потеря хромосом: редактирование генома методом CRISPR оказалось опасным // Газета. ru. 30 окт. 2020 г. URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/10/30_a_13339825.shtml (дата обращения: 19.06.2022).

⁵⁷ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2022).

⁵⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/67630> (дата обращения: 19.06.2022).

биологических угроз, а также развитие биотехнологий без риска для жизни и здоровья людей путем создания качественной законодательной базы, адекватного уровня правоприменения, формирования правосознания и правовой культуры населения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы биологической безопасности в современных условиях. Ч. 2 : Понятийная, терминологическая и определительная база биологической безопасности / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.] // Вестник РАМН. — 2013. — № 11. — С. 4–11.
2. Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С., Юдин А. В. Юридическая категория «безопасность» в публичном и частном праве // Безопасность бизнеса. — 2021. — № 6. — С. 9–14.
3. Белозёров В. К. Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2021. — № 2 (843). — С. 20–35.
4. Беялетдинов Р. Р. Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ : монография. — М. : 4 Принт, 2019. — 212 с.
5. Биологическая безопасность: анализ современного состояния системы подготовки специалистов в Российской Федерации / О. А. Меринова, А. В. Топорков, Л. К. Меринова [и др.] // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. — 2018. — № 3. — С. 87–96.
6. Биологическая безопасность (биологическое оружие и биотерроризм) : пособие / сост. А. В. Страков, А. В. Стровойт, К. Н. Гончаров. — СПб. : РИНЦ ПСПбГМУ, 2018. — 68 с.
7. Гарина О. В. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «национальная безопасность» российского государства // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 1. — С. 85–86.
8. Гнатик Е. Н. Генная инженерия и биологическая безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2004. — № 2. — С. 79–88.
9. Гончаров И. В. О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность», «конституционная безопасность» // Актуальные проблемы российского права. — 2009. — № 1. — С. 116–122.
10. Ёлкин С. В., Ёлкин С. С., Клышинский Э. С., Кузин А. А. О необходимости создания моделей бионических нейронных сетей // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. — 2009. — № 12. — С. 101–109.
11. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биосферной и генетической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Lex russica. — 2019. — № 9 (154). — С. 96–109.
12. Завриев С., Колесников А. Риски и угрозы в сфере биобезопасности: анализ проблем и поиск решений в современных условиях // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 9. — С. 57–68.
13. Завриев С., Шемякин И. Синтетическая биология — современные вызовы и проблемы биобезопасности // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 12. — С. 77–83.
14. Кархация А. А. Правовые механизмы биобезопасности в условиях цифровизации // Социальные новации и социальные науки. — 2020. — № 1. — С. 119–127.
15. Ковтун А. Л., Поклонский Д. Л. Анализ значимости технологий двойного назначения в современном рассмотрении проблем биологической безопасности // Молекулярная медицина. — 2012. — № 5. — С. 17–24.
16. Концептуальные основы биологической безопасности. Ч. 1 / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.] // Вестник РАМН. — 2013. — № 10. — С. 4–13.
17. Концептуальные основы биологической безопасности. Ч. 3 : Научное обеспечение национального нормирования широкого формата биологической безопасности / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.] // Вестник РАМН. — 2014. — № 11–12. — С. 118–127.
18. Кузнецова Н. И. Биологическая безопасность: теоретические и правовые аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2021. — № 3 (58). — С. 65–73.
19. Лобанок А. Биотехнологии — признак современности и прогресса // Наука и инновации. — 2006. — № 11 (45). — С. 25–30.

20. Ляпин М. Н. Научное обоснование и совершенствование нормативно-методической базы профилактических (противоэпидемических) мероприятий на биологически опасном объекте : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. — М., 2016. — 22 с.
21. Мохов А. А. Биоэтические принципы и биобезопасность // Медицинское право. — 2021. — № 4. — С. 16–21.
22. Мохов В. В. «Синтетический» геном и получаемые с его использованием продукты как новые объекты правоотношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 5. — С. 51–59.
23. Наделяева И. И. Перспективы развития биобанков и генетических исследований // Ремедиум. — 2020. — № 4. — С. 6–15.
24. Нетесов С., Завриев С. Новые международные инициативы в области биобезопасности // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 3. — С. 39–44.
25. Огурцов А. Н. Нанобиотехнология. Основы молекулярной биотехнологии : учеб. пособие. — Харьков : ХПИ, 2010. — 384 с.
26. Олескин А. В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политические и практические аспекты. — М. : Научный мир, 2007. — 504 с.
27. Онищенко Г. Г., Топорков В. П., Смоленский В. Ю., Топорков А. В. Современные представления о биологической безопасности: эволюция взглядов, узкий и широкий формат содержания проблемы // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. — 2016. — № 1. — С. 75–80.
28. Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 5. — С. 60–73.
29. Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Арбатова ; Московский центр Карнеги. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 108 с.
30. Русанова Н. Е. «Репродуктивный туризм» в России: возможности и проблемы // Сервис plus. — 2009. — № 3. — С. 83–86.
31. Степанов А. В. Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2015. — № 2. — С. 8–17.
32. Суранова Т. Г., Никифоров В. В. Состояние нормативной правовой базы по классификации биологических угроз // Эпидемиология и инфекционные болезни. — 2016. — № 21(4). — С. 188–195.
33. Тисленко Д. И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. — Тамбов, 2011. — 250 с.
34. Трофимов Н. А., Пипия Л. К. Синтетическая биология. Применение и угрозы // Наука за рубежом. — 2014. — № 36. — С. 1–19.
35. Somerville M. Children's human rights to natural biological origins and family structure // International Journal of the Family Law. — 2010. — № 35. — Vol. 1. — P. 35–53.

Материал поступил в редакцию 14 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Bezverkhov AG, Norvartyan YuS, Yudin AA. yuridicheskaya kategoriya «bezopasnost» v publicnom i chastnom prave [The «security» legal category in public and private law]. *Business Security*. 2021;6:9-14. (In Russ.).
2. BelozeroV VK. novaya strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: ot obreteniya smyslov k realizatsii [The New National Security strategy of the Russian Federation: from gaining meanings to implementation]. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2021;2(843). (In Russ.).
3. Belyaletdinov RR. riski sovremennykh biotekhnologiy: sotsiogumanitarnyy analiz [Risks of modern biotechnologies: socio-humanitarian analysis]. Moscow: 4 Print Publ.; 2019. (In Russ.).
4. Strakov AV, Strovoit AV, Goncharov KKh (eds.). Biologicheskaya besopasnost (biologicheskoe oruzhie i bioterrorizm) [Biological safety. A Manual]. St. Petersburg: RSC PSPbSMU Publ.; 2018. (In Russ.).
5. Garina OV. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy «bezopasnost» i «natsionalnaya bezopasnost» rossiyskogo gosudarstva [To the question of the notions «security» and «national security» the Russian state]. *Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;1.

6. Gnatik EN. Gennaya inzheneriya i biologicheskaya bezopasnost [Genetic engineering and biological safety]. *RUDN Journal of Law*. 2004;2:79-88. (In Russ.).
7. Goncharov IA. O sootnoshenii ponyatiy «natsionalnaya bezopasnost», «gosudarstvennaya bezopasnost», «konstitutsionnaya bezopasnost» [On the correlation of the concepts of «national security», «state security», «constitutional security»]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2009;1:116-122. (In Russ.).
8. Elkin SV, Elkin SS, Klyshinsky ES, Kuzin A. O neobkhodimosti sozdaniya modeley bionicheskikh neyronnykh setey [The need to create models of bionic neural networks]. *New Information Technologies in Automated Systems*. 2009;12:101-109. (In Russ.).
9. Zhavoronkova NG, Agafonov VB. Teoretiko-metodologicheskie problemy pravovogo obespecheniya ekologicheskoy, biosfernoy i geneticheskoy bezopasnosti v sisteme natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Theoretical and methodological problems of legal support of ecological, biosphere and genetic safety in the system of national security of the Russian Federation]. *Lex russica*. 2019;9(154). (In Russ.).
10. Zavriev S, Kolesnikov A. Riski i ugrozy v sfere biobezopasnosti: analiz problem i poisk resheniy v sovremennykh usloviyakh [Risks and threats in biosecurity area: problem analysis and search for optimal solutions in contemporary conditions]. *World Economy and International Relations*. 2015;9.
11. Zavriev S, Shemyakin I. Sinteticheskaya biologiya — sovremennyye vyzovy i problemy biobezopasnosti [Synthetic biology: modern challenges and problems of biosafety]. *World Economy and International Relations*. 2019;63:12. (In Russ.).
12. Karkhatsia A. Pravovye mekhanizmy biobezopasnosti v usloviyakh tsifrovizatsii [Legal mechanisms of biosafety in the conditions of digitalization]. *Social Novelties and Social Sciences*. 2020;1. (In Russ.).
13. Kovtun AL, Poklonskiy DL. Analiz znachimosti tekhnologiy dvoynogo naznacheniya v sovremennom rassmotrenii problem biologicheskoy bezopasnosti [Analysis of the value of dual use technologies in modern consideration of biological safety problems]. *Molecular Medicine*. 2012;5. (In Russ.).
14. Besedkina NI. Biologicheskaya bezopasnost: teoreticheskie i pravovye aspekty [Biological safety: theoretical and legal aspects]. *Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 2021;3(58). (In Russ.).
15. Lobanok A. Biotekhnologii — priznak sovremennosti i progressa [Biotechnologies are a sign of modernity and progress]. *Science and Innovations*. 2006;11(45):25-30. (In Russ.).
16. Lyapin MN. Nauchnoe obosnovanie i sovershenstvovanie normativno-metodicheskoy bazy profilakticheskikh (protivoepidemicheskikh) meropriyatiy na biologicheski opasnom obekte: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk [Scientific substantiation and improvement of the regulatory and methodological base of preventive (antiepidermic) measures at a biologically dangerous object: Author's Abstract]. Moscow; 2016. (In Russ.).
17. Merinova OA, Toporkov AV, Merinova LK, Antonova EV, Viktorov DV. Biologicheskaya bezopasnost: analiz sovremennogo sostoyaniya sistemy podgotovki spetsialistov v Rossiyskoy Federatsii [Biological safety: analysis the contemporary state of the system of training specialists in Russian Federation]. *Journal of Microbiology, Epidemiology and Immunobiology*. 2018;3. (In Russ.).
18. Mokhov AA. Bioeticheskie printsipy i biobezopasnost [Bioethical Principles and Biosafety]. *Medical Law*. 2021;4. (In Russ.).
19. Mokhov AA. «Sinteticheskii» genom i poluchaemye s ego ispolzovaniem produkty kak novyye obekty pravootnosheniy [«Synthetic» genom and products resultant using it as new objects of legal relations]. *Carrier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020;5. (In Russ.).
20. Nadelyaeva II. Perspektivy razvitiya biobankov i geneticheskikh issledovaniy [Prospects for further development of biobanks and genetic research: ethical implications]. *Remedium*. 2020;4. (In Russ.).
21. Ogurtsov AN (ed.). Nanobiotekhnologiya. Osnovy molekulyarnoy biotekhnologii [Nanobiotechnology. Fundamentals of molecular Biotechnology]. Kharkiv: KhPI Publ.; 2010. (In Russ.).
22. Netesov S, Zavriev S. Novyye mezhdunarodnyye initsiativy v oblasti biobezopasnosti [New international initiatives in the field of biosafety]. *World Economy and International Relations*. 2013;3. (In Russ.).
23. Oleskin AA. Biopolitika. Politicheskii potentsial sovremennoy biologii: filosofskie, politicheskie i prakticheskie aspekty [Biopolitics. The political potential of modern biology: philosophical, political and practical aspects]. Moscow: Nauchnyi mir Publ.; 2007. (In Russ.).
24. Onishchenko GG, Smolenskiy VYu, Yezhlova EB, Demina YuV, Toporkov VP, Toporkov AV, Lyapin MN, Kuttyrev VA. Kontseptualnyy osnovy biologicheskoy bezopasnosti. Chast 3. Nauchnoe obespechenie natsionalnogo normirovaniya shirokogo formata biologicheskoy bezopasnosti [Conceptual Bases of Biological Safety. Part 1]. *Annals of the Russian Academy of Medical Sciences*.

25. Onishchenko GG, Smolensky VYu, Yezhlova EB, Demina YuV, Toporkov VP, Toporkov AV, Lyapin MN, Kuttyrev VA. Aktualnye problemy biologicheskoy bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh. Ch. 2: Ponyatiynaya, terminologicheskaya i opredelitel'naya baza biologicheskoy bezopasnosti [Topical issues of biological safety under current conditions. Part 2. Conceptual, terminological, and definitive framework of biological safety]. *Annals of the Russian Academy of Medical Sciences*. 2013;11. (In Russ.).
26. Onishchenko GG, Smolensky VYu, Yezhlova EB, Demina YuV, Toporkov VP, Toporkov AV, Lyapin MN, Kuttyrev VA. Kontseptualnyy osnovy biologicheskoy bezopasnosti. Chast 3. Nauchnoe obespechenie natsionalnogo normirovaniya shirokogo formata biologicheskoy bezopasnosti [Conceptual Bases of Biological Safety. Part 3: Scientific provision for the national regulation of the biological safety framework in its broad interpretation]. *Annals of the Russian Academy of Medical Sciences*. 2014;11-2. (In Russ.).
27. Onishchenko GV, Toporkov VG, Smolensky VYu, Toporkov AA. Nauchnoe obespechenie natsionalnogo normirovaniya shirokogo formata biologicheskoy bezopasnosti [Modern ideas about biological safety: evolution of views, broad and narrow understanding of the problem]. *Infectious Diseases: News, Opinions, Training*. 2016;1. (In Russ.).
28. Orekhov SN, Yavorsky AN. Biologicheskies ugrozy i biologicheskaya bezopasnost [Biological threats and biological safety]. *Currier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020;5. (In Russ.).
29. Arbatov A (ed.). Protivodeystvie bioterrorizmu: politicheskie, tekhnicheskies i pravovye aspekty [Countering bioterrorism: political, technical and legal aspects]. Moscow. Carnegie Center. Moscow: Russian Political Encyclopedia (Rosspen); 2008. (In Russ.).
30. Rusanova NE. «Reproduktivnyy turizm» v Rossii: vozmozhnosti i problemy [«Reproductive tourism» in Russia: opportunities and challenges]. *Servis +*. 2009;3. (In Russ.).
31. Trofimov NA, Pipiya LK. Sinteticheskaya biologiya. Primenenie i ugrozy [Synthetic biology. Application and threats]. *Science Abroad*. 2014;36. (In Russ.).
32. Stepanov AA. Ponyatie kategorii «natsionalnaya bezopasnost»: teoretiko-pravovoy analiz [Concept of the category of «national security»: theoretical and legal analysis]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2015;2. (In Russ.).
33. Suranova TG, Nikiforov VA. Sostoyanie normativnoy pravovoy bazy po klassifikatsii biologicheskikh ugroz [The state of regulatory legal framework for the classification of biological threats]. *Epidemiology and Infectious Diseases*. 2016;21(4). (In Russ.).
34. Tislenko DI. Ekologicheskyy terrorizm: ugovolno-pravovye i kriminologicheskies problemy: dis. ... kand. yurid. nauk [Ecological terrorism: criminal-legal and criminological problems: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Tambov; 2011. (In Russ.).
35. Somervill M. Childrens human rights to natural biological origins and family structure. *International Journal of the Family Law*. 2010;35(1).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.068-081

В. В. Гошуляк*,
Г. В. Синцов**

Свобода мирных собраний в оценках и выводах Венецианской комиссии и российское законодательство

Аннотация. Статья посвящена учету в российском конституционном законодательстве правовых позиций Европейской комиссии «За демократию через право» (Венецианской комиссии) в сфере свободы мирных собраний. Свобода мирных собраний тесно связана с политической борьбой, взаимоотношениями гражданского общества с властью, она закрепляется на конституционном уровне и поэтому является чувствительной темой в правоприменительной практике и актуальной в специальных научных исследованиях, которых в российской и зарубежной науке конституционного права на сегодня имеется незначительное количество. Поэтому настоящая статья применительно к Российской Федерации ставит своей целью восполнить данный пробел. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа Руководящих принципов Венецианской комиссии по закреплению свободы мирных собраний в законодательстве европейских государств. Автором использовались следующие методы исследования: сравнительно-правовой, логический, институциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой.

В статье исследованы правовые принципы Венецианской комиссии по свободе мирных собраний и степень их учета в конституционном законодательстве Российской Федерации. Сделан вывод об узком понимании свободы мирных собраний, отраженном в формулировке «право собираться мирно, без оружия». В этой связи федеральный закон о собраниях посвящен не столько свободе мирных собраний, сколько праву собираться мирно, которое может быть ограничено государством в большей степени, чем свобода мирных собраний. Это создало основу для позитивистского регулирования свободы мирных собраний с широкими полномочиями органов публичной власти и возможностью ограничения права собираться мирно, без оружия, в то время как государство, по мнению Венецианской комиссии, должно создавать адекватные механизмы и процедуры для обеспечения того, чтобы свобода мирных собраний не подвергалась чрезмерному бюрократическому регулированию.

Конституционный Суд РФ в значительной степени корректировал российское законодательство о публичных мероприятиях, приближая его к правовым позициям, выработанным Венецианской комиссией.

Ключевые слова: Европейская комиссия «За демократию через право»; Венецианская комиссия; свобода мирных собраний; международные стандарты; общественные объединения; право на свободу мирных собраний; право собираться мирно, без оружия; презумпции в пользу проведения мирных собраний; принципы свободы мирных собраний; законность; соразмерность; недискриминация; надлежащее управление; ответственность регулирующих органов.

Для цитирования: Гошуляк В. В., Синцов Г. В. Свобода мирных собраний в оценках и выводах Венецианской комиссии и российское законодательство // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 68–81. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.068-081.

© Гошуляк В. В., Синцов Г. В., 2022

* Гошуляк Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор юридического института Пензенского государственного университета
Красная ул., д. 40, г. Пенза, Россия, 440026
vvgoshulyak@rambler.ru

** Синцов Глеб Владимирович, доктор юридических наук, профессор, проректор по международной деятельности Пензенского государственного университета
Красная ул., д. 40, г. Пенза, Россия, 440026
int_affairs@pnzgu.ru

Freedom of Assembly in Opinions and Reports of Venice Commission and Russian Legislation

Vitaliy V. Goshulyak, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Law Institute, Penza State University
ul. Krasnaya, d. 40, Penza, Russia, 440026
vvgoshulyak@rambler.ru

Gleb V. Sintsov, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for International Affairs, Penza State University
ul. Krasnaya, d. 40, Penza, Russia, 440026
int_affairs@pnzgu.ru

Abstract. The paper is devoted to the consideration in the Russian constitutional legislation of the legal stances of the European Commission for Democracy through Law» (Venice Commission) in the field of freedom of peaceful assembly. Freedom of peaceful assembly is closely associated with political struggle, relationship between civil society and the authorities. It is fixed at the constitutional level and therefore is a sensitive topic in law enforcement practice and relevant in special scientific research, of which there are currently a small number in Russian and foreign science of constitutional law. Therefore, this article, as applied to the Russian Federation, aims to complete this gap.

The implementation of the research tasks was achieved on the basis of the analysis of the Guidelines of the Venice Commission on Consolidation of Freedom of Peaceful Assembly in the legislation of European states. The author used the following research methods: comparative legal, logical, institutional, formal legal, comparative legal.

The paper examines the legal principles of the Venice Commission on Freedom of Peaceful Assembly and the extent to which they are taken into account in the constitutional legislation of the Russian Federation. The conclusion is made about the narrow understanding of freedom of peaceful assembly reflected in the wording «the right to assemble peacefully without weapons». In this regard, the Federal Law on Assemblies is devoted not to freedom of peaceful assembly but to the right to assemble peacefully, which may be restricted by the State to a greater extent than freedom of peaceful assembly. This created the basis for a positivist regulation of freedom of peaceful assembly with broad powers of public authorities and the possibility of restricting the right to assemble peacefully, without weapons, while, according to the Venice Commission, the State should create adequate mechanisms and procedures to ensure that freedom of peaceful assembly is not subjected to excessive bureaucratic regulation.

The Constitutional Court of the Russian Federation has largely adjusted Russian legislation on public events, bringing it closer to the legal standings developed by the Venice Commission.

Keywords: European Commission for Democracy through Law; Venice Commission; freedom of peaceful assembly; international standards; public associations; right to freedom of peaceful assembly; right to assemble peacefully, without weapons; presumptions in favor of peaceful assembly; principles of freedom of peaceful assembly; legality; proportionality; non-discrimination; good governance; responsibility regulatory authorities.

Cite as: Goshulyak VV, Sintsov GV. Svoboda mirnykh sobraniy v otsenkakh i vyvodakh Venetsianskoy komissii i rossiyskoe zakonodatelstvo [Freedom of Assembly in Opinions and Reports of Venice Commission and Russian Legislation]. *Lex russica*. 2022;75(10):68-81. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.068-081. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования в Российской Федерации приобрело конституционный статус и закреплено в данной формулировке в ст. 31 Конституции РФ, в то время как во многих других странах для закрепления этого права используются термины «свобода мирных собраний» или «свобода публичных мероприятий».

Системный анализ правовых норм позволяет говорить о том, что право на мирные собрания (или свобода мирных собраний) установлено на конституционном уровне, гарантируется государством и берет свое начало в либеральной естественно-правовой доктрине прав человека. Следовательно, указанное право является высшей социальной ценностью как для человека, так и для государства.

Учитывая социально-правовую ценность свободы мирных собраний, различные подходы

к ее закреплению в конституциях государств, Европейская комиссия «За демократию через право» (Венецианская комиссия) разработала Руководящие указания о свободе мирных собраний, которые носят рекомендательный характер для государств-участников¹. Их значимость для юридической науки и законодательства состоит в том, что в них заложена правовая доктрина свободы мирных собраний, которая носит рамочный характер для государств, входящих в Совет Европы. Другими словами, Руководящие указания установили тот минимальный порог для национальных властей, которым они должны руководствоваться при правовом регулировании свободы мирных собраний. При этом под собраниями понимается «преднамеренное и временное присутствие ряда лиц в общественном месте с общей выразительной целью. Собрание должно считаться мирным, если его организаторы заявили о мирных намерениях и проведение собрания является ненасильственным».

Венецианская комиссия при разработке своих Руководящих указаний не только исходит из жесткого законодательства — Европейской конвенции по правам человека, но и выходит за его рамки. Ее цель состоит «в выявлении наилучшей практики путем сопоставления сводов правил и концепций, действующих в различных государствах-членах, а также в разработке стандартов на основе сравнительного анализа. Эти стандарты призваны служить руководством в деле развития верховенства права и демократии как для собственной работы Венецианской комиссии, так и для практического применения государствами»².

В части, касающейся мирных собраний, Венецианская комиссия отметила, что подходы к правовому регулированию свободы мирных собраний на пространстве ОБСЕ сильно различаются: «от принятия единого сводного закона до включения положений, касающихся мирных собраний, во множество различных законов (включая законы, регулирующие полномочия правоохранительных органов, уголовных и административных органов, кодексы, законы о борьбе с терроризмом и законы о выборах)». Комиссия, признавая эти различия, не пыталась предложить готовые решения или проект какого-то закона для всех государств — членов Совета Европы, а обратила внимание только на ключевые вопросы свободы мирных собраний, накопившиеся проблемы в их правовом регулировании и возможные пути их решения.

Принятие Венецианской комиссией Руководящих указаний о свободе мирных собраний повысило интерес исследователей к этой теме. До этого времени указанное право практически не подвергалось исследованию в российской юридической науке. Оно упоминалось, главным образом, в учебной литературе и многочисленных комментариях к Конституции РФ. В последние годы тематика научных исследований в отношении права граждан на проведение публичных мероприятий значительно расширилась и вышла за пределы только конституционного права³. Этому способствовала в том числе и разработка Венецианской комиссией доктринальных основ свободы мирных собраний.

В зарубежной юридической науке также отмечается недостаточная изученность конституционной свободы мирных собраний. Так,

¹ European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission) OSCE/ODIHR — Venice Commission Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly (2nd edition) / Prepared by the OSCE/ODIHR Panel on Freedom of Assembly and by the Venice Commissionю Adopted by the Venice Commission at its 83rd Plenary Session. Venice, 4 June 2010.

² Hoffmann-Riem W. The Venice Commission of the European Council — Standards and Impact // The European Journal of International Law 2014. Vol. 25. № 2. P. 580.

³ Яковенко М. А. Конституционное право граждан Российской Федерации на проведение публичных мероприятий: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 ; Храмова Т. М. Ограничения конституционной свободы собраний: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015 ; Вдовиченко К. Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015 ; Березин А. А. Административно-правовое противодействие нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015 ; Саленко А. В. Конституционно-правовое значение свободы мирных собраний: доктринальные и судебные подходы в России и Германии // Российский юридический журнал. 2019. № 5 (128). С. 9–17.

например, в Канаде это наименее изученная свобода в судебном порядке⁴.

Основная часть

Свобода мирных собраний провозглашена во всех международных правовых актах о правах и свободах человека и гражданина. Так, Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 провозгласила, что «каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций. В основе этого права лежит другое тесно связанное с ним право — право на свободу убеждений и свободное выражение их»⁵. Поэтому «свобода мирных собраний является естественным продолжением свободы выражения мнения, одним из ее главных средств»⁶.

В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 свобода мирных собраний сопряжена со свободой объединения, включая «право на создание профессиональных союзов и вступление в таковые для защиты своих интересов». Пользование этими правами в соответствии со ст. 12 Конвенции «не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует установлению законных ограничений пользования этими правами для лиц, входящих в состав вооруженных сил, правоохранительных или административных органов государства»⁷.

Аналогичные нормы содержатся в ст. 21 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 и в ст. 12 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26.05.1995.

Краткий обзор международных правовых актов о правах и свободах человека и гражданина показывает, что свобода мирных собра-

ний является важнейшим, основополагающим правом человека и как общепризнанный принцип и норма международного права в соответствии со ст. 17 Конституции РФ признается в Российской Федерации и является частью ее правовой системы. Этот вывод нашел свое отражение в Руководящих принципах Венецианской комиссии, где отмечается, что «свобода мирных собраний является одним из основных прав человека, которым могут пользоваться отдельные лица или группы, незарегистрированные ассоциации, юридические лица».

В Российской Федерации свобода мирных собраний закреплена в Конституции РФ и конкретизирована в Федеральном законе от 19.06.2004 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁸. Следовательно, юридическая природа свободы мирных собраний состоит в закреплении ее в международных правовых актах, Конституции РФ, указанном Федеральном законе и других нормативных правовых актах.

Федеральный закон о собраниях установил, что «законодательство Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях основывается на положениях Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации и включает в себя настоящий Федеральный закон и иные законодательные акты Российской Федерации, относящиеся к обеспечению права на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований».

Венецианская комиссия выдвинула требования к национальному законодательству о свободе мирных собраний: «совместимость с международными стандартами в сфере прав человека; точность в формулировках; возможность определения свободы усмотрения, предоставляемой властям; возможность оценки человеком правомерного поведения при проведении массовых мероприятий и возможных последствий любых нарушений».

Свобода мирных собраний относится к основополагающим правам человека, так как явля-

⁴ Basil S. Alexander. Exploring a More Independent Freedom in Peaceful Assembly in Canada // Western Journal of Legal Studies. 2018. V. 8.

⁵ Международные акты о правах человека / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 1998. С. 39.

⁶ Костылева Е. Д. Соотношение позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по защите личных и политических прав // Современный юрист. 2019. № 4. С. 80–95.

⁷ Международные акты о правах человека. С. 539.

⁸ СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

ется основой непосредственной демократии. С ее помощью граждане доносят до органов публичной власти свои взгляды на те или иные политические вопросы и на перспективы развития страны. Это особенно важно в периоды так называемого затишья между выборами, когда расстановка политических сил в государстве изменилась и прежние власти уже не отражают весь спектр политических взглядов и настроений общества, существующих на данном этапе.

Исходя из высокого конституционного значения свободы мирных собраний, при формировании текущего законодательства необходимо учитывать ее фундаментальный характер. «По сути, как отмечается в научной литературе, данная конституционная свобода представляет коллективную форму реализации свободы мысли, слова и мнения, которые принадлежат каждому вне зависимости от возраста»⁹.

В Конституции РФ и федеральном законодательстве свобода мирных собраний отражена в формулировке «право собираться мирно, без оружия». Этим федеральный законодатель сузил свободу мирных собраний, заменив ее «правом собираться мирно». В этой связи Федеральный закон о собраниях посвящен не столько свободе мирных собраний, сколько праву собираться мирно, которое может быть ограничено государством в большей степени, чем свобода мирных собраний. Следовательно, «право на свободу мирных собраний существенно шире и значимее права собираться мирно»¹⁰.

Свобода собраний является конституционным коллективным правом, которое тесно связано с другими конституционными правами и имеет двойственную природу. С одной стороны, это право на совместное выражение взглядов, мнений и убеждений, а с другой — данное право представляет собой элемент непосредственной демократии, через которую граждане имеют возможность влиять на публичную власть и участвовать в управлении государством, решая отдельные вопросы государственной и общественной жизни.

Мирные собрания, как отмечается в Руководящих принципах Венецианской комиссии, могут служить многим целям, включая выраже-

ние различных, в том числе непопулярных, мнений или мнений меньшинства. В этих условиях защита мирных собраний со стороны государства «имеет решающее значение для формирования терпимого плюралистического общества, в котором группы с различными верованиями, практиками или политикой могут сосуществовать вместе».

Развивая эту правовую позицию Венецианской комиссии, Конституционный Суд РФ прямо указал, что свобода мирных собраний «обеспечивает гражданам реальную возможность через проведение публичных мероприятий... оказывать влияние на деятельность органов публичной власти посредством поддержания цивилизованного мирного диалога между гражданским обществом и государством. Это не исключает протестного характера таких публичных мероприятий, который может выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом»¹¹.

Венецианская комиссия разработала правовые принципы обеспечения свободы мирных собраний, а именно: принцип презумпции в пользу проведения собрания, принцип законности собрания, принцип соразмерности в проведении собрания, принцип недискриминации, надлежащее управление в проведении собрания, принцип ответственности регулирующего органа.

Принцип презумпции в пользу проведения собраний предполагает проведение мирных собраний без каких-либо ограничений. Здесь имеется в виду правовая аксиома: все, что не запрещено законом, дозволено, а значит, не требует получения разрешения от органов государственной власти или органов местного самоуправления. Свобода мирных собраний не должна подвергаться чрезмерному бюрократическому регулированию. Государство в соответствии с данным принципом должно содействовать проведению мирных собраний и иных публичных мероприятий в установленном организатором или органом публичной власти месте.

Принцип законности означает, что мирные собрания должны проводиться только на ос-

⁹ Саленко А. В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 118–127.

¹⁰ Самбор Н. А. Административно-правовые аспекты права на свободу мирных собраний в Российской Федерации и ее судебная защита // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 47–54.

¹¹ СЗ РФ. 2019. № 25. Ст. 3316.

нове закона и ограничения на их проведение могут применяться только на основе закона, соответствующего международным правовым актам.

Принцип соразмерности предполагает неизменность характера проводимого публичного мероприятия. Любые ограничения не должны быть чрезмерными.

Принцип недискриминации означает равенство для всех участников публичного мероприятия как со стороны государственных органов, так и со стороны организаторов и участников публичного мероприятия. Государство не должно дискриминировать организаторов и участников мирного собрания по какому-либо признаку.

Под надлежащим управлением публичным мероприятием понимается информирование общественности о принятии решения органом публичной власти в отношении проведения мирного собрания, об устных и письменных возражениях и замечаниях организатора публичного мероприятия регулирующему органу.

Принцип ответственности регулирующего органа предполагает возможность привлечения регулирующего органа к ответственности «за любые нарушения с его стороны, согласно принципам административного права или судебного надзора в отношении злоупотребления государственной властью».

Федеральный закон о собраниях не установил в таком объеме принципы свободы мирных собраний. В статье 3 Закона закреплены только принципы законности и добровольности участия граждан в публичном мероприятии. Здесь следует учесть тот факт, что указанный Федеральный закон был принят до выхода Руководящих указаний Венецианской комиссии.

В Российской Федерации опыт правового регулирования проведения мирных собраний весьма незначителен. Принятые до вступления в законную силу Федерального закона о собраниях советские нормативные правовые акты преследовали иные цели. Они, как отмечается в научной литературе, «выступали средством мобилизации граждан на мероприятия, де-юре и де-факто проводимые публичной властью. Проведение акций несогласия с властью не предпо-

лагалось»¹². Первым нормативным актом СССР, регулирующим свободу публичных мероприятий, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 «О собраниях, митингах, демонстрациях и пикетировании»¹³, который действовал до принятия в 2004 г. Федерального закона о собраниях.

Первая редакция Федерального закона о собраниях содержала в основном общие формулировки и устанавливала расплывчатые правила проведения публичных мероприятий, которые требовали своей конкретизации и разъяснений со стороны Конституционного Суда РФ. Он своими постановлениями в значительной степени конкретизировал правовые нормы Закона и корректировал правоприменительную практику.

В 2012–2020 гг. Федеральный закон о собраниях подвергался корректировкам в сторону ужесточения требований к организации и проведению публичных мероприятий, самые масштабные из которых состоялись в 2012 г. Это дало возможность исследователям вести речь о реформе законодательства в сфере проведения публичных мероприятий¹⁴.

Конституционность реформы законодательства о публичных мероприятиях была проверена Конституционным Судом РФ в его постановлении от 14.02.2013¹⁵. Суд смягчил многие законодательные формулировки, фактически возвратив уведомительный характер проведения публичных мероприятий, скорректировал административную ответственность за нарушения при их проведении, обязав законодателя внести необходимые изменения в действующее законодательство. Этим решением Конституционный Суд РФ приблизил законодательство о публичных мероприятиях к принципам, сформулированным Венецианской комиссией, в частности к принципу, согласно которому незначительный характер правонарушений требует не избыточных, а незначительных санкций.

В другом своем постановлении, от 04.06.2020, Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию о том, что «государственная защита гарантируется лишь праву на свободу мирных публичных мероприятий, что не исключает его ограничения законом в соот-

¹² Тарибо Е. В. Проблемы реализации свободы выражения мнений и свободы собраний в практике конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 20–31.

¹³ Свод законов СССР. 1989. Т. 10. С. 270.

¹⁴ Тарибо Е. В. Указ. соч.

¹⁵ СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

ветствии с Конституцией РФ на основе принципов недопустимости злоупотребления правами и свободами человека и гражданина, юридического равенства, обоснованности (необходимости) и соразмерности (пропорциональности). Указанные ограничения не могут посягать на содержание конституционного права и создавать препятствия для открытого и свободного выражения гражданами своих взглядов, мнений и требований посредством организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований»¹⁶.

Ограничения свободы мирных собраний с позиций Венецианской комиссии должны иметь законные основания, закрепленные в международных правовых актах и национальном законодательстве. При этом нормы национального права не должны расширяться за счет дополнительных оснований для таких ограничений или поправлять общепризнанные нормы международного права. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ в соответствии с международными правовыми актами установила, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Эта правовая норма в части, касающейся свободы мирных собраний, напрямую корреспондирует ст. 12 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Российское законодательство в этой связи накладывает ряд ограничений на организаторов и участников публичных мероприятий, на органы публичной власти и правоохранительные органы, которые неоднозначно воспринимаются в обществе и в юридической науке. Многие из них были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Так, поправками от 08.06.2012 в Федеральный закон о собраниях установлен «запрет быть организаторами публичного мероприятия лицам, имеющим неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления против основ конституционного

строения и безопасности государства или преступления против общественной безопасности и общественного порядка либо два и более раза привлекавшимся к административной ответственности за административные правонарушения законодательства о публичных мероприятиях, в течение срока, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию»¹⁷.

Отдельные авторы отстаивают позицию о том, что такие ограничения для указанных лиц следует снять, так как лица, освобожденные из мест заключения, равно как и лица, ранее привлекаемые к административной ответственности, могут быть организаторами публичного мероприятия и такие ограничения для них являются излишними¹⁸.

Конституционный Суд РФ признал данные законоположения не противоречащими Конституции РФ, «поскольку федеральный законодатель имел основания усомниться в возможности таких лиц организовать и, главное, провести мирное публичное мероприятие с соблюдением установленного законом порядка. Также данные лица могут обращаться с просьбами об организации публичного мероприятия к иным гражданам, политическим партиям, другим общественным объединениям и не лишают их возможности принимать участие в публичных мероприятиях, в том числе в качестве лиц, уполномоченных организатором публичного мероприятия выполнять распорядительные функции по его организации и проведению»¹⁹.

Доводы Конституционного Суда РФ представляются нам убедительными, а ограничения, накладываемые Федеральным законом о собраниях на организаторов публичного мероприятия, оправданными, тем более что они действуют ограниченное время — до снятия или погашения судимости или на протяжении действия административного наказания. Конституционное право на мирные собрания таких лиц федеральный законодатель не ограничивал.

В постановлении от 18.06.2019 Конституционный Суд РФ скорректировал правовую норму Федерального закона о собраниях, касающуюся введения дополнительных обязанностей для

¹⁶ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. 2021. № 2.

¹⁷ СЗ РФ. 2012. № 24. Ст. 3082.

¹⁸ Кондрашев А. А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6. С. 24–44.

¹⁹ СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

организаторов публичных мероприятий²⁰. Статья 7 указанного Федерального закона возложила на организатора публичного мероприятия обязанность «указывать в уведомлении о проведении публичного мероприятия формы и методы обеспечения организатором общественного порядка и организации медицинской помощи и санитарного обслуживания. Эта норма позволяла органам публичной власти произвольно устанавливать, соответствует ли уведомление о проведении публичного мероприятия предъявляемым законом требованиям и выносить решения, неправомерно ограничивающие мирные собрания. В результате формировалась противоречивая правоприменительная практика, которая зачастую вызывала обоснованные сомнения в ее конституционности»²¹.

Конституционный Суд РФ признал оспариваемую норму не противоречащей Конституции РФ в той мере, «в какой она не возлагает на организатора публичного мероприятия обязанностей по обеспечению общественного порядка и организации медицинской помощи во время его проведения, которые надлежит выполнять органам государственной и муниципальной власти и их уполномоченным представителям, обладающим в силу своего конституционно-правового статуса соответствующими публично-властными полномочиями»²².

Этим решением Конституционный Суд РФ фактически продублировал правовую позицию Европейского Суда по правам человека в деле «Лашманкин и другие против России» (2017 г.), где констатируется наличие в России широко распространенной практики наложения непропорциональных и неоправданных ограничений при проведении публичных мероприятий.

Доктринальные положения Венецианской комиссии о свободе мирных собраний дополняются выработанными ею правовыми позициями, касающимися порядка подачи уведомления о проведении публичного мероприятия, согласно которым в демократических государствах для проведения большинства мирных собраний не требуется подачи какого-либо предварительного уведомления. Такие уведомления

должны подаваться только тогда, когда нужно время для предоставления возможности государству принять необходимые меры для поддержания общественного порядка и соблюдения прав, свобод и законных интересов других лиц. При этом от организатора публичного мероприятия нельзя требовать запрос о разрешении мирного собрания. Он должен представить только уведомление о намерениях. Сам процесс подачи уведомления не должен быть обременительным для заявителя. Период рассмотрения уведомления регулирующим органом должен быть не слишком продолжительным, но достаточным для органов публичной власти, чтобы они могли подготовиться к мероприятию надлежащим образом. Другими словами, уведомление о проведении публичного мероприятия должно быть рассмотрено в разумные сроки.

В научной литературе относительно Федерального закона о собраниях высказывается мнение, что Закон, «с одной стороны, ввел пусть и упрощенную, но процедуру получения согласования с уполномоченными органами (органами государственной власти или органами местного самоуправления), а с другой — оставил уполномоченным органам множество возможностей для дискреционных решений оценочного характера, так что можно говорить не об уведомительном порядке, а о фактически разрешительном типе регулирования»²³.

С таким однозначным оценочным суждением трудно согласиться, если учесть, что многие спорные положения Федерального закона были скорректированы Конституционным Судом РФ. Верховный Суд РФ в своем постановлении от 26.06.2018 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» говорит об уведомительном порядке проведения публичных мероприятий, «позволяющем органам власти принять разумные и необходимые меры для реализации конституционного права граждан на проведение публичного ме-

²⁰ Афанасьев С. Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4. С. 131–143.

²¹ Саленко А. В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах. С. 118–127.

²² Саленко А. В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах. С. 118–127.

²³ Кондрашев А. А. Указ. соч. С. 24–44.

роприятия в условиях, обеспечивающих соблюдение интересов государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения и защиты прав и свобод других лиц»²⁴.

В то же время необходимо отметить, что российский законодатель отошел от принципа Венецианской комиссии: по общему правилу, публичные мероприятия должны проводиться без предварительного уведомления. Федеральный закон поставил проведение всех публичных мероприятий, за исключением одиночного пикетирования без использования быстровозводимой сборно-разборной конструкции, в зависимость от предварительного уведомления органов власти. Сроки подачи уведомления варьируются с учетом формы публичного мероприятия и составляют от трех до пятнадцати дней. На наш взгляд, такие сроки являются избыточными, и они могут быть сокращены исходя из принципа разумной достаточности для принятия решения и подготовки к мероприятию органов публичной власти и наличия возможности обжалования их решений в судебном порядке.

Однако и это не дает оснований полагать, что в Российской Федерации введен фактически разрешительный характер проведения публичных мероприятий. Против такого вывода свидетельствует тот факт, что федеральный законодатель не предоставил органам исполнительной власти и органам местного самоуправления права отмены публичных мероприятий. В соответствии с ч. 3 ст. 12 Федерального закона о собраниях, «орган публичной власти отказывает в согласовании проведения публичного мероприятия только в случаях, если уведомление о его проведении подано лицом, которое не вправе быть организатором публичного мероприятия, либо если в уведомлении в качестве места проведения публичного мероприятия указано место, в котором проведение публичного мероприятия запрещается».

Верховный Суд РФ дал разъяснение по поводу подачи организатором публичного меро-

приятия уведомления за пределами периода, установленного законом. Оно «не подлежит рассмотрению, но это не лишает организатора публичного мероприятия права на повторное обращение с уведомлением о проведении публичного мероприятия в пределах установленного срока»²⁵.

В научной литературе относительно подачи уведомлений о проведении публичных мероприятий высказывается вполне обоснованное предложение о возможности подачи онлайн-уведомлений через официальный интернет-портал государственных услуг, «поскольку по своей правовой природе процедура такого согласования представляет собой не что иное, как государственную (муниципальную) услугу»²⁶. Это позволило бы снизить излишний бюрократизм при таких согласованиях.

Необходимо отметить, что Европейский Суд по правам человека, как и Венецианская комиссия, допускает наличие процедуры уведомления о публичном мероприятии, однако ее форма и содержание не должны приводить к необоснованному срыву такого мероприятия. В деле «Махмудов против России» ЕСПЧ отметил, что «принятие властями решений о согласовании мероприятия должно основываться на конкретных обстоятельствах дела, а общее применение правил и использование лишь предположений о возможных негативных последствиях мероприятия ведут к необоснованному ограничению свободы собраний»²⁷.

Венецианская комиссия выработала свои рекомендации по времени, месту и способу проведения публичных мероприятий. В ее Руководящих указаниях отмечается, что «мирные собрания имеют право на такое же использование общественного пространства, как коммерческая деятельность и движение транспортных средств и пешеходов. Это необходимо учитывать при рассмотрении любых ограничений. Если налагаются какие-либо ограничения на время, место или способ проведения собрания, должны быть предложены разумные альтернативы».

²⁴ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. 2021. № 2.

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. 2021. № 2.

²⁶ Саленко А. В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах. С. 118–127.

²⁷ Костылева Е. Д. Указ. соч. С. 80–95.

В Российской Федерации именно ограничения по месту проведения вызывают наибольшее число судебных разбирательств. В этой связи Верховный Суд РФ дал необходимые разъяснения. Их суть состоит в том, что «предложение органа публичной власти об изменении места и (или) времени начала и окончания проведения публичного мероприятия не может быть произвольным, немотивированным и должно содержать конкретные данные, свидетельствующие об очевидной невозможности проведения этого мероприятия в заявленном месте и (или) в заявленное время в связи с необходимостью защиты публичных интересов... Судам следует учитывать, что при направлении организатору публичного мероприятия обоснованного предложения об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия орган публичной власти обязан предложить конкретное место и (или) время для проведения заявленного публичного мероприятия, обеспечивающие возможность достижения правомерных целей этого мероприятия и соответствующие его социальному и политическому значению»²⁸.

Федеральный закон о митингах установил, что «публичное мероприятие может проводиться в любых пригодных для целей данного мероприятия местах в случае, если его проведение не создает угрозы обрушения зданий и сооружений или иной угрозы безопасности участников данного публичного мероприятия... Органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации определяют единые специально отведенные или приспособленные для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений места... При определении специально отведенных мест и установлении порядка их использования должны обеспечиваться возможность достижения целей публичных мероприятий, транспортная доступность специально отведенных мест, возможность использования организаторами и участниками публичных мероприятий объектов инфраструктуры, соблюдение санитарных норм и правил, безопасность организаторов и участников публичных мероприятий, других лиц»²⁹.

Приведенные законоположения в целом учитывают правовые позиции Венецианской

комиссии. Вместе с тем за их пределами находятся нормы законов субъектов РФ о проведении публичных мероприятий, как правило, в специально отведенных местах, о возможности расширения по сравнению с Федеральным законом перечня мест, где запрещается проводить публичные мероприятия. Именно эти нормы дают возможность органам публичной власти субъектов РФ отказывать в согласовании мест проведения публичных мероприятий, что служит поводом для многочисленных судебных разбирательств.

Показательным в этом отношении может быть дело, рассмотренное Европейским Судом по правам человека «Сарсембаев против Российской Федерации» (2020 г.). Как усматривалось из текста постановления Суда, регулирующий орган отказался согласовать планируемое заявителем место проведения публичного мероприятия, предложив ему альтернативные места. Заявитель не согласился с этим и провел его в первоначально запланированном месте. После этого он был задержан и привлечен к ответственности за совершение административного правонарушения. Привлечение заявителя к ответственности в связи с проведением демонстрации было основано на установленном законом запрете на проведение публичных мероприятий в данном месте. Ранее ЕСПЧ устанавливал, этот общий запрет сформулирован настолько пространно, что его нельзя признать совместимым с европейской Конвенцией по правам человека. Поэтому осуждение заявителя, основанное исключительно на запрете, без учета конкретных обстоятельств дела, не могло считаться необходимым³⁰.

Как видно, причиной привлечения к ответственности организатора публичного мероприятия в данном случае стали не его действия, а низкое качество законодательства субъектов РФ, преследующего в том числе цели ограничения публичных мероприятий. Как показывает практика, практически «все субъекты РФ установили такие места в скверах и лесопарках на окраинах городских населенных пунктов, куда непросто добраться и на общественном транспорте. И какой смысл будет в акции, если ее требуют проводить на окраине города, куда даже журналисты не приедут, и ее просто не увидят обычные граждане, не участвующие в

²⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28.

²⁹ СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

³⁰ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека. 2021. № 3.

самом мероприятии?»³¹ Такую практику в научной литературе назвали ошибочной и противоречащей сути конституционной свободы на мирные собрания: собираться можно везде, кроме тех мест, где проведение публичного мероприятия прямо запрещается законом³².

Запреты на публичные мероприятия в законодательстве субъектов РФ Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 04.06.2020 признал не соответствующими Конституции РФ. «Субъекты РФ, — говорится в постановлении Суда, — обязаны учитывать благоприятные возможности для организации и проведения публичных мероприятий при определении специально отведенных для них мест. Определение законом субъекта РФ мест, в которых запрещается проведение публичных мероприятий, не должно необоснованно расширять федеральные запреты, приобретая по своим юридическим параметрам сопоставимое с ними или, более того, преобладающее значение в системе действующего правового регулирования свободы мирных собраний»³³.

Относительно количества участников публичных мероприятий Венецианская комиссия специальных рекомендаций не выдвигает. Вместе с тем в Руководящих указаниях имеется положение о том, что является хорошей практикой требовать уведомление о проведении публичного мероприятия только в том случае, если ожидается большое количество его участников.

Российское законодательство гораздо строже отнеслось к вопросу о количестве участников публичного мероприятия. В соответствии с Федеральным законом о собраниях, «на организатора публичного мероприятия возлагается обязанность принять меры по недопущению превышения указанного в уведомлении на проведение публичного мероприятия количества участников публичного мероприятия, если превышение количества таких участников создает угрозу общественному порядку и общественной безопасности, безопасности участников данного публичного мероприятия или других лиц либо угрозу причинения ущерба имуществу»³⁴.

Об ответственности организатора за превышение количества участников публичного мероприятия говорится в постановлении Конституционного Суда РФ от 18.05.2012. В нем «участие в публичном мероприятии большего, чем было заявлено его организатором в уведомлении, количества участников само по себе еще не является достаточным основанием для привлечения его к административной ответственности, равно как и само по себе превышение нормы предельной наполняемости территории (помещения) в месте проведения публичного мероприятия... Привлечение организатора к ответственности за нарушение установленного порядка проведения митинга в случае участия в этом публичном мероприятии большего, чем было указано в уведомлении, количества участников возможно только при наличии вины непосредственно организатора публичного мероприятия»³⁵.

За пределами правового регулирования в российском законодательстве остались упоминаемые Венецианской комиссией спонтанные собрания. Согласно ее Руководящим указаниям, «власти всегда должны защищать и способствовать любым спонтанным собраниям, если они носят мирный характер. Это особенно касается тех стран, в которых введены предварительные уведомления о проведении публичных мероприятий. Если законодательство требует предварительного уведомления, закон должен прямо предусматривать исключение из требования, когда предварительное уведомление нецелесообразно. Такое исключение будет применяться только в обстоятельствах, когда установленный законом срок не может быть соблюден».

Заключение

Свобода мирных собраний является важнейшим, основополагающим правом человека и как общепризнанный принцип и норма международного права была признана в Российской Федерации и включена в текст Конституции РФ.

³¹ Кондрашев А. А. Указ. соч. С. 24–44.

³² Саленко А. В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах. С. 118–127.

³³ Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 171–191.

³⁴ СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

³⁵ СЗ РФ. 2012. № 22. Ст. 2921.

Правовое регулирование свободы мирных собраний в России имеет непродолжительную историю, поэтому для Российской Федерации правовые позиции Венецианской комиссии в этой части являются необходимыми и значимыми.

Венецианская комиссия выдвинула требования к национальному законодательству о свободе мирных собраний: совместимость с международными стандартами в сфере прав человека; точность в формулировках; возможность определения свободы усмотрения, предоставляемой властям; возможность оценки человеком правомерного поведения при проведении массовых мероприятий и возможных последствий любых нарушений.

Свобода мирных собраний в интерпретации Венецианской комиссии имеет высокое конституционное значение, носит фундаментальный характер и должна учитываться при формировании национального законодательства.

Однако в Конституции РФ и федеральном законодательстве свобода мирных собраний отражена в формулировке «право собираться мирно, без оружия». Этим федеральный законодатель сузил свободу мирных собраний, заменив ее «правом собираться мирно». В этой связи Федеральный закон о собраниях посвящен не столько свободе мирных собраний, сколько праву собираться мирно, которое может быть ограничено государством в большей степени, чем свобода мирных собраний. Это создало основу для позитивистского регулирования свободы мирных собраний с широкими полномочиями органов публичной власти и возможностью ограничения права собираться мирно, без оружия, в то время как государство, по мнению Венецианской комиссии, должно создать адекватные механизмы и процедуры для обеспечения того, чтобы свобода публичных мероприятий не подвергалась чрезмерному административному регулированию. Ограничения на проведение мирных собраний должны осуществляться только на основе закона, соответствующего международным правовым актам.

В законодательстве Российской Федерации о свободе мирных собраний в основном соблюдаются рекомендации Венецианской комиссии: уведомительный характер проведения публичных мероприятий, ограничения свободы мирных собраний только на основе закона, законодательные ограничения для регулирующего органа в отказе от согласования места и времени проведения публичного мероприятия и т.п.

Вместе с тем в 2012–2020 гг. Федеральный закон о собраниях подвергался корректировкам в сторону ужесточения требований к организации и проведению публичных мероприятий, самые масштабные из которых состоялись в 2012 г. Эта реформа законодательства о публичных мероприятиях была проверена Конституционным Судом РФ в его постановлении от 14.02.2013. Суд смягчил многие законодательные формулировки, фактически возвратив уведомительный характер проведения публичных мероприятий, скорректировал административную ответственность за нарушения при их проведении, обязав законодателя внести необходимые изменения в действующее законодательство. Этим решением Конституционный Суд РФ приблизил законодательство о публичных мероприятиях к принципам, сформулированным Венецианской комиссией, в частности к принципу, согласно которому незначительный характер правонарушений требует не избыточных, а незначительных санкций.

Венецианская комиссия выработала ряд правовых позиций относительно уведомления о проведении публичного мероприятия, согласно которым в демократическом обществе многие собрания не требуют какого-либо предварительного уведомления. Однако Федеральный закон о собраниях поставил проведение всех публичных мероприятий, за исключением одиночного пикетирования без использования быстровозводимой сборно-разборной конструкции, в зависимости от предварительного уведомления органов власти.

На региональном уровне законами субъектов Российской Федерации разрешено проведение публичных мероприятий без предварительного уведомления в специально отведенных местах. Как показывает практика, почти все субъекты РФ установили неудобные для граждан места с затрудненной транспортной доступностью, что означало фактическое введение дополнительных по сравнению с федеральным законодательством ограничений для проведения публичных мероприятий. Такая практика Конституционным Судом РФ была признана неконституционной.

Следовательно, Конституционный Суд РФ в значительной степени корректировал российское законодательство о публичных мероприятиях, приближая его к правовым позициям, выработанным Венецианской комиссией. Вместе с тем за пределами правового регулирования

остались так называемые спонтанные собрания, которые органы публичной власти должны защищать и способствовать им, если они носят мирный характер. Следовательно, Федеральный закон о собраниях нуждается в доработке и корректировке в соответствии с правовыми принципами, выработанными Венецианской комиссией.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афанасьев С. Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России // Сравнительное конституционное обозрение. — 2019. — № 4. — С. 131–143.
2. Березин А. А. Административно-правовое противодействие нарушениям, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2015. — 26 с.
3. Вдовиченко К. Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2015. — 24 с.
4. Кондрашев А. А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 6. — С. 24–44.
5. Костылева Е. Д. Соотношение позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по защите личных и политических прав // Современный юрист. — 2019. — № 4 (29). — С. 80–95.
6. Международные акты о правах человека / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. — М., 1998. — 784 с.
7. Саленко А. В. Конституционно-правовое значение свободы мирных собраний: доктринальные и судебные подходы в России и Германии // Российский юридический журнал. — 2019. — № 5 (128). — С. 9–17.
8. Саленко А. В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах // Журнал российского права. — 2018. — № 1 (253). — С. 118–127.
9. Самбор Н. А. Административно-правовые аспекты права на свободу мирных собраний в Российской Федерации и ее судебная защита // Административное право и процесс. — 2021. — № 3. — С. 47–54.
10. Тарибо Е. В. Проблемы реализации свободы выражения мнений и свободы собраний в практике конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 2. — С. 20–31.
11. Храмова Т. М. Ограничения конституционной свободы собраний: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 31 с.
12. Яковенко М. А. Конституционное право граждан Российской Федерации на проведение публичных мероприятий: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 31 с.
13. Basil S. Alexander. Exploring a More Independent Freedom in Peaceful Assembly in Canada // Western Journal of Legal Studies. — 2018. — V. 8.
14. Hoffmann-Riem W. The Venice Commission of the European Council — Standards and Impact // The European Journal of International Law. — 2014. — Vol. 25. — № 2.

Материал поступил в редакцию 12 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Afanasyev S. Obzor pravovykh pozitsiy v postanovleniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossii [Review of legal positions in the decisions of the Constitutional Court of Russia]. *Comparative Constitutional Review*. 2019;4. (In Russ.).
2. Berezin AA. Administrativno-pravovoe protivodeystvie narusheniyam, posyagayushchim na obshchestvennyy poriyadok i obshchestvennyuyu bezopasnost pri provedenii publichnykh meropriyatiy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Administrative and legal counteraction to violations encroaching on public order and public safety during public events: Author's Abstract]. Saratov; 2015. (In Russ.).
3. Vdovichenko KG. Ugolovno-pravovoe protivodeystvie prestupleniyam v sfere organizatsii i provedeniya publichnykh massovykh meropriyatiy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal-legal counteraction to crimes in the sphere of organization and holding of public mass events: Author's Abstract]. Krasnodar; 2015. (In Russ.).

4. Kondrashev AA. Svoboda sobраний v Rossii: sistemnye defekty zakonodatelstva i politiko-pravovaya praktika [Freedom of assembly in Russia: system defects of law and political and legal practices]. *Comparative Constitutional Review*. 2017;6. (In Russ.).
5. Kostyleva ED. Sootnoshenie pozitsiy Konstitutsionnogo Suda RF i Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po zashchite lichnykh i politicheskikh prav [Correlation of positions of the constitutional court of the Russian Federation and the european court of human rights on protection of personal and political rights]. *Modern Lawyer*. 2019;4. (In Russ.).
6. Kartashkin VA, Lukasheva EA (eds.). Akty o pravakh cheloveka [International human rights acts]. Moscow; 1998. (In Russ.).
7. Salenko AA. Konstitutsionno-pravovoe znachenie svobody mirnykh sobраний: doktrinalnye i sudebnye podkhody v Rossii i Germanii [Constitutional and legal significance of freedom of peaceful assembly: Doctrinal and Judicial approaches in Russia and Germany]. *Russian Juridical Journal*. 2019;5. (In Russ.).
8. Salenko AA. Svoboda mirnykh sobраний v Rossiyskoy Federatsii: neskolko tezisov ob aktualnykh problemakh [Freedom of peaceful assembly in the Russian Federation: some head-notes and critical issues]. *Journal of Russian Law*. 2018;1. (In Russ.).
9. Sambor NA. Administrativno-pravovye aspekty prava na svobodu mirnykh sobраний v Rossiyskoy Federatsii i ee sudebnaya zashchita [Administrative and legal aspects of the right to freedom of peaceful assembly in the Russian Federation and its judicial protection]. *Administrative Law and Process*. 2021;3. (In Russ.).
10. Taribo EA. Problemy realizatsii svobody vyrazheniya mneniy i svobody sobраний v praktike konstitutsionnogo pravosudiya [The issues of exercising of the freedom of expressions and the freedom of assembly in the constitutional justice practice]. *Constitutional and Municipal Law*. 2018;2:20-31. (In Russ.).
11. Khramova TM. Ogranicheniya konstitutsionnoy svobody sobраний: sravnitelno-pravovoy analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Restrictions of constitutional freedom of assembly: comparative legal analysis: Author's Abstract]. Moscow; 2015. (In Russ.).
12. Yakovenko MA. The constitutional right of citizens of the Russian Federation to hold public events: theoretical and practical aspects: Author's Abstract]. Moscow; 2012. (In Russ.).
13. Alexander VS. Exploring a More Independent Freedom in Peaceful Assembly in Canada. *Western Journal of Legal Studies*. 2018;8.
14. Hoffmann-Riem W. The Venice Commission of the European Council — Standards and Impact. *The European Journal of International Law*. 2014;25(2).

Виктимологические факторы коррупционного преступления и антикоррупционная виктимологическая безопасность

Аннотация. Исследуются виктимологические факторы, продуцирующие коррупционную виктимность. Методология исследования включает диалектический метод научного познания, системный подход, анализ и синтез в качестве общенаучных методов при осмыслении криминологических и виктимологических понятий, частнонаучные методы: уголовно-статистические, социологические (опрос осужденных респондентов — должностных лиц), анализ документов и др. Эмпирическую базу составили результаты криминологического исследования, проведенного автором в 2018–2020 гг. в составе межрегионального научного коллектива (Владимир, Волгоград, Казань, Нижний Новгород, Сыктывкар), а также данные уголовной статистики, материалы судебной практики. Для решения терминологической проблемы предлагаются определения понятий «коррупционная преступность», «коррупционное поведение», «коррупционное преступление». Обосновано применение системной методологии для исследования виктимологических факторов как структурного элемента коррупционной преступности, их свойств, состояний и взаимосвязей с другими элементами.

Представлены результаты опроса осужденных респондентов — должностных лиц, сравнительного анализа данных судебной статистики. Приведена дефиниция виктимологических факторов коррупционного преступления, обосновано их единство с коррупциогенными факторами, проявляющееся в виктимно-коррупционном и криминально-коррупционном поведении, совершении коррупционного преступления. Показано, что в основе коррупционного преступления — коррупционная сделка, представлены ее понятие, характеристика, основные элементы, содержание, виды. Продемонстрировано, что жертвами коррупционной сделки могут стать любые ее субъекты: должностное лицо, его контрагент и посредник, при этом рассмотрены виктимологические факторы, уровни виктимности и типы жертв. Сделан вывод о том, что антикоррупционная виктимологическая безопасность должна стать приоритетным направлением виктимологической профилактики, основанной на научном (криминологическом) обеспечении. Аргументирована целесообразность создания (возрождения) криминологических лабораторий на базе современных национальных исследовательских университетов.

Ключевые слова: коррупционная преступность; коррупционная сделка; виктимологические факторы; коррупциогенные факторы; коррупционная виктимность; виктимно-коррупционное поведение; криминально-коррупционное поведение; виктимизация; виктимологическая безопасность; виктимологическая профилактика.

Для цитирования: Иванова А. А. Виктимологические факторы коррупционного преступления и антикоррупционная виктимологическая безопасность // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 82–94. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.082-094.

© Иванова А. А., 2022

* Иванова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Большая Печерская ул., д. 25/12, г. Н. Новгород, Россия, 603005

ivanova-anna2004@yandex.ru

Victimological Factors in Corruption Offences and Anti-Corruption Victimological Security

Anna A. Ivanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure, Higher School of Economics (Nizhny Novgorod Branch)
ul. Bolshaya Pecherskaya, d. 25/12, Nizhny Novgorod, Russia, 603005
ivanova-anna2004@yandex.ru

Abstract. The paper investigates victimological factors producing corruption victimization. The research methodology includes a dialectical method of scientific cognition, a systematic approach, analysis and synthesis as general scientific methods for understanding criminological and victimological concepts, private scientific methods: criminal statistical, sociological (survey of convicted respondents — officials), analysis of documents, etc. The empirical base is made up of the results of a criminological study conducted by the author in 2018–2020 as part of an interregional research team (Vladimir, Volgograd, Kazan, Nizhny Novgorod, Syktyvkar), as well as criminal statistics data, materials of judicial practice. To solve the terminological problem, definitions of the concepts «corrupt crime», «corrupt behavior», «corrupt delinquency» are proposed. The author substantiates the application of a systematic methodology for the study of victimological factors as a structural element of corruption offences, their properties, conditions and relationships with other elements.

The paper presents the results of a survey involving convicted respondents-officials, and a comparative analysis of judicial statistics data. The author gives a definition of victimological factors of a corruption crime, substantiates their unity with corruption-causing factors, which is manifested in victim-corruption and criminal-corruption behavior, the commission of a corruption crime. It is shown that the corruption crime is based on a corrupt transaction, its concept, characteristics, main elements, content, types are presented. The author shows that any of its subjects can become victims of a corrupt transaction: an official, his counterparty and an intermediary, while victimological factors, levels of victimization and types of victims are presented. It is concluded that anti-corruption victimological security should become a priority area of victimological prevention based on scientific (criminological) support. The expediency of creating (reviving) criminological laboratories on the basis of modern national research universities is argued.

Keywords: corruption offense; corruption transaction; victimological factors; corruption-ridden factors; corruption victimization; victim behavior; corruption behavior; victimization; victimological security; victimological prevention.

Cite as: Ivanova AA. Viktimologicheskie faktory korruptsiionnogo prestupleniya i antikorrupsionnaya viktimologicheskaya bezopasnost [Victimological Factors in Corruption Offences and Anti-Corruption Victimological Security]. *Lex russica*. 2022;75(10):82-94. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.082-094. (In Russ., abstract in Eng.).

Для повышения эффективности борьбы с коррупцией как социально-правовым явлением, коррупционной преступностью, в том числе предупреждения коррупционных преступлений, наряду с изучением жертв коррупционных преступлений, необходим анализ виктимологических факторов, продуцирующих коррупционную виктимность.

Перефразируя профессора Г. Н. Горшенкова, коррупционная преступность является свойством общества, выражает собой определенный образ жизнедеятельности людей, коррупционное преступление может быть представлено как общественно опасный акт социального поведения, который отражает кри-

минально-коррупционную сущность или феномен общества¹. Криминально-коррупционный феномен следует понимать как совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития этого определенного образа жизнедеятельности людей, который и называется коррупционной преступностью.

Профессор О. В. Старков проводит сравнительный анализ терминов «преступность», «преступное поведение» и «преступление». Проецируя их применительно к коррупционной сфере, приходим к следующим умозаключениям²:

1) носителем коррупционной преступности является общество, коррупционного поведе-

¹ Горшенков Г. Н. Преступление. Как его понимать? : монография. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2004. С. 114.

² Старков О. В. Криминология: Общая, Особенная и Специальная части : учебник. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2012. С. 106–107.

- ния — масса отклоняющихся лиц, ведомых криминогенными ситуациями к преступлению, а коррупционного преступления — конкретный субъект преступления, личность преступника;
- 2) уровень функционирования коррупционной преступности — общесоциальный, коррупционного поведения — личностный, микрогрупповой и средовой, а коррупционного преступления — тот же, но еще и индивидуально значимый;
  - 3) коррупционная преступность подчиняется социологическим и социально-психологическим закономерностям, а коррупционное поведение и коррупционное преступление — социально-психологическим и личностно-психологическим.

При этом следует различать виктимно-коррупционное поведение (жертвы) и криминально-коррупционное поведение (правонарушителя, преступника).

Перспективным подходом к научному исследованию коррупционной преступности является системная методология, основываясь на которой преступность предстает как саморегулируемая совокупность взаимосвязанных элементов, или динамическая открытая система, активно взаимодействующая с окружающей средой любыми ресурсами (имуществом, денежными средствами и т.д.), энергией (установками, мотивами и др.), информацией, и незамедлительно реагирует на окружающую среду. В качестве одного из таких элементов, или подсистем, выступают виктимологические факторы, изучать которые следует во взаимодействии с другими факторами и элементами такого системного образования, как коррупционная преступность.

Термин «фактор» переводится с латинского (factor) как «делающий», «производящий» — причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные черты³. Фактор можно представить в разных аспектах в зависимости от того объекта, который он детерминирует. Если фактор порождает преступление, обстоятельства преступления, правонарушителя, то он является криминогенным.

Фактор может действовать со знаком «плюс», усиливая влияние, накапливая криминогенный потенциал, или со знаком «минус», ослабляя или вовсе утрачивая влияние, тем самым переходя через нейтральное состояние, становясь антикриминогенным фактором (продуцирующим препятствующие преступлению обстоятельства, стимулирующим правопослушное поведение). Таким образом, отмечается своеобразная полярность фактора — способность проявлять свойство разной степени интенсивности и изменяющейся направленности.

В случае создания виктимогенной ситуации, становления субъекта жертвой преступления речь идет о виктимологическом факторе. Рассуждая аналогичным образом, приходим к заключению, что виктимологический фактор может обладать влиянием разной силы: при нарастании — порождая виктимогенные обстоятельства, создавать благоприятные условия для виктимизации субъекта; при ослаблении — становясь нейтральным или препятствующим возникновению виктимогенных обстоятельств, виктимизации лица, способствовать девиктимизации.

Применительно к предмету настоящего исследования криминогенный фактор становится коррупциогенным. Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе»⁴ под коррупциогенными факторами понимаются положения нормативных правовых актов и их проектов, создающие условия для коррупционных проявлений. Законодатель выделяет два вида таких факторов: 1) устанавливающие правоприменителю необоснованно широкие возможности; 2) содержащие неоднозначно определяемые, сложные требования к субъектам. Их следует учитывать при разработке мер антикоррупционной виктимологической безопасности.

Коррупциогенный фактор предстает как обстоятельство, в котором проявляется свойство, порождающее или стимулирующее коррупционное преступление. Это свойство находится в определенной зависимости от иных обстоятельств, способных усиливать его или ослаблять. Поэтому в одной ситуации явление выступает главной причиной, имеющей наивысшую

³ Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск : Современный литератор, 2007. С. 832.

⁴ Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (дата обращения: 22.07.2022).

степень активности, в иной — опосредованной, с невысокой степенью активности.

В ходе исследования, проведенного автором, в качестве такой первопричины совершения коррупционного преступления каждый четвертый осужденный респондент (25,58 %) указал на личностный фактор («причина во мне самом»). Следовательно, ментальность, или образ мыслей, культура, способ видения мира, предстает как характерный признак коррупционной преступности, а само это явление — как свойство общества⁵. Коррупционная преступность являет собой все те разнообразные проблемы общества, которые, с одной стороны, вызывают к жизни акты общественно опасного коррупционного поведения, а с другой стороны, влекут соответствующие крайне негативные последствия, в целом определяемые как угроза национальной безопасности.

Респонденты — осужденные должностные лица отметили также факторы, по их мнению, в наибольшей степени способствующие совершению коррупционных преступлений: уверенность в безнаказанности за коррупционное поведение (60,46 %), недостаточный уровень дохода должностных лиц (58,14 %), отсутствие должного контроля служебной деятельности (52,33 %).

Примером совместного проявления указанных опрошенными коррупциогенных факторов, наиболее активно способствующих совершению коррупционных преступлений, может служить деяние, учиненное главным врачом Республиканского онкодиспансера в январе 2022 г., получившим от Минздрава Чувашии разрешение на внутреннее совместительство на 0,25 ставки в должности врача-онколога⁶. Поскольку предусмотренных договором функций он не выполнял, а в табель учета рабочего времени вносились ложные сведения, то по данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 160 УК РФ (присвоение с использованием служебного положения). Врач обвиняется в

необоснованном получении более 249 тыс. руб. Согласно п. 3.6 Перечня преступлений коррупционной направленности № 23⁷, при наличии в статистической карточке отметки о коррупционной направленности деяние по ч. 3 ст. 160 УК РФ по усмотрению уполномоченного лица может быть признано коррупционным. Таким образом, следствием синергии совокупности коррупциогенных факторов стало накопление криминогенного потенциала должностного лица, проявившегося в коррупционном поведении.

Коррупциогенными факторами с незначительной степенью активности подавляющим большинством респондентов названы: низкая эффективность наказания за коррупционные деяния, убежденность в возможности прибегнуть к коррупционному методу при возбуждении уголовного дела, несовершенство законодательства, слабость человеческой природы, сложность устоять перед подношением.

Что касается виктимологических факторов, то они по-разному определяются специалистами. Анализ эволюции представлений о виктимологических факторах приводит И. М. Гарипов⁸. Следует обратить внимание на наличие терминологических проблем: отсутствие универсальной терминологии и предлагаемый учеными спектр дефиниций. К примеру, «виктимологические факторы» представлены как порождающие жертву преступления обстоятельства (Л. В. Франк), «виктимогенные факторы» определяются с позиции антропологического подхода (В. Я. Рыбальская), «виктимогенные детерминанты» («детерминанты виктимизации») — как совокупность взаимодействующих процессов различного характера, воспроизводящих виктимизацию (А. Г. Горшенков, М. В. Лелетова, О. В. Лихачева), «виктимологические условия преступности» (О. В. Павленко) и «формирующие виктимность факторы» (Б. Хольст) — без определения таковых. Представляется, что указанные подходы

⁵ Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб.: Лань, 2001. С. 72.

⁶ Главврача Республиканского онкодиспансера задержали за присвоение // URL: <https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=3068275&st=0&p=19826710#entry19826710> (дата обращения: 22.07.2022).

⁷ Перечень преступлений коррупционной направленности № 23 // Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». URL: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-Rossii-n-3511-mvd-Rossii/prilozhenie/perechen-n-23-prestuplenii-korrupsionnoi/> (дата обращения: 22.07.2022).

⁸ Гарипов И. М. Виктимологические факторы и виктимологические ситуации криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан // Виктимология. 2016. № 4 (10). С. 23–24.

различаются по уровням, аналогично философскому пониманию общего, особенного и единичного. На уровне общего — виктимологические факторы преступности (представления О. В. Павленко), особенного — виктимологические факторы разного характера (к примеру, взгляды В. Я. Рыбальской, О. В. Лихачевой), единичного — индивидуально значимые виктимологические факторы (близка позиция Л. В. Франка).

Благодаря усилиям вышеназванных и других авторов в настоящее время выработалась позиция в решении проблемы определения виктимологических факторов. Продемонстрируем на примере следующих двух дефиниций. И. М. Гарипов понимает под ними совокупность развивающихся взаимодействующих компонентов, обладающих интегративными качествами, обуславливающими виктимность и совершение преступлений⁹. А. Е. Шалагин трактует их как совокупность социально-негативных (позитивных) взаимодействующих компонентов, обуславливающих наличие интегративных качеств личности и внешней среды, формирующих виктимность и способствующих совершению преступления¹⁰. Таким образом, сходство заключается в понимании системного характера виктимологических факторов, сущностно представленных в виде различного рода компонентов, порождающих виктимность и способствующих совершению преступлений.

Применительно к предмету настоящего исследования под виктимологическими факторами коррупционного преступления будем понимать синергетическую совокупность обстоятельств, в которых проявляются свойства, детерминирующие коррупционную виктимность.

Логично утверждать, что криминогенные (и коррупциогенные) и виктимологические факторы взаимосвязаны, поскольку первые продуцируют криминально-коррупционное

поведение, формирование личности преступника, а вторые — виктимно-коррупционное поведение, становление жертвы. В криминологической литературе вполне обоснованно отмечается взаимосвязанность процессов криминализации и виктимизации ввиду взаимодействия и обмена элементами причинности¹¹.

Следствием синергии взаимодействия криминогенных и виктимологических факторов становится коррупционное преступление. Законодатель оперирует термином «преступление коррупционной направленности», не раскрывая понятия и не поясняя «направленность». В криминологической доктрине отмечается неоднозначное толкование коррупционного преступления: в широком значении (как должностное, или служебное, преступление) и узком понимании (собственно) коррупционное преступление, в основе которого — коррупционная сделка¹². Коррупционная сделка предстает как дву- или многосторонняя сделка, субъектами которой выступают корруптер, коррупционер и, возможно, посредник.

Можно выделить два вида коррупционных сделок по критерию способа реализации. Сделки первого вида основаны на прямом нарушении законодательных положений — противоправный способ. Сделки второго вида осуществляются посредством злоупотребления правом — манипулятивный способ. Отмечается, что наиболее распространенными являются коррупционные сделки первого вида¹³. Таким образом, определяя коррупционную сделку, подчеркнем ее противоправный характер, совершение путем нарушения законодательного запрета, а также злоупотребление правом управомоченным субъектом.

Содержание коррупционной сделки заключается в совершении отдельных актов, действий ее сторон под угрозой юридической ответственности, связанных с нарушениями правовых норм. Когда такие действия формируют образ

⁹ Гарипов И. М. Указ. соч. С. 25.

¹⁰ Шалагин А. Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 64.

¹¹ Сидоров Б. В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Казань, 1998. С. 94 ; Аглямова Г. М. Виктимологические аспекты предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. Вып. 4. С. 75.

¹² Иванова А. А. Виктимологический аспект коррупционной сделки // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4 (32). С. 253.

¹³ Иванова А. А. Коррупция в сфере российского предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 3 (27). С. 207.

жизни того или иного лица, становятся привычным механизмом для решения любых возникающих проблем, у субъекта вырабатывается коррупционное поведение, т.е. присущее ему определенное взаимодействие с окружающей средой. Очевидно, что наибольшая общественная опасность исходит не от разовых сделок, а от периодически повторяющихся скоординированных действий объединенных в своеобразные сообщества лиц, тем самым создающих коррупционные сети.

Анализ механизмов коррупционной сделки профессором А. И. Долговой приводит к выделению следующих ее видов. Первый вид — взаимовыгодная двусторонняя сделка (подчеркивается получение выгод обеими сторонами, следовательно, среди ее участников жертвы отсутствуют). Это тот случай, когда явной жертвы нет, она не персонифицирована, по сути, это не являющееся участником сделки третье лицо, претендующее на предоставление преимуществ, благ, льгот и т.д., являющихся предметом сделки, но не получившее их. Второй вид — вымогательство взятки должностным лицом; жертвой взяточничества может стать любой субъект права. Третий вид — инициативный, активный подкуп должностного лица, служащего; жертвой мздоимства становится должностное лицо, служащий¹⁴.

Виктимологическая характеристика жертвы коррупционной сделки предстает как упорядоченная совокупность свойств субъекта, при определенной виктимологической ситуации приводящих к становлению лица жертвой коррупционного преступления. Причем важно осознание того факта, что возникновению и развитию виктимологической ситуации способствует поведение самой будущей жертвы¹⁵.

Виктимологи едины во мнении, что «жертва преступления становится таковой не только в силу “злого умысла” со стороны преступника, но и в силу существования определенных качеств, связанных либо с личностью жертвы, ее

поведением, либо с самой ситуацией совершения преступления»¹⁶. Такая общепринятая позиция объясняется закономерностями, изложенными в криминологических концепциях детерминации индивидуального преступного поведения.

Эти основополагающие идеи могут быть применены к исследованию причинности виктимного поведения в ситуации коррупционного преступления. Причинность виктимного поведения предстает как процесс виктимизации, или приобретения и проявления поведенческого свойства виктимности и факторов, ее продуцирующих. Появление качества виктимности представляет собой претерпевание вреда от коррупционного деяния.

По существу, жертвами коррупционной сделки могут становиться любые ее субъекты: должностное лицо, его контрагент и посредник.

Криминологи отмечают коррупциогенный характер публичных должностей, т.е. само служебное положение лица тяготеет к коррупции. Термин «коррупциогенная должность» утратил новизну и стал широко употребляемым в правовой литературе и нормативных правовых актах¹⁷. Сама должность содержит коррупционный риск (профессиональный), уровень которого непосредственно влияет на возможность лица оказаться в предкриминальной или криминальной ситуации в связи с выполнением им своих полномочий.

В различных ситуациях, при решении бытовых и даже рутинных вопросов граждане, сталкивающиеся с вымогательством со стороны должностного лица, воспринимают его как взяточполучателя.

Кроме того, продажа должностей стала разновидностью преступного бизнеса. В качестве примера, место в администрации Московского района Санкт-Петербурга оценивается в 1 млн руб.¹⁸ Очевидно, что занявшее его лицо стремится к получению определенных привилегий и возмещению понесенных расходов.

¹⁴ Долгова А. И. Коррупционная преступность // Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. М. : Норма, 2005. С. 709.

¹⁵ Иванова А. А. Виктимологический аспект коррупционной сделки. С. 255–256.

¹⁶ Глухова А. А., Изосимов С. В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия : учеб. пособие. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. С. 33.

¹⁷ Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Коррупциогенная должность // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2013. № 2 (1). С. 248.

¹⁸ Должности на продажу: сколько стоит стать чиновником? // URL: https://kompromat1.pro/articles/39106-olzhnosti_na_prodzazu_skoljko_stoit_statj_chinovnikom (дата обращения: 22.07.2022).

Подобная ситуация не является единичной или исключительной. Скорее всего, она становится возможной ввиду наличия коррупционных сетей, связей и движения потоков различных ресурсов как по горизонтали, так и по вертикали, охватывая чиновников разного ранга. Чем прибыльнее должность, дающая возможность получения взяток, тем она ценнее. Самые дорогие должности — в силовых структурах, контролируемых и надзорных органах. По существу, создана преступная «биржа труда» для коррупционеров¹⁹.

Несмотря на заведомую противоправность, практика такова, что зачастую кадровый вопрос решается именно коррупционным методом.

Поэтому в массовом сознании должностное лицо привычно воспринимается как коррупционер. Избавиться от такого социального клейма проблематично.

Но при этом не следует упускать из виду потенциальную виктимность должностного лица, определяемую не личностными характеристиками, а статусом. В данном случае речь идет о статусной виктимности. Потенциальная виктимность должностного лица заключается в повышенной вероятности стать жертвой криминального подкупа.

В ситуации, когда объективные (замещение соответствующей должности, наличие подкупающего лица, существование коррупционной сети) и субъективные (нравственно-правовая неустойчивость, низкий моральный уровень, сложность удержаться перед искушением) факторы дополняют, буквально усиливают влияние друг друга, должностное лицо оказывается вовлеченным в преступную деятельность, становится жертвой и преступником в одном лице — так называемой криминализованной жертвой²⁰.

Следовательно, можно выделить дихотомию коррупционной угрозы в отношении должностного лица: наличие высокого коррупциогенного

потенциала и повышенную виктимность оказаться втянутым в коррупционное деяние.

Это следует учитывать в политике антикоррупционной виктимологической безопасности должностного лица, т.е. при управлении коррупционными рисками целесообразно выделять две стратегические линии: защиты и самозащиты личности²¹.

Прибегая к коррупционным сделкам, различные субъекты права массово решают социальные проблемы: получение необходимого разрешения, сокращение срока ожидания, принятие мер за нарушение и т.д. Жертвами коррупции выступают физические лица разного социального уровня²² (в том числе интегративная жертва) и юридические лица — следует говорить о порождении такой серьезной проблемы, как массовая виктимность. Этому явлению способствуют закрепленные в нормативных правовых актах необоснованно широкие возможности правоприменителя, а также неконкретные, сложные требования к субъектам. Поэтому нередко жертва оказывается в ситуации, когда подкуп/продажность представляется единственным способом достижения цели, и коррупционное поведение становится закономерным.

Согласно данным МВД, в России в 2021 г. зарегистрировано свыше 35 тыс. коррупционных преступлений (на 14 % больше, чем в 2020 г.), из них более 18,5 тыс. связаны с взяточничеством²³ (на 27,8 % больше, чем в 2020 г.). Темпы прироста коррупционных преступлений впечатляют, особенно на фоне снижения общеуголовной преступности на 1,9 %.

По данным председателя ВС РФ В. Лебедева, за коррупционные преступления за 2021 г. осуждены 9,6 тыс. лиц²⁴. Прирост по сравнению с 2020 г. составил 35 % (2,5 тыс. лиц). Из них 24 % привлечены за мелкое взяточничество (до 10 тыс. руб.), 19 % — за дачу взятки свыше 10 тыс. руб., 15 % — за получение взятки свыше

¹⁹ Более половины должностей в РФ — купленные // URL: <https://pasm.ru/archive/45848/> (дата обращения: 22.07.2022).

²⁰ Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Указ. соч. С. 248.

²¹ Иванова А. А. Коррупционная угроза и гражданская самозащита // Ученые записки. Т. 9. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2011. С. 173.

²² Савенко И. А. Виктимологический аспект коррупционных преступлений // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 175.

²³ В России за год на 27 % выросло количество преступлений, связанных с взятками // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5172333?ysclid=l63gdbnwtz691393052> (дата обращения: 22.07.2022).

²⁴ Председатель ВС РФ: более чем на треть возросло число осужденных за коррупцию в 2021 году // URL: <https://tass.ru/obschestvo/13660861?ysclid=l63g86m0nd595601234> (дата обращения: 22.07.2022).

10 тыс. руб., 4 % — за посредничество во взяточничестве (почти 4 тыс. лиц).

Представляется знаменательным тот факт, что общественное мнение недооценивает посредника — лицо, оказывающее содействие в коррупционном преступлении. Опрошенные респонденты при ответе на вопрос, кого из субъектов коррупционного деяния они осуждают в первую очередь, посредника вообще не назвали. Возможно, такое отношение объясняется непониманием роли этого лица и отсутствием осознания коррупционной угрозы, исходящей от его действий. Посредник может функционировать в составе группы лиц, объединенных сговором. Бывает неоднократное посредничество, когда доверенное лицо многократно осуществляет посреднические услуги. Латентность подобных деяний способствует их распространенности. Посредническая деятельность угрожает не отдельному лицу, а обществу в целом, влечет снижение авторитета государственной власти и подрыв ее основ²⁵.

П. С. Яни указал на юридико-техническое разделение взяточничества как единого состава на ряд статей: дача взятки, получение взятки, посредничество во взяточничестве²⁶. При этом ученый сослался на мнение авторитетного правоведа Б. В. Волженкина, рассматривающего эти деяния как реализованные в необходимом соучастии преступления. Попытки разграничения посредничества и соучастия (пособничества) неоднократно предпринимались как в теории²⁷, так и на практике. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 «О судебной практике по делам о взяточничестве»²⁸, по существу, содержится истолкование посредничества двух видов: физического и

интеллектуального (хотя они и не называются таковыми) (п. 7). Пленум Верховного Суда СССР от 27.09.1977²⁹ приурочил к посредничеству лишь первый вид, отказался от второго, при этом посчитал его соучастием (п. 4 постановления). Пленум ВС РФ от 24.12.2019³⁰ вернул представление о посредничестве к модели 1962 г. Исходя из содержания п. 13.2, под физическим посредничеством следует понимать непосредственную передачу предмета (или его части) коррупционной сделки (по поручению взяткодателя, или взяткополучателя, или субъекта коммерческого подкупа). Интеллектуальное посредничество заключается в содействии заключению коррупционной сделки, к примеру, в форме организации встреч, ведении переговоров ее потенциальными сторонами, но без гарантии результата. Интеллектуальное посредничество предполагает наличие своеобразного личного гудвилла субъекта, оказывающего посреднические услуги, — некоего нематериального актива (добрая воля, деловая репутация, связи лица).

Деяния посредника, будь то передача предмета коррупционной сделки по просьбе или поручению одной из сторон или содействие в достижении коррупционной договоренности, функционирующего в интересах сторон при отсутствии собственной заинтересованности, образуют самостоятельный состав (ст. 204.1, 291.1 УК РФ) и по содержанию являются коррупционными без дополнительных условий³¹.

Представляется, что виктимологическими факторами становления посредника жертвой являются наличие коррупционных сетей, служебная зависимость, традиции, обычай, стремление коррумпируемого субъекта использовать

²⁵ Афанасьева Е. Посредничество во взяточничестве: особенности, виды наказания // URL: <https://ur-expert.com/posrednichestvo-vo-vzyatochnichestve/> (дата обращения: 22.07.2022).

²⁶ Сложные вопросы квалификации посредничества во взяточничестве // Новости ФПА РФ. 20.10.2020. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/slozhnye-voprosy-kvalifikatsii-posrednichestva-vo-vzyatochnichestve/> (дата обращения: 22.07.2022).

²⁷ Клименко Ю. А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 96–105.

²⁸ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 5.

²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27.09.1977 № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1977. № 6.

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях” и от 16.10.2009 № 19 “О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий”» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341380/ (дата обращения: 22.07.2022).

³¹ Перечень преступлений коррупционной направленности № 23.

гудвилл посредника в своих целях, но против воли самого посредника. Лицо может оказаться вовлеченным в коррупционное преступление при фактическом отсутствии воли для оказания посреднических услуг, становясь при этом непосредственной жертвой, претерпевающей вред как следствие уголовной репрессии.

Втянутыми в коррупционную сделку в качестве посредников могут оказаться близкие и родные должностного лица или его контрагента и в случае, если не знали о предназначении передаваемого предмета в качестве взятки или коммерческого подкупа³². Освобождение от ответственности предусмотрено примечанием к ст. 291.1 УК РФ: активное содействие раскрытию и добровольное сообщение о деянии.

Практически любой субъект может стать жертвой неправомерного преступления, квалифицированного ошибочно или специально, со злым умыслом при сфабрикованном обвинении. Такие ситуации не единичны³³. Известны случаи, когда призванные бороться с коррупцией, наделенные властью служащие фабрикуют обвинения в отношении невиновных лиц.

Опрошенные респонденты-осужденные подтвердили реальность подобных ситуаций. Более того, 52,33 % из них убеждены в своей невиновности и считают себя жертвами неправомерного действия.

Любые внешние (ситуационные) факторы не несут на себе клейма виктимогенности или криминогенности, сами по себе не наделены виктимогенными или криминогенными свойствами. Факторы приобретают соответствующую направленность вследствие человеческой деятельности, интеллектуальным и нравственным качествам лиц³⁴. К примеру, к нравственным признакам жертв коррупционных сделок относят толерантное отношение граждан к коррупции как социально-правовому явлению, ощущение несправедливости из-за противоправного поведения должностных лиц, беспомощности перед криминально-коррупционным беспределом³⁵.

Таким образом, процесс виктимизации обусловлен совокупностью объективных и субъективных виктимологических и криминогенных факторов, детерминирующих формирование жертвы. Традиционно выделяемые в виктимологии (в соответствии с критериями частного, особенного и общего) уровни виктимности вполне применимы в отношении коррупционной виктимности: индивидуальная (физическое лицо как жертва вымогательства), групповая (муниципальные служащие как вероятные жертвы подкупа), видовая (предрасположенность субъекта стать жертвой коммерческого подкупа) и массовая (общество в целом перед коррупционной угрозой).

В настоящее время актуализируется острейшая проблема защиты жертв коррупционных преступлений. Антикоррупционная виктимологическая безопасность предстает как состояние защищенности субъекта от коррупционной угрозы, как внешних, так и внутренних криминальных и виктимологических факторов.

Антикоррупционная виктимологическая безопасность должна стать приоритетным направлением виктимологической профилактики. Поскольку, как справедливо отмечают А. А. Глухова и С. В. Изосимов, виктимологическая профилактика представляет собой элемент системы предупредительного воздействия на коррупционную преступность³⁶, антикоррупционную виктимологическую безопасность целесообразно представить в качестве структурного элемента системы предупреждения коррупционных преступлений, реализация которого осуществляется в таких формах, как восполнение пробельности правовой базы, вектор развития организационных механизмов, курс профессиональной подготовки кадров, внедрение передового опыта антикоррупционной виктимологической профилактики и т.д.

Цели антикоррупционной виктимологической профилактики известны — это сдерживание и снижение уровня виктимизации субъектов³⁷. Однако следует учитывать такую

³² Афанасьева Е. Указ. соч.

³³ Судебная практика по коррупционным преступлениям. Реальные примеры // URL: https://zakon.ru/blog/2020/04/02/sudebnaya_praktika_po_korrupcionnym_prestupleniyam_realnye_primery (дата обращения: 22.07.2022).

³⁴ Вишневецкий К. В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10.

³⁵ Аглямова Г. М. Указ. соч. С. 77–78.

³⁶ Глухова А. А., Изосимов С. В. Указ. соч. С. 114–115.

³⁷ Глухова А. А., Изосимов С. В. Указ. соч. С. 115.

особенность: с одной стороны, отсутствие персонификации жертв коррупционной преступности, с другой — спектральный разброс потенциальных жертв, от отдельно взятого лица (как физического, так и юридического), социальной группы, вовлеченных в коррупционные сети должностных лиц до общества в целом и самого государства. В зависимости от субъекта будут различаться и виды антикоррупционной виктимологической профилактики.

В качестве объекта антикоррупционной виктимологической профилактики представляется система виктимологических факторов.

Предполагается консолидация усилий специализированных и неспециализированных субъектов антикоррупционной виктимологической профилактики. Сюда относятся, к примеру, подразделения профилактики в правоохранительных структурах, различных гражданских ведомствах. Интересно предложение М. Н. Кулаковой, развивающей идею отечественных криминологов с учетом опыта зарубежных стран (наличие криминальных аналитиков в полицейских подразделениях) о создании единой межведомственной криминологической службы, включающей правоохранителей и гражданских представителей (в управлениях, отделах кадров), в том числе штатных криминологов³⁸. Привлекательность этого предложения представляется не только в его упрощенном и не слишком затратном характере (создание должности штатного криминолога вместо целой службы), но и в ценности практической реализации криминологической мысли в антикоррупционном противодействии.

Антикоррупционная виктимологическая профилактика (и в целом антикоррупционное противодействие) должна основываться на научном (в первую очередь криминологическом) обеспечении. Представляется перспективным создание (возрождение) криминологических лабораторий на базе современных национальных исследовательских университетов, одной из функций-задач которых стало бы выявление и исследование коррупциогенной (и виктимогенной) ситуации в целом, коррупциогенных (и виктимологических) факторов, их оценка, осуществление прогнозирования (и программирования), проведение антикоррупционного мониторинга и антикоррупционной экспертизы. Объектом антикоррупционной экспертизы, в

частности, являются различные превентивные меры, направленные на нейтрализацию виктимологических факторов, снижение уровня виктимизации потенциально виктимных субъектов, с учетом объективной реальности, региональных и муниципальных особенностей. Целесообразно проведение научных исследований объединенными усилиями криминологов, иных специалистов с привлечением студентов, аспирантов, соискателей.

Выявление и изучение виктимологических факторов коррупционного преступления должно стать важнейшим вектором антикоррупционной государственной политики и одним из приоритетных направлений антикоррупционной профилактики, ее виктимологической составляющей.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Анализ виктимологических факторов, продуцирующих коррупционную виктимность, необходим для повышения эффективности борьбы с коррупцией как социально-правовым явлением, коррупционной преступностью. Коррупционная преступность предстает как криминально-коррупционный феномен — совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития определенного образа жизнедеятельности людей.

Системная методология является перспективным подходом к научному исследованию коррупционной преступности как саморегулируемой совокупности взаимосвязанных элементов, или динамической открытой системы. Одним из таких элементов, или подсистем, выступают виктимологические факторы, поэтому изучать их следует во взаимодействии с другими факторами и элементами.

2. Виктимологический фактор может обладать влиянием разной силы: при нарастании — порождая виктимогенные обстоятельства, создавать благоприятные условия для виктимизации субъекта; при ослаблении — становясь нейтральным или препятствующим возникновению виктимогенных обстоятельств, виктимизации лица, способствовать девиктимизации. Таким образом, отмечается своеобразная полярность фактора — способность проявлять свойство разной степени интенсивности, изменяющейся направленности.

³⁸ Кулакова М. Н. Предупреждение коррупционных преступлений: правовые и организационно-управленческие основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2021. С. 18, 34.

Под виктимологическими факторами коррупционного преступления понимается синергетическая совокупность обстоятельств, в которых проявляются свойства, детерминирующие коррупционную виктимность.

3. Криминогенные (и коррупциогенные) и виктимологические факторы взаимосвязаны, поскольку первые продуцируют криминально-коррупционное поведение, формирование личности преступника, а вторые — виктимно-коррупционное поведение, становление жертвы.

Следствием синергии взаимодействия криминогенных и виктимологических факторов становится коррупционное преступление, причем возможно установление первопричины его совершения. Одной из таких главных причин, по результатам проведенного исследования, назван образ мыслей, способ видения мира через призму коррупции.

4. В результате коррупционной сделки, предстающей как дву- или многосторонняя сделка, субъектами которой выступают корруптер, коррупционер и, в ряде ситуаций, посредник, жертва не всегда персонифицирована (особенно если это взаимовыгодная двусторонняя сделка). В иных ее разновидностях (вымогательство взятки должностным лицом или инициативный подкуп должностного лица) возможно установление жертвы.

Жертвами коррупционной сделки могут становиться любые ее субъекты (должностное лицо, его контрагент и посредник), причем их личностные характеристики и поведенческие свойства способствуют возникновению и развитию виктимологической ситуации.

Должностное лицо, обладающее статусной виктимностью, оказывается вовлеченным в преступную деятельность, становится жертвой и преступником в одном лице (криминализованной жертвой).

Актуализируется проблема массовой виктимности, когда различные субъекты права

массово решают социальные и иные вопросы с помощью коррупционных сделок.

Посредник может оказаться вовлеченным в коррупционное преступление при фактическом отсутствии воли для оказания посреднических услуг, становясь при этом непосредственной жертвой, претерпевающей вред как следствие уголовной репрессии. Близкие и родные должностного лица или его контрагента могут оказаться втянутыми в коррупционную сделку в качестве посредников и в случае, если они не знали о предназначении передаваемого предмета в качестве взятки или коммерческого подкупа.

5. Любые внешние (ситуационные) факторы сами по себе не наделены виктимогенными или криминогенными свойствами, а приобретают соответствующую направленность благодаря человеческой деятельности, интеллектуальным и нравственным качествам лиц. Поэтому процесс виктимизации обусловлен совокупностью объективных и субъективных виктимологических и криминогенных факторов, детерминирующих формирование жертвы. Традиционно выделяемые в виктимологии (в соответствии с критериями частного, особенного и общего) уровни виктимности вполне применимы в отношении коррупционной виктимности: индивидуальная (физическое лицо как жертва вымогательства), групповая (муниципальные служащие как вероятные жертвы подкупа), видовая (предрасположенность субъекта стать жертвой коммерческого подкупа) и массовая (общество в целом перед коррупционной угрозой).

6. Антикоррупционная виктимологическая безопасность, определяемая как состояние защищенности субъекта от коррупционной угрозы, внешних и внутренних криминальных и виктимологических факторов, должна стать приоритетным направлением виктимологической профилактики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аглямова Г. М. Виктимологические аспекты предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2012. — Вып. 4. — С. 74–82.
2. Афанасьева Е. Посредничество во взяточничестве: особенности, виды наказания // URL: <https://ur-expert.com/posrednichestvo-vo-vzyatochnichestve/> (дата обращения: 22.07.2022).
3. Вишневецкий К. В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 10. — С. 154–157.

4. Гарипов И. М. Виктимологические факторы и виктимологические ситуации криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан // Виктимология. — 2016. — № 4 (10). — С. 23–35.
5. Глухова А. А., Изосимов С. В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия : учеб. пособие. — Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. — 158 с.
6. Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Коррупциогенная должность // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Право». — 2013. — № 2 (1). — С. 247–252.
7. Горшенков Г. Н. Преступление. Как его понимать? : монография. — Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2004. — 169 с.
8. Долгова А. И. Коррупционная преступность // Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2005. — 912 с.
9. Иванова А. А. Виктимологический аспект коррупционной сделки // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 4 (32). — С. 253–260.
10. Иванова А. А. Коррупционная угроза и гражданская самозащита // Ученые записки. — Т. 9. — Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2011. — С. 172–182.
11. Иванова А. А. Коррупция в сфере российского предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 3 (27). — С. 204–211.
12. Клименко Ю. А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — № 4. — С. 96–105.
13. Кулакова М. Н. Предупреждение коррупционных преступлений: правовые и организационно-управленческие основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Казань, 2021. — 33 с.
14. Савенко И. А. Виктимологический аспект коррупционных преступлений // Общество и право. — 2015. — № 4 (54). — С. 173–175.
15. Сидоров Б. В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — Казань, 1998. — 336 с.
16. Старков О. В. Криминология: Общая, Особенная и Специальная части : учебник. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2012. — 1048 с.
17. Шалагин А. Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 1 (27). — С. 62–65.
18. Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. — СПб. : Лань, 2001. — 259 с.

Материал поступил в редакцию 2 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Aglyamova GM. Viktimologicheskie aspekty preduprezhdeniya korruptsionnoy prestupnosti v sfere mestnogo samoupravleniya [Victimological aspects of corruption crime prevention in the field of local self-government]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» [Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law»]*. 2012;4:74–82. (In Russ.).
2. Afanasyeva E. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: osobennosti, vidy nakazaniya [Mediation in bribery: Features, types of punishment]. Available at: <https://yr-expert.com/posrednichestvo-vo-vzyatochnichestve> [cited July 22, 2022]. (In Russ.).
3. Vishnevetskiy KV. Mekhanizm viktimologicheskoy determinatsii [Mechanism of victimological determination]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*. 2014;10. (In Russ.).
4. Garipov IM. Viktimologicheskie faktory i viktimologicheskie situatsii kriminalnogo korruptsionnogo povedeniya v Respublike Tatarstan [Victimological factors and victimological situations of criminal corrupt behavior in the Republic of Tatarstan]. *Victimology [Viktimologiya]*. 2016;4(10):23–35. (In Russ.).
5. Glukhova AA, Izosimov SV. Viktimologicheskie faktory prestupnosti: istoriya, sovremennost i perspektivy predupreditelnogo vozdeystviya: ucheb. posobie [Victimological factors of crime: History, modernity and prospects of preventive impact. A course book]. N. Novgorod: Publishing house of the Volga-Vyatka Academy of Public Service; 2010. (In Russ.).

6. Gorshenkov GG, Gorshenkov GN. Korruptsiogennaya dolzhnost [Corruptiogenic position]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya «Pravo» [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series «Law»]*. 2013;2(1):247-252. (In Russ.).
7. Gorshenkov GN. Prestuplenie. Kak ego ponimat?: monografiya [Crime. How to understand it? A monograph]. N. Novgorod: Publishing House of UNN; 2004. (In Russ.).
8. Dolgova AI. Korruptsionnaya prestupnost [Corruption crime]. In: Dolgova AI, editor. *Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov [Criminology: A textbook for universities]*. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Norm; 2005. (In Russ.).
9. Ivanova AA. Viktimologicheskiy aspekt korruptsiionnoy sdelki [Victimological aspect of a corrupt transaction]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*. 2015;4(32):253-260. (In Russ.).
10. Ivanova AA. Korruptsionnaya ugroza i grazhdanskaya samozashchita [Corruption threat and civil selfdefense]. In: *Uchenye zametki [Scientific notes]*. Vol. 9. N. Novgorod: Publishing House of the Volga-Vyatka Academy of Public Service; 2011. Pp. 172–182. (In Russ.).
11. Ivanova AA. Korruptsiya v sfere rossiyskogo predprinimatelstva [Corruption in the sphere of Russian entrepreneurship]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*. 2013;3(27):204-211. (In Russ.).
12. Klimenko YuA. Kvalifikatsiya posrednichestva v kommercheskom podkupe i vzyatochnichestve [Classification of mediation in commercial bribery and bribery]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2016;4:96-105. (In Russ.).
13. Kulakova MN. Preduprezhdenie korruptsiionnykh prestupleniy: pravovye i organizatsionno-upravlencheskie osnovy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Prevention of corruption crimes: Legal and organizational and managerial foundations. Author's abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Kazan; 2021. (In Russ.).
14. Savenko IA. Viktimologicheskiy aspekt korruptsiionnykh prestupleniy [Victimological aspect of corruption crimes]. *Obshchestvo i pravo [Society and law]*. 2015;4(54):173-175. (In Russ.).
15. Sidorov BV. Povedenie poterpevshikh ot prestupleniya i ugolovnaya otvetstvennost: dis. ... d-ra yurid. nauk [The behavior of victims of crime and criminal liability. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Kazan; 1998. (In Russ.).
16. Starkov OV. Kriminologiya: Obshchaya, Osobennaya i Spetsialnaya chasti: uchebnik [Criminology: General, Special and Special parts. A textbook]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press Publ., 2012. (In Russ.).
17. Shalagin AE. Kriminalnaya viktimologiya: ponyatie, sodержanie, profilaktika [Criminal victimology: Concept, content, prevention]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia]*. 2017;1(27):62-65. (In Russ.).
18. Shestakov DA. Criminology: Prestupnost kak svoystvo obshchestva [Crime as a property of society]. St. Petersburg: Lan Publ., 2001. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.095-104

В. С. Латыпов*

Институт приостановления предварительного расследования: вопросы теории и нормативного регулирования

Аннотация. Автором предпринята попытка анализа действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также имеющейся в теории уголовно-процессуального права системы научных знаний на предмет необходимости совершенствования уголовно-процессуального института приостановления предварительного расследования. Достоверность результатов обеспечена путем комплексного использования общенаучных и частных методов для формулирования представления о современном уголовно-процессуальном институте приостановления предварительного расследования. Использование метода сравнительного исследования позволило автору прийти к выводу о возможности имплементации отдельных уголовно-процессуальных норм зарубежного законодательства, регулирующих институт приостановления уголовного дела. Использование метода исторического анализа позволило рассмотреть эволюцию данного процессуального института и выделить исторические этапы его правового развития. Статистический метод предусматривает исследование приостановления предварительного расследования на базе репрезентативного эмпирического материала, позволившего выявить объективные закономерности и сформулировать конкретные выводы (применялся при учете данных опроса граждан). В результате определены признаки, присущие институту приостановления предварительного расследования, а также сформулировано его авторское определение. Под приостановлением предварительного расследования следует понимать установленную уголовно-процессуальным законом комплексную деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц, включающую в себя принятие временного процессуального решения о приостановлении предварительного расследования, уголовного преследования, производства процессуальных действий по основаниям, препятствующим дальнейшему производству по уголовному делу, предусмотренным в законе, вплоть до их устранения.

По мнению автора, основными тенденциями развития института приостановления предварительного расследования являются: корректировка гл. 28 УПК РФ, заключающаяся в замене словосочетания «приостановление (возобновление) предварительного следствия» на «приостановление (возобновление) предварительного расследования»; расширение перечня оснований приостановления предварительного расследования; дополнение уголовно-процессуального законодательства соответствующей нормой, регламентирующей запрет принятия решения о приостановлении предварительного расследования, осуществляемого в сокращенной форме дознания; разрешение вопроса о производстве следственных действий по приостановленным уголовным делам.

Ключевые слова: предварительное расследование; уголовное дело; приостановление; следователь; дознаватель; сроки уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальная деятельность; уголовный процесс.

Для цитирования: Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования: вопросы теории и нормативного регулирования // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 95–104. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.095-104.

© Латыпов В. С., 2022

* Латыпов Вадим Сагитьянович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
ул. Муксинова, д. 2, г. Уфа, Россия, 450103
Vadi-latypov@yandex.ru

Institution of Preliminary Investigation Suspension: Issues of Theory and Statutory Regulation

Vadim S. Latypov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ul. Muksinova, d.2, Ufa, Russia, 450103
Vadi-latypov@yandex.ru

Abstract. The author attempts to analyze the current criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as the system of scientific knowledge available in the theory of criminal procedure law for the need to improve the criminal procedure institution of preliminary investigation suspension. The reliability of the results is ensured by the integrated use of general scientific and private methods allowing formulating an idea of the modern criminal procedure institution of preliminary investigation suspension. The use of the comparative research method allowed the author to conclude that it is possible to implement certain criminal procedural norms of foreign legislation regulating the institution of suspension of a criminal case. The method of historical analysis used in the study allowed us to consider the evolution of this procedural institution and highlight the historical stages of its legal development. The statistical method provides for the study of the suspension of the preliminary investigation based on representative empirical material, which made it possible to identify objective patterns and formulate specific conclusions (it was used when taking into account the results of a survey of citizens). As a result, the author determines the elements inherent in the institution of preliminary investigation suspension and defines the concept. The suspension of the preliminary investigation should be understood as the complex activity of the competent state bodies and officials established by the Criminal Procedure Law, including the adoption of a temporary procedural decision on the suspension of the preliminary investigation, criminal prosecution, the production of procedural actions on the grounds that prevent further criminal proceedings provided for in the law, up to their elimination.

According to the author, the main trends in the development of the institution of suspension of the preliminary investigation are: amendment of Chapter 28 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which consists in replacing the phrase «suspension (resumption) of the preliminary investigative activities» with «suspension (resumption) of the preliminary investigation»; expanding the list of grounds for suspending the preliminary investigation; supplementing the criminal procedure legislation with an appropriate norm regulating the prohibition of decision-making on the suspension of the preliminary investigation carried out in the abbreviated form of inquiry; resolution of the issue of the production of investigative actions in suspended criminal cases.

Keywords: preliminary investigation; criminal case; suspension; investigator; inquirer; terms of criminal proceedings; criminal procedural activity; criminal procedure.

Cite as: Latypov VS. Institut priostanovleniya predvaritelnogo rassledovaniya: voprosy teorii i normativnogo regulirovaniya [Institution of Preliminary Investigation Suspension: Issues of Theory and Statutory Regulation]. *Lex russica*. 2022;75(10):95-104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.095-104. (In Russ., abstract in Eng.)

Современная уголовно-процессуальная деятельность представляет собой основанную на законе процессуальную деятельность должностных лиц, государственных органов, а также иных лиц, как заинтересованных, так и не имеющих личных интересов в разрешаемом уголовно-правовом споре, реализующих различные процессуальные функции, направленную в целом на достижение назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Введение в действие упомянутого УПК РФ в июле 2022 г. определяется двадцатилетним рубежом, что позволяет оценить и подвести промежуточные результаты деятельности как законодателя, так и правопримени-

теля. Оценка правоприменительной деятельности допустима благодаря определению ее эффективности, которая, в свою очередь, также позволит проанализировать юридическую технику и совершенство нормативной основы.

Вместе с тем критерий эффективности в оценке государственной уголовно-процессуальной деятельности не имеет самостоятельной регламентации, более того, он не определен законодательно, несмотря на неоднократные упоминания о нем в решениях Конституционного Суда РФ. В свою очередь, в доктрине уголовно-процессуального права существуют достаточно разнообразные подходы к определению данного понятия и, соответственно, выявлению признаков, ему присущих. Не вдаваясь в

их детальный анализ, поскольку он не входит в предмет настоящего исследования, предлагаем воспользоваться авторской концепцией определения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, предложенной О. И. Даровских¹. К основным критериям определения эффективности автор относит следующие: справедливость, качество, доступность, экономичность, своевременность, достаточность, объективность, результативность.

В рамках настоящего исследования мы предлагаем рассмотреть эффективность уголовно-процессуальной деятельности в достижении назначения уголовного судопроизводства на примере института приостановления уголовного судопроизводства. Безусловно, каждый из указанных О. И. Даровских критериев является важной составляющей общего понятия эффективности, но полагаем, что предпринятый анализ данного процессуального института позволит раскрыть такой критерий эффективности, как результативность. В конечном счете результативность определяет целесообразность предпринимаемых уголовно-процессуальных мер, направленных на установление лица, совершившего преступление, формирование в отношении него необходимой доказательственной базы, утверждение обвинительного заключения (акта или постановления), а также применение справедливого законного и обоснованного приговора.

Так, согласно официальной информации, представленной Главным информационным аналитическим центром МВД России, за период с января по декабрь 2021 г. удельный вес от общего числа преступлений, приостановленных по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в процентном соотношении составляет 33,2 %, что на 0,8 % больше, чем за аналогичный период 2020 г. Причем анализ аналогичного показателя в динамике последних 5 лет (2019 г. — 26,9 %; 2018 г. — 23,1 %; 2017 г. — 21,7 %) позволяет выявить тенденцию к устойчивому росту количества уголовных дел, подлежащих приостановлению

по одному из предусмотренных ст. 208 УПК РФ оснований². Между тем анализ состояния преступности на региональном уровне, проведенный на примере Республики Башкортостан, субъекта Российской Федерации, в котором было выполнено настоящее исследование, свидетельствует о незначительном снижении данного показателя. Согласно имеющимся данным следственных подразделений МВД по Республике Башкортостан, количество приостановленных уголовных дел по одному из оснований, предусмотренных п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, составило 20 309, что на 6,3 % меньше, чем за аналогичный период 2020 г. Количество приостановленных по п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ уголовных дел составило всего 6, что на 1 меньше, чем за аналогичный период 2020 г.³

Обращение к статистическим данным на федеральном уровне позволяет сформировать определенное представление о результативности уголовного судопроизводства. Напомним, что, согласно вышеупомянутым официальным показателям, по состоянию на декабрь 2021 г. удельный вес приостановленных уголовных дел составил 33,2 %, т.е. приостановлению подлежало каждое третье зарегистрированное преступление.

Проведенный в рамках настоящего исследования опрос граждан об их отношении к возможности приостановления уголовных дел правоохранительными органами по различным законным основаниям в случае признания их потерпевшими позволил выявить достаточно любопытную закономерность. Так, 78,2 % респондентов выразили недовольство данной возможностью; 15,5 % отнеслись с пониманием; 6,3 % ответить затруднились⁴.

Возникает справедливый и вполне уместный вопрос о целесообразности приостановлений уголовно-процессуальных отношений по уголовным делам, необходимости данного процессуального института в современном уголовном процессе России и возможных путях его совершенствования.

¹ Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022.

² Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/6/> (дата обращения: 25.05.2022).

³ Официальный сайт МВД Республики Башкортостан. URL: <https://02.мвд.рф/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁴ Опрос проводился в период с апреля по май 2022 г. среди жителей и гостей Республики Башкортостан. В опросе приняло участие 142 респондента, из которых 84 — лица женского пола, 58 — мужского. Показатели опроса округлены до десятых.

Отметим, что действующее уголовно-процессуальное законодательство России не раскрывает понятия «приостановление предварительного расследования». Вместе с тем УПК РФ в своей структуре содержит самостоятельную главу 28, посвященную приостановлению и возобновлению предварительного следствия. Кроме того, в указанном нормативном акте существуют и другие нормы, раскрывающие основания и процессуальный порядок приостановления производства по уголовным делам на судебных стадиях уголовного процесса, — ст. 238, 253 УПК РФ.

Отсутствие легального определения данного понятия в науке уголовно-процессуального права породило разнообразие авторских подходов к раскрытию указанной дефиниции. Не вдаваясь в детальный анализ всего существующего многообразия имеющихся в теории подходов к определению данного понятия, отметим лишь некоторые из них. Так, например, И. М. Куновым рассмотрено приостановление в уголовном судопроизводстве в качестве самостоятельного вида уголовно-процессуальной деятельности⁵. Как одно из процессуальных решений следователя (дознателя) приостановление предварительного следствия (дознания) рассмотрено А. В. Никуленко и Е. А. Гордеевой⁶. Наиболее оригинальной позиции, на наш взгляд, придерживается В. В. Рябчиков, который выделяет институт приостановления предварительного расследования в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса⁷. Безусловно, каждый из представленных подходов имеет право на существование и может быть использован в фундаментальных и прикладных исследованиях. Мы же предлагаем выделить *основные признаки, присущие данному процессуальному институту*. Во-первых, приостановление предварительного расследования является промежуточным процессуальным решением, характеризующимся временной мерой, вызванной необходимостью устранения оснований, препятствующих дальнейшему производству, предусмотренных ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Во-вторых, юридически оформленное решение о приостановлении предвари-

тельного расследования предполагает прекращение производства любых процессуальных действий, но не приостанавливает реализацию непроцессуальных (оперативно-разыскной деятельности, в том числе направленной на розыск лица, привлекаемого к уголовной ответственности). И наконец, в-третьих, возникновение одного из перечисленных в ч. 1 ст. 208 УПК РФ оснований не является обязательным для поспешного принятия решения о приостановлении предварительного расследования, в то время как принятие решения о возобновлении, наоборот, должно быть незамедлительным в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 211 УПК РФ.

Выявление признаков, присущих институту приостановления предварительного расследования, позволяет сформулировать собственное авторское определение. Таким образом, *под приостановлением предварительного расследования следует понимать установленную уголовно-процессуальным законом комплексную деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц, включающую в себя принятие временного процессуального решения о приостановлении предварительного расследования, уголовного преследования, производства процессуальных действий по основаниям, препятствующим дальнейшему производству по уголовному делу, предусмотренным в законе, вплоть до их устранения*.

Институт приостановления предварительного расследования не является новеллой современного уголовного процесса, он знаком российским процессуалистам на протяжении длительного периода, но воспринимался законодателем не всегда однозначно.

Так, в томе XV Свода законов Российской империи 1857 г. содержится норма, регламентирующая общую продолжительность производства расследования в один месяц, за исключением случаев, когда лицо, «оговариваемое к преступлению», не отыскано (ст. 139). Кроме того, в ст. 280 указанного нормативного акта определены правила направления уголовных дел в суд, где среди прочего указано, что на-

⁵ Кунов И. М. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019. С. 11–12.

⁶ Актуальные проблемы уголовного процесса : учебник для вузов / под ред. канд. юрид. наук О. В. Логунова, канд. юрид. наук А. В. Кикотя, д-ра юрид. наук, проф. Э. К. Кутуева. СПб. : Астерион, 2022. С. 495.

⁷ Рябчиков В. В. Приостановление и возобновление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 7.

правлению подлежат также те дела, в которых не установлено лицо, совершившее преступление, либо не установлен факт совершенного преступления для производства судебного расследования и проверки «порядка производства следствия». Несмотря на то что закон прямо не предусматривает возможность приостановления предварительного расследования, все же считаем, что законодатель впервые отразил в нормативном акте потенциальные основания для последующего принятия подобного решения. Данный исторический период развития института приостановления предварительного расследования целесообразно именовать *дореформенным*.

Следующий исторический этап развития связан с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г., содержащего первое нормативное упоминание о возможности приостановления расследования (ст. 276, 277). При этом нужно отметить, что решение о приостановлении предварительного расследования принималось по решению суда, к которому следователь должен был обратиться через прокурора. К основаниям приостановления законодатель относил следственные ситуации, когда лицо, совершившее преступление, отсутствует либо обвиняемый скрылся. Данный период следует считать *пореформенным* (середина XIX — начало XX в.).

Затем необходимо выделить *советский период* развития института приостановления предварительного расследования (XX в.). За указанный отрезок времени анализируемый институт претерпел значительные изменения. Так, были введены новые основания приостановления уголовных дел: «наличие душевной болезни у обвиняемого; обвиняемый скрылся либо объявлен в розыск»⁸. Далее был принят УПК РСФСР 1922 г., в котором предусмотрена возможность приостановления предварительного следствия при наличии «невменяемого состояния обвиняемого» до его выздоровления. Решение о приостановлении принималось судом. Позднее, в 1923 г., принят следующий УПК РСФСР, определивший два самостоятельных основания приостановления предварительного расследования: «в случае неизвестности пребывания подсудимого, а также в случае его психического расстройства или

иного удостоверенного врачом, состоящим на государственной службе, тяжелого болезненного состояния» (ст. 202). Последующие изменения были внесены в анализируемый институт с принятием УПК РСФСР 1960 г. Данный нормативный акт впервые в своей структуре закрепил самостоятельную главу, посвященную процедуре приостановления и окончания предварительного следствия (гл. 17 УПК РСФСР 1960 г.). Законодателем были выделены следующие основания для приостановления предварительного следствия: в случае, когда обвиняемый скрылся от следствия или суда или когда по иным причинам не установлено его местопребывание; в случае психического или иного тяжкого заболевания обвиняемого, удостоверенного врачом, работающим в медицинском учреждении; в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Детальный анализ указанной главы позволяет констатировать тот факт, что в указанный исторический период на законодательном уровне происходит разграничение института приостановления предварительного расследования и окончания предварительного следствия, что находит свое логическое продолжение и нормативное закрепление в пришедшем на смену советскому современному УПК Российской Федерации 2001 г., ознаменовавшем наступление нового этапа развития института приостановления предварительного следствия — *современного* (начало XXI в. — настоящее время).

Не меньший научный интерес представляет анализ правового института приостановления предварительного расследования в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных зарубежных государств. Осознанно ограничим исследование данного вопроса лишь анализом предусмотренных оснований приостановления предварительного расследования, поскольку детальный комплексный анализ всего института приостановления в законодательстве зарубежных государств требует самостоятельного научного исследования.

Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджанской Республики⁹ предусмотрена самостоятельная норма, включающая в себя основания приостановления производства по уголовному преследованию (ст. 53). Процессу-

⁸ Положение о военных следователях. Петроград, 1919.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан по сост. на 23 апр. 2021 г. // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 19.05.2022).

альный порядок приостановления закреплен в ст. 277 УПК Азербайджанской Республики. Следует отметить, что азербайджанский законодатель дополнительно закрепил и иные нормы, составляющие в своей совокупности институт приостановления предварительного расследования. В отличие от российского уголовно-процессуального законодательства, в анализируемой модели уголовного процесса предусмотрено большее количество оснований для приостановления предварительного расследования. Помимо имеющих в отечественном процессе, азербайджанский УПК предусматривает также «нахождение за пределами Азербайджанской Республики; решение вопроса о лишении права на неприкосновенность или о выдаче иностранным государством лица, подвергнутого преследованию за совершение деяния, предусмотренного уголовным законом; обращение со стороны суда в Конституционный суд Азербайджанской Республики; приостановление судом исполнения постановления в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством во время уголовного преследования в связи с неисполнением судебных постановлений». При этом законодатель четко разграничивает вопросы приостановления уголовного преследования и производства по уголовному делу (ст. 53.2 УПК Азербайджанской Республики).

В то же время анализ оснований приостановления предварительного расследования, предусмотренных ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь¹⁰, также позволяет выделить существенные отличия от предусмотренных в ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В частности, белорусский законодатель выделяет такие основания, как «рассмотрение вопроса о выдаче иностранным государством, а также невозможность по объективным причинам прибыть к месту производства предварительного следствия в случае нахождения за пределами Республики Беларусь; невозможность производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного следствия; обнаружение безвестно исчезнувшего лица». При этом подчеркнем, что УПК Республики Беларусь в двух последних перечисленных основаниях не кон-

кретизирует, о производстве каких именно следственных действий и о каком именно безвестно исчезнувшем лице идет речь в данной норме.

Кроме того, существенные отличия в основаниях приостановления досудебного расследования следует выделить в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан. Так, отличными от оснований, предусмотренных в УПК РФ, являются «нахождение подозреваемого, обвиняемого вне пределов страны; выполнение процессуальных действий, связанных с получением правовой помощи; обнаружение безвестно исчезнувшего лица; отсутствие реальной возможности участия подозреваемого, обвиняемого в деле в связи с решением вопроса о лишении иммунитета от уголовного преследования либо об их выдаче (экстрадиции) иностранным государством; действие непреодолимой силы, временно препятствующей дальнейшему производству по уголовному делу; назначение по уголовному делу экспертизы» (ч. 7 ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан¹¹). Отдельные основания приостановления, предусмотренные данным нормативным актом, в частности связанные с получением правовой помощи либо осуществлением процедуры лишения процессуального иммунитета, нам видятся вполне прогрессивными. Относительно последнего основания приостановления — в связи с назначением по делу экспертизы — следует отметить, что данное основание в случае его имплементации не будет соответствовать общему правилу о запрете на производство следственных действий по приостановленному уголовному делу (ч. 3 ст. 209 УПК РФ).

Вместе с тем институт приостановления предварительного расследования не является универсальным для всех моделей уголовного процесса зарубежных стран, в том числе относящихся к континентальному типу. В подтверждение сказанного приведем высказывание В. Л. Головки по данному вопросу о французском уголовном судопроизводстве: «следственный судья при производстве предварительного следствия, исчерпав все возможности для его продолжения, приостанавливает и возобновляет свою деятельность исключи-

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 // URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=175;-62 (дата обращения: 19.05.2022).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 19.05.2022).

тельно в фактическом смысле вне рамок какого-то процессуального механизма, т.е. не принимая об этом никаких специальных процессуальных решений»¹².

Хотелось бы отметить, что с момента принятия УПК РФ 2001 г., в структуру которого вошла самостоятельная глава 28, регламентирующая процедуру приостановления и возобновления предварительного следствия, неоднократно вносились изменения, что свидетельствует о динамике, существующей в правовом регулировании данного вида деятельности. Обзор вносимых изменений позволяет выделить основные направления работы законодателя по данному вопросу. Так, изменения, внесенные в 2002–2003 гг., позволили принимать решение о приостановлении предварительного расследования в отношении не только обвиняемого, как это было предусмотрено в УПК РСФСР 1960 г., но и подозреваемого (изменения коснулись п. 2–4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ); в 2007 г. законодатель скорректировал ч. 2 ст. 211 УПК РФ, в которой предусмотрел возможность возобновления производства по постановлению руководителя следственного органа, исключив прокурора и начальника следственного отдела; в 2010 г. добавлено основание возобновления предварительного следствия, введен п. 3 ч. 1 ст. 211 УПК РФ, а также введена ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ, регламентирующая процессуальный порядок отмены прокурором решения о приостановлении; в 2015 г. законодатель введением ч. 6–7 ст. 208 УПК РФ конкретизирует отдельные действия, связанные с приостановлением уголовного дела, в котором применена такая мера процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество; и наконец, в 2017 г. введена ч. 8 ст. 208 УПК РФ, регламентирующая процедуру обеспечения безопасности лиц, нуждающихся в государственной защите по приостановленным уголовным делам.

Между тем кажущаяся активность законодателя по изменению процедуры приостановления предварительного расследования не имеет системного характера и характеризуется фрагментарностью.

Проведенный анализ соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства, судебно-следственной практики, а также изучение результатов исследований по данной проблематике, имеющих в доктрине

уголовно-процессуального права, позволяют выделить основные тенденции развития института приостановления предварительного расследования.

1. *Корректировка гл. 28 УПК РФ, заключающаяся в замене словосочетания «приостановление (возобновление) предварительного следствия» на «приостановление (возобновление) предварительного расследования».* Не вполне обоснованным и логичным видится наименование гл. 28 УПК РФ. Буквальное толкование закона не позволяет применять предусмотренную в данной главе процедуру приостановления и возобновления предварительного расследования при осуществлении производства в форме дознания, в то время как в гл. 32 УПК РФ законодателю пришлось отдельно создавать отсылочную норму, согласно которой приостановление производства дознания производится по правилам приостановления предварительного следствия.

2. *Расширение перечня оснований приостановления предварительного расследования.* Проведенный анализ уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран позволил выявить прогрессивные, на наш взгляд, и перспективные в плане имплементации основания для приостановления предварительного расследования. Среди указанных оснований следует выделить: нахождение за пределами Российской Федерации обвиняемого и подозреваемого; невозможность производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного следствия; выполнение процессуальных действий, связанных с получением правовой помощи; отсутствие реальной возможности участия подозреваемого, обвиняемого в деле в связи с решением вопроса о лишении иммунитета от уголовного преследования; действие непреодолимой силы (природного или техногенного характера), временно препятствующей дальнейшему производству по уголовному делу.

Кроме того, в теории уголовно-процессуального права также озвучиваются предложения о дополнении ч. 1 ст. 208 УПК РФ следующими основаниями: временным тяжелым заболеванием потерпевшего, удостоверенным медицинским заключением, препятствующим его участию в следственных и иных процессуаль-

¹² Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016.

ных действиях (Л. В. Кокорева, М. В. Дульцев)¹³; необходимостью восстановления утраченного уголовного дела (К. А. Сергеев)¹⁴ и др.

Вместе с тем законодателю следует с осторожностью и крайней степенью вдумчивости относиться к вопросу о расширении оснований для приостановления предварительного расследования, поскольку это непременно приведет к существенному росту удельного веса количества приостановленных уголовных дел. Возможный статистический рост данного показателя, как следствие, приведет к недоверию граждан к правоохранительной системе и системе уголовного правосудия в целом.

3. *Дополнение уголовно-процессуального законодательства соответствующей нормой, регламентирующей запрет принятия решения о приостановлении предварительного расследования, осуществляемого в сокращенной форме дознания.* Мы разделяем позицию, высказанную В. Ю. Стельмахом и А. В. Гриненко, о недопустимости применения института приостановления предварительного расследования в сокращенной форме дознания¹⁵. Специфика данной формы заключается в ускоренном производстве предварительного расследования без процессуальных и организационных обременений, в то время как необходимость приостановления предполагает наличие препятствий нормальному ходу расследования, выраженное в возникновении предусмотренных ч. 1 ст. 208 УПК РФ оснований.

Разделяя позицию В. Ю. Стельмаха о том, что в случае возникновения необходимости приостановления предварительного расследования, осуществляемого в сокращенной форме дознания, целесообразно принять предварительное решение о производстве дознания в общем порядке, в свою очередь, отметим необходимость внесения соответствующего изменения в УПК РФ. В частности, следует дополнить ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ пунктом 7: «возникла необ-

ходимость приостановления предварительного расследования в порядке главы 28 настоящего Кодекса».

4. *Разрешение вопроса о производстве следственных действий по приостановленным уголовным делам.* С. М. Якубова отмечает, что в теории уголовно-процессуального права существуют различные позиции по данному вопросу¹⁶. Одни считают, что законодателю следует допустить возможность производства следственных действий по приостановленному уголовному делу (С. М. Кургинян, В. Е. Гущев, А. М. Попов и др.). Полагаем, что аналогичное решение принято казахстанским законодателем, допустившим в качестве оснований приостановления досудебного расследования назначение экспертизы (ч. 7 ст. 45 УПК Республики Казахстан). Вторая группа ученых не столь радикальна и предлагает допустить возможность завершения начатых до принятия решения о приостановлении предварительного расследования следственных действий (В. В. Дорошков, Н. А. Патов). И наконец, третья группа ученых (В. Ю. Стельмах, С. М. Якубова и др.) разделяет действующую позицию законодателя и считает недопустимым производство каких-либо следственных действий по приостановленному уголовному делу. Мы солидарны с мнением последней группы и не допускаем возможности производства следственных действий по приостановленным уголовным делам.

Таким образом, в ходе проведенного исследования нам удалось выделить основные признаки, присущие уголовно-процессуальному институту приостановления предварительного расследования; сформулировать собственное авторское определение данной деятельности; определить исторические периоды развития с обозначением основных изменений, коснувшихся данного института; выделить отдельные особенности правового регулирования оснований приостановления предварительного рас-

¹³ Кокорева Л. В., Дульцев М. В. Проблемы правоприменительной практики по приостановлению производства по уголовному делу // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 56–62.

¹⁴ Сергеев К. А. Приостановление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 31.

¹⁵ Стельмах В. Ю. Понятие, признаки и основания приостановления производства предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3 (25). С. 87–92 ; Гриненко А. В. Приостановление предварительного расследования: законодательные и правоприменительные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2018. № 1. С. 139–148.

¹⁶ Якубова С. М. Приостановление предварительного расследования по уголовному делу : учебное пособие. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020.

следования в уголовном процессе отдельных зарубежных стран; проанализировать изменения, внесенные российским законодателем в нормативное регулирование института приостановления предварительного расследования с момента принятия УПК РФ, а также выделить основные тенденции развития данного института.

Приостановление предварительного расследования является необходимой государ-

ственной мерой, вызванной такими обстоятельствами, как необходимость завершения предварительного расследования в установленные законом сроки в затрудняющих расследование условиях. Как бы это ни было парадоксально, но именно приостановление позволяет осуществить расследование уголовного дела в разумные сроки, предусмотренные действующим процессуальным законодательством (ст. 6.1 УПК РФ).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы уголовного процесса : учебник для вузов / под ред. канд. юрид. наук О. В. Логунова, канд. юрид. наук А. В. Кикотя, д-ра юрид. наук, проф. Э. К. Кутуева. — СПб. : Астерион, 2022.
2. Гриненко А. В. Приостановление предварительного расследования: законодательные и правоприменительные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2018. — № 1. — С. 139–148.
3. Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Челябинск, 2022. — 60 с.
4. Кокорева Л. В., Дульцев М. В. Проблемы правоприменительной практики по приостановлению производства по уголовному делу // Труды Академии управления МВД России. — 2019. — № 4 (52). — С. 56–62.
5. Кунов И. М. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ульяновск, 2019. — 30 с.
6. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Голловко. — М. : Статут, 2016. — 1276 с.
7. Рябчиков В. В. Приостановление и возобновление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2006. — 25 с.
8. Сергеев К. А. Приостановление предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2002. — 33 с.
9. Стельмах В. Ю. Понятие, признаки и основания приостановления производства предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2016. — № 3 (25). — С. 87–92.
10. Якубова С. М. Приостановление предварительного расследования по уголовному делу : учебное пособие. — Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. — 88 с.

Материал поступил в редакцию 27 мая 2022 г.

REFERENCES

1. Darovskikh OI. Teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy obespecheniya effektivnosti ugolovno-protsessualnoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Theoretical, legal and organizational bases of ensuring the effectiveness of criminal procedural activity. Author's Abstract of the Dr. Sci. (Law) Dissertation. Chelyabinsk; 2022. (In Russ.).
2. Kunov IM. Protsessualnye polnomochiya prokurora po obespecheniyu zakonnosti priostanovleniya ugolovnoogo dela: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Procedural powers of the prosecutor ras to ensure the legality of the suspension of a criminal case. Author's Abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Ulyanovsk; 2019. (In Russ.).
3. Logunov OV, Kikot AV, Kituev EK, editors. Aktualnye problemy ugolovnoogo protsesssa: uchebnik dlya vuzov [Topical issues of the criminal procedure. A textbook for university students]. St. Petersburg: Asterion Publ.; 2022. (In Russ.).

4. Ryabchikov VV. Priostanovlenie i vozobnovlenie predvaritelnogo rassledovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Suspension and resumption of the preliminary investigation. Author's Abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Vladimir; 2006. (In Russ.).
5. Arutyunyan AA, Brusnitsin LV, Vasiliev OL, [et al.]. Kurs ugolovnogogo protsessa [Criminal Procedure]. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
6. Kokoreva LV, Dultsev MV. Problemy pravoprimeritelnoy praktiki po priostanovleniyu proizvodstva po ugolovnomu delu [Problems of law enforcement on the suspension of criminal proceedings]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*. 2019;4(52). (In Russ.).
7. Sergeev KA. Priostanovlenie predvaritelnogo rassledovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Suspension of the preliminary investigation. Author's Abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Ekaterinburg; 2002. (In Russ.).
8. Stelmakh VYu. Ponyatie, priznaki i osnovaniya priostanovleniya proizvodstva predvaritelnogo rassledovaniya [The concept, features and grounds for suspending the preliminary investigation]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia]*. 2016;3(25). (In Russ.).
9. Grinenko AV. Priostanovlenie predvaritelnogo rassledovaniya: zakonodatelnye i pravoprimeritelnye problemy [Preliminary Investigation Suspension: Legislative and Law Enforcement Problems]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Jurisprudentsiya» [Bulletin of the Moscow State Region University. Series «Jurisprudence»]*. 2018;1. (In Russ.).
10. Yakubova SM. Priostanovlenie predvaritelnogo rassledovaniya po ugolovnomu delu: uchebnoe posobie [Suspension of preliminary investigation in a criminal case: A textbook]. Krasnoyarsk: SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.105-112

Н. Ю. Скрипченко*

Усиление уголовной репрессии за криминальные посягательства на несовершеннолетних: очередной шаг в реализации стратегии или иррациональная нормативная активность?

Аннотация. Статья содержит комплексный анализ изменений, внесенных в УК РФ Федеральными законами от 28.01.2022 № 3-ФЗ и от 06.03.2022 № 38-ФЗ. Отмечая очередной виток усиления уголовной репрессии за педофильные посягательства, автор обращает внимание на законодательный перекосяк в оценке общественной опасности деяний, так как изнасилование или насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении двух и более несовершеннолетних, наказываются строже, чем убийство указанных потерпевших. Выявив технико-юридические изъяны в содержании ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, автор обозначает вопросы, которые могут возникнуть при квалификации насильственных половых преступлений, совершенных в отношении двух или более несовершеннолетних; сопряженных с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности; при специальном рецидиве. Критически оценивая содержание ч. 3 ст. 133 УК РФ, автор поднимает вопрос обоснованности усиления уголовной ответственности за групповое понуждение к действиям сексуального характера только в отношении несовершеннолетних (п. «а»); отнесения «использования средств массовой информации» к числу признаков, повышающих общественную опасность харассмента. Особое внимание автор уделяет одному из явных дефектов норм гл. 18 УК РФ, попирающих принципы равноправия и справедливости, а именно нормативному размежеванию по степени общественной опасности полового сношения и мужеложства или лесбиянства с лицом, не достигшим 16 лет, что не соответствует принципу равенства по гендерному признаку. Проведенный правовой анализ свидетельствует не о последовательной нормативной реализации стратегического курса, а о спонтанности решений, направленных на решение частных задач.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности; несовершеннолетний; специальный рецидив; совокупность преступлений; насилие; дифференциация уголовной ответственности; криминологическая обоснованность; юридическая техника.

Для цитирования: Скрипченко Н. Ю. Усиление уголовной репрессии за криминальные посягательства на несовершеннолетних: очередной шаг в реализации стратегии или иррациональная нормативная активность? // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 105–112. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.105-112.

Strengthening Criminal Repression for Criminal Assaults on Minors: Is It One More Step in Implementation of the Strategy or Irrational Regulatory Activity?

Nina Yu. Skripchenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
nab. Severnoy Dviny, d. 17, Arkhangelsk, Russia, 163002
n.skripchenko@narfu.ru

Abstract. The paper contains a comprehensive analysis of the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Laws No. 3-FZ dated January 28, 2022 and No. 38-FZ dated March 06, 2022. Noting

© Скрипченко Н. Ю., 2022

* Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова
наб. Северной Двины, д. 17, г. Архангельск, Россия, 163002
n.skripchenko@narfu.ru

the next round of strengthening criminal repression for pedophile assaults, the author draws attention to the legislative bias in assessing the public danger of acts, since rape or violent sexual acts committed against two or more minors are punished more severely than the murder of these victims. Having identified technical and legal flaws in the content of Part 5 of Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author identifies issues that may arise when qualifying violent sexual crimes committed against two or more minors; involving the commission of another grave or especially grave crime against the person; with a special relapse. Critically assessing the content of Part 3 of Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author raises the question of the validity of strengthening criminal liability for group coercion to sexual acts only against minors (paragraph «а»); attribution of «use of mass media» to the number of signs that increase the public danger of harassment. The author pays special attention to one of the obvious defects of the norms of Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, which violate the principles of equality and justice, namely, the normative separation according to the degree of public danger of sexual intercourse and sodomy or lesbianism with a person under the age of 16, which does not correspond to the principle of gender equality. The conducted legal analysis testifies not to the consistent normative implementation of the strategic course, but to the spontaneity of decisions aimed at solving particular problems.

Keywords: crimes against sexual integrity; minor; particular recidivism; set of crimes; violence; differentiation of criminal responsibility; criminological validity; legal technique.

Cite as: Skripchenko NYu. Usilenie ugolovnoy repressii za kriminalnye posyagatelstva na nesovershennoletnikh: ocherednoy shag v realizatsii strategii ili irratsionalnaya normativnaya aktivnost? [Strengthening Criminal Repression for Criminal Assaults on Minors: Is It One More Step in Implementation of the Strategy or Irrational Regulatory Activity?]. *Lex russica*. 2022;75(10):105-112. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.105-112. (In Russ., abstract in Eng.).

Повышенное внимание государства к вопросам охраны прав и интересов несовершеннолетних обусловлено множеством факторов политического, идеологического, экономического и социального характера. Уголовная репрессия занимает особое место среди средств, используемых публичной властью в охранительном механизме. В последние годы законодатель все активнее стал прибегать к уголовно-правовым резервам, расширяя перечень антиювенальных преступлений, дифференцируя ответственность с учетом возраста потерпевшего, ужесточая санкции за действия, посягающие на права и законные интересы несовершеннолетнего. Федеральными законами от 28.01.2022 № 3-ФЗ¹ и от 06.03.2022 № 38-ФЗ² нормы, охраняющие половую неприкосновенность и нравственное развитие детей, вновь подверглись изменениям, выдержанным в русле усиления уголовной репрессии. Первый из указанных законов расширил содержание ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, отнес к числу самых опасных (исходя из санкции) деяния в форме изнасилования и насильственных действий сексуального характера:

- совершенные лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности³ (п. «а»);
- совершенные в отношении двух или более несовершеннолетних (п. «б»);
- сопряженные с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. «в»).
Второй закон дополнил ст. 133 УК РФ частью 3, устанавливающей более строгое наказание за понуждение несовершеннолетнего к действиям сексуального характера, совершенное:
  - группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а»);
  - с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (п. «б»);
  - лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности (п. «в»).
 В пункте «б» ч. 3 ст. 242 и п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ присоединительный союз «в том числе»

¹ Федеральный закон от 28.01.2022 № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 5. Ст. 677.

² Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

был заменен на разделительный «либо», что расширило содержание соответствующего квалифицирующего признака, обеспечив более строгое наказание лиц, использующих информационно-телекоммуникационные сети, в том числе Интернет, в процессе распространения среди несовершеннолетних порнографических материалов или предметов, а также осуществляющих оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Новый закон криминализировал в ч. 1 ст. 316 УК РФ заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, отнеся укрывательство особо тяжких преступлений к деяниям, охватываемым частью 2 указанной нормы.

Редактированию подверглись и нормы Общей части УК РФ. Расширив содержание п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, законодатель устранил пробел, препятствующий судам учитывать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в отношении несовершеннолетнего лицом, осуществляющим трудовую деятельность (в том числе на основании гражданско-правового договора, например няни) во всех сферах коммуникации с детьми, а также лицом, совместно проживающим с несовершеннолетним.

Наличие социальных оснований для реформирования закона в означенном направлении не вызывает сомнений, содержательный же анализ новых норм актуализирует вопросы криминологической обоснованности и выдержанности в рамках требований юридической техники.

Отличающаяся лаконичностью (объем не более страницы) пояснительная записка⁴, сопровождающая проект закона, расширяющего содержание ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, не только не содержит данных, подтверждающих необходимость и целесообразность усиления уголовной репрессии, но и обходит молчанием выбор при-

знаков, предлагаемых к закреплению в числе особо квалифицирующих. Ожидаемый же инициатором реформ позитивный результат регулирующего воздействия новых норм — «более эффективно применять в качестве наказания пожизненное лишение свободы» — не только демонстрирует отсутствие стратегии совершенствования законодательства, но и свидетельствует о поспешном, не отражающем реальную проработку последствий принятия закона. Данный тезис подтверждает и финансово-экономическое обоснование законопроекта, принятие которого, судя по пояснительной записке, не требует дополнительных бюджетных и внебюджетных ассигнований, что не соответствует действительности, так как увеличение сроков изоляции осужденных всегда влечет рост государственных расходов, а также незначительный временной диапазон (чуть более месяца) между принятием двух сходных по сфере регулирования федеральных законов.

Ужесточение наказаний за преступления против половой неприкосновенности — один из трендов современной уголовной политики, о чем наглядно свидетельствуют поправки, внесенные в УК РФ Федеральными законами от 27.06.2009 № 215-ФЗ⁵ и от 29.02.2012 № 14-ФЗ⁶. Накопленный же опыт показывает, что увеличение карательных издержек сопровождается сокращением социально-экономических мер предупреждения преступности, которые не восполнить ужесточением санкций, что грозит обратным эффектом. Неслучайно тезис о низкой эффективности усиления уголовной ответственности в деле борьбы с преступностью носит догматический характер.

Следует обратить особое внимание на то, что «расширение потенциала действующих санкций»⁷ увеличило перекос в оценке тяжести насильственных преступлений, так как совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении двух

³ До изменений ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ охватывала только сексуальные посягательства, совершенные лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних, в новой редакции данный признак распространен и на потерпевших, не достигших 18 лет.

⁴ См.: паспорт проекта федерального закона № 1248305-7 «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» // СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3921.

⁶ Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

⁷ См.: паспорт проекта федерального закона № 1248305-7.

и более несовершеннолетних (п. «б» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ) влечет более строгое наказание (от 15 до 20 лет лишения свободы), чем убийство (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) указанных потерпевших (от 8 до 20 лет лишения свободы). Вряд ли можно привести криминологически значимые аргументы, оправдывающие переоценку приоритетов в системе объектов уголовно-правовой охраны.

Выявленный дисбаланс усугубляет охват ст. 132 УК РФ развратных действий, совершенных в отношении малолетних, не достигших 12 лет. Учитывая, что педофилы преимущественно совершают криминальные деяния посредством информационно-телекоммуникационных сетей, что создает условия для посягательства на двух и более несовершеннолетних, можно прогнозировать практическую востребованность п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ, при этом под самые строгие санкции подпадут лица, фактически совершающие бесконтактные действия сексуального характера. Бесспорно, сексуальные посягательства на детей требуют самых строгих мер государственного порицания, но наказуемость развратных действий строже убийства не только актуализирует вопрос о реализации принципа справедливости, но и нарушает систему оценки деяний с учетом характера и степени общественной опасности, на которой базируется уголовный закон⁸.

Следует отметить, что уже нарабатанная с 2012 г. практика осуждения развратников по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ демонстрирует существенные различия в оценке общественной опасности деяний, охватываемых указанной

нормой законодателем и правоприменителем. Вынося обвинительные приговоры по ч. 4 ст. 132 УК РФ, суды не только не выходят за медиану санкции указанной нормы, назначая более чем половине осужденных (около 66 %) наказание в пределах минимальной границы (12 лет), а каждому третьему — ниже низшего предела, но и усматривают основания для назначения уголовного наказания более мягкого вида (около 1,5 %) ⁹.

Прогнозируемая перспективная востребованность п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ за счет сокращения п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ стимулирует применение судами норм, устанавливающих специальные правила об обязательном смягчении наказания, тая угрозы реализации не в целях стимулирования позитивного посткриминального поведения и поощрения виновного, а в целях компенсации избыточной репрессивности уголовного закона.

В пункте «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ нашел отражение один из самых спорных в доктрине уголовного права квалифицирующих признаков — признак, отражающий сопряженность криминального деяния с другим. По делам об убийствах сложилась практика, допускающая одновременное вменение соответствующего пункта ч. 2 ст. 105 УК РФ и сопряженного преступления, но она вызывает критические замечания ученых как противоречащая ч. 1 ст. 17 УК РФ, исключающей совокупность преступлений в случаях совершения двух и более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание ¹⁰.

⁸ Подробнее см.: Скрипченко Н. Ю. Новое в уголовно-правовой охране несовершеннолетних // Журнал прикладных исследований. 2022. № 4. Т. 2. С. 183–187.

⁹ Анализ форм № 10.3.1 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы № 10.3)» за 2017–2021 гг., размещенных на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, свидетельствует, что из 1 386 осужденных по ч. 4 ст. 132 УК РФ в 2021 г. 30,5 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (из них 55,4 % — на срок от 5 до 8 лет, 36,5 % — от 2 месяцев до 5 лет), 66,9 % осуждены на срок от 10 до 15 лет. Сходные данные отмечаются и годами ранее: в 2020 г. из 1 038 осужденных 33,2 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (52,4 % — от 5 до 8 лет, 38,5 % — от 2 месяцев до 5 лет), 65,0 % — от 10 до 15 лет; в 2019 г. из 1 251 осужденных 32 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (53,8 % — от 5 до 8 лет, 37,9 % — от 2 месяцев до 5 лет), 65,7 % — от 10 до 15 лет; в 2018 г. из 1 180 осужденных 29,9 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (50,1 % — от 5 до 8 лет, 39,3 % — от 2 месяцев до 5 лет), 66,9 % — от 10 до 15 лет; в 2017 г. из 1 172 осужденных 30,8 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (50,4 % — от 5 до 8 лет, 39,0 % — от 2 месяцев до 5 лет), 66,9 % — от 10 до 15 лет. Кроме того, ежегодно около 20 обвиняемых по ч. 4 ст. 132 УК РФ осуждается условно или к наказаниям, не связанным с лишением свободы. См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 10.07.2022).

¹⁰ См., например: Есаков Г. А. Квалификация убийства, сопряженного с иными преступлениями, или *Cuiusvis hominis est errare* (и законодатель не исключение) // Российский судья. 2004. № 12. С. 20–26 ;

Системность реализации уголовно-правовых норм определяет формирование практики в заданном направлении и по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории, актуализируя вопросы выдержанности новых норм в рамках принципов законности и справедливости.

Следует отметить, что, в отличие от состава убийства, конкретизирующего сопряженные криминальные посягательства, новые нормы не перечисляют сопровождающие изнасилование или насильственные действия сексуального характера преступления. Ориентируя правоприменителя на характер сопряженного посягательства (против личности, за исключением п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и его категорию (тяжкое или особо тяжкое), законодатель ставит перед органами уголовной юстиции вопросы, связанные не только с определением содержания противоправных посягательств, но и с установлением механизма их сопряженности с насильственными половыми преступлениями. Отличное от п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ нормативное наполнение п. «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, очевидно, исключает механическое дублирование подходов, выработанных судебной практикой при квалификации убийства, ориентирующих на наличие сопряженности в случаях лишения жизни потерпевшего: 1) в процессе совершения сопряженного преступления; 2) с целью его скрыть; 3) по мотивам мести за оказанное сопротивление (абз. 3 п. 13¹¹). Вместе с тем отягчающая связь криминальных действий с сексуальными посягательствами на детей обусловлена сопутствующим, взаимосвязанным характером посягательства, при этом ряд преступлений против личности уже заложен в конструкцию составов, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ. Принимая во внимание возрастные характеристики потерпевшего, охватываемого ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, способы совершения указанных преступлений и общественно опасные последствия, которые заложены в конструкцию данных составов, а также законодательные ограничения в части объекта

посягательства и категорий, к сопряженным преступлениям можно отнести умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1–4 ст. 111 УК РФ), квалифицированные и особо квалифицированные виды похищения человека (ч. 2–3 ст. 126 УК РФ). Первый состав не охватывается насильственными половыми преступлениями и требует самостоятельной правовой оценки, при этом виновный может прибегать к такому насилию и в целях подавления сопротивления потерпевшей (потерпевшего), и из мести за оказанное сопротивление. Сексуальное насилие над похищенной жертвой также образует самостоятельный состав и укладывается в выработанные критерии сопряженности.

Очевидно, что к числу сопряженных могут быть отнесены и преступления против половой неприкосновенности, например совершение в любой последовательности изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении одного и того же потерпевшего или совершение развратных действий, переросших в насильственные сексуальные посягательства. Однако значительный временной разрыв между соответствующими криминальными посягательствами может исключать их сопутствующий, взаимосвязанный характер, равно как и вменение рассматриваемого особо квалифицирующего признака. Вместе с тем по делам об убийствах временной разрыв между лишением жизни и сопряженным преступлением не исключает вменения соответствующего квалифицирующего признака, актуализируя вопрос о соответствующей правовой оценке в рамках п. «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ.

Следует также обратить внимание на то, что на основании п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹² самоубийство или попытка самоубийства потерпевшего отнесены к числу «иных тяжких последствий», альтернативно закрепленных в п. «б» ч. 3 ст. 131 и 132 УК РФ, однако соответствующей частью указанных норм не охва-

Губин Е. А. Сопряженность убийства и действий сексуального характера // Уголовное право. 2018. № 6. С. 32–36 ; Сидорова Е. З., Иванова А. Л. О некоторых проблемах множественности преступлений в российском уголовном праве // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 115–125.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

тываются посягательства на потерпевших, не достигших 14 лет. Следовательно, доведение малолетнего до самоубийства путем жесткого обращения в форме изнасилования или насильственных действий сексуального характера (ч. 2 ст. 110 УК РФ) может быть отнесено к числу сопряженных преступлений в рамках п. «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ. Однако ссылаясь на диспозицию ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, ориентирующая на особо квалифицирующие признаки, учитывающие возраст потерпевшего, ставит вопрос об актуальности приведенных выше разъяснений.

Отнесение судимости к числу квалифицирующих признаков состава преступления не только вызывает критические замечания представителей правовой науки, оценивающих соответствующее решение законодателя как реверсию теории опасной личности¹³, но и уже оспаривалось на предмет соответствия Основному закону, так как учет судимости в конструкции состава заменяет и дублирует рецидив, что влечет неоправданное ужесточение наказания, значительное усиление репрессивной направленности УК РФ, нарушая принципы справедливого и соразмерного наказания¹⁴.

В пояснительной записке к законопроекту, расширяющему уголовно-правовое значение специального рецидива в рамках ст. 131 и 132 УК РФ, отсутствует обоснование потребности реформ, а закрепление указанного признака в новой ч. 3 ст. 133 УК РФ обосновывается данными, отражающими незначительный удельный вес (1–3 % от общего числа осужденных за насильственные преступления сексуального характера в отношении детей) лиц, осужденных за сексуальное насилие в отношении детей и имеющих судимость за ранее совершенные преступления

против половой неприкосновенности, что, по мнению инициатора реформ, «свидетельствует об эффективности противодействия рецидивной преступности в этой сфере и результативности применения мер административного надзора»¹⁵. Вряд ли данную информацию следует признать достаточной для подобных выводов, так как о действенности реформ можно судить на основе сравнительного анализа данных, отражающих ситуацию до и после их реализации (при этом нужно учитывать и отложенное действие запрета обратной силы действия репрессивного уголовного закона). Дополнительно сто́ит отметить непоследовательность законодательного решения о расширении уголовно-правового значения специального рецидива, так как изменениям подверглись только ст. 131, 132 и 133 УК РФ. В аналогичных по содержанию особо квалифицированных составах ч. 6 ст. 134 и ч. 6 ст. 136 УК РФ специальный рецидив остался привязан к возрасту потерпевшего: от 12 до 14 лет.

Определяя в ч. 3 ст. 133 УК РФ обстоятельства, влекущие более строгое наказание за понуждение к действиям сексуального характера, законодатель, на наш взгляд, отступил от правил юридической техники. В частности, отнеся групповой способ совершения преступления к числу квалифицирующих признаков (п. «а»), законодатель распространил его только на посягательства, совершенные в отношении несовершеннолетних, актуализируя вопрос о причинах игнорирования дифференциации уголовной ответственности за групповой харассмент лиц, достигших восемнадцати лет (в насильственных половых преступлениях соответствующий квалифицирующий признак не зависит от возраста жертвы).

¹³ См., например: *Мартыненко Э. В.* Возвращение в Уголовный кодекс Российской Федерации судимости в качестве квалифицирующего признака преступления — новое или хорошо забытое старое? // *Российский следователь.* 2022. № 3. С. 46–49; *Иванов Н. Г.* Уголовная политика России и совершенствование уголовного законодательства // *Уголовное право.* 2017. № 4. С. 47–49; *Иванов Н. Г.* Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // *Российская юстиция.* 2017. № 1. С. 17–20.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26.05.2000 “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: паспорт проекта федерального закона № 388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних) // СПС «КонсультантПлюс».

В пункте «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ нашел отражение признак, не типичный¹⁶ для деяний, охватываемых указанной нормой, — «с использованием средств массовой информации». Понуждение к действиям сексуального характера с использованием медиаресурсов предполагает оказание виновным психологического воздействия на потерпевшего с целью заставить вопреки желанию вступить в сексуальные контакты посредством размещения в средствах массовой информации, включая периодические печатные и сетевые издания, теле- и радиоканалы, теле-, радио-, видео- и кинохроникальные программы, а также иные формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)¹⁷, угроз распространить сведения, компрометирующие жертву, или причинить имущественный ущерб, что исключено на практике, так как преступники во избежание ответственности не придают огласке криминальные намерения. Активное использование виновными трансляционного потенциала информационно-телекоммуникационных сетей для оказания психологического давления на жертву исключает такое требование, предъявляемое к содержанию квалифицирующего признака, как нехарактерность для деяний, зафиксированных в основном составе¹⁸. Кроме того, использование коммуникационных резервов соответствующих технологий не влечет существенного повышения уровня общественной опасности понуждения к действиям сексуального характера, учитывая адресный характер криминальных действий (даже в случаях посягательства на несовершеннолетнего). Будучи реальными и действительными, угрозы, переданные посредством конклюдентных действий, устных высказываний, столь же социально вредны, как и доведенные до потерпевшего путем телефонного сообщения или размещения на интернет-ресурсах.

Изложенное актуализирует вопрос обоснованности отнесения анализируемого способа совершения преступления к числу квалифицирующих признаков.

Совершенствуя уголовно-правовой механизм борьбы с преступлениями сексуального

характера в отношении несовершеннолетних, законодатель не устранил один из явных дефектов норм гл. 18 УК РФ, попирающих принципы равноправия и справедливости. Так, нормативное размежевание по степени общественной опасности полового сношения (ч. 1 ст. 134 УК РФ) и мужеложства или лесбиянства (ч. 2 ст. 134 УК РФ) с лицом, не достигшим 16 лет, идет вразрез с принципом равенства по гендерному признаку, так как посягательство (половое сношение) совершеннолетнего лица на половую неприкосновенность девушки, не достигшей 16 лет, наказуемо до 4 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 134 УК РФ), а на половую неприкосновенность юноши (мужеложство) (ч. 2 ст. 134 УК РФ) — до 6 лет.

Кроме того, буквальное толкование ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ свидетельствует и о ненаказуемости широкого перечня добровольных действий сексуального характера, поскольку объектную сторону составов, охватываемых указанными нормами, образуют только половое сношение, мужеложство и лесбиянство. Не указав в диспозиции ст. 134 УК РФ иные действия сексуального характера (хотя в названии нормы данный термин используется), законодатель исключил уголовное преследование широкого перечня добровольных сексуальных контактов (оральный секс, введение предметов в полости человека с целью получения сексуального удовлетворения и т.д.) взрослого партнера с лицом младше 16 лет, актуализируя вопрос обоснованности избирательного подхода к вопросу охраны половой неприкосновенности и нравственного развития несовершеннолетних.

Изложенное позволяет заключить, что российский законодатель, определяя приоритеты уголовного-правовой охраны, далеко не всегда избирает адекватные средства. Нормотворческая активность, ориентированная на противодействие антиювенальным преступлениям, свидетельствует скорее не о последовательной реализации стратегического курса, а о спонтанности решений, направленных на решение частных задач.

¹⁶ В доктрине уголовного права типичность (свойственность, распространенность, характерность и т.п.) увязывается с фактической или вероятностной распространенностью на практике для отражаемого в квалифицированном составе вида преступления.

¹⁷ Абз. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Подробнее см.: *Кругликов Л. Л., Васильевский А. В.* Дифференциация уголовной ответственности в уголовном праве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 188.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Губин Е. А. Сопряженность убийства и действий сексуального характера // Уголовное право. — 2018. — № 6. — С. 32–36.
2. Есаков Г. А. Квалификация убийства, сопряженного с иными преступлениями, или Cuiusvis hominis est errare (и законодатель не исключение) // Российский судья. — 2004. — № 12. — С. 20–26.
3. Иванов Н. Г. Уголовная политика России и совершенствование уголовного законодательства // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 47–49.
4. Иванов Н. Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. — 2017. — № 1. — С. 17–20.
5. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности в уголовном праве. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 300 с.
6. Мартыненко Э. В. Возвращение в Уголовный кодекс Российской Федерации судимости в качестве квалифицирующего признака преступления — новое или хорошо забытое старое? // Российский следователь. — 2022. — № 3. — С. 46–49.
7. Сидорова Е. З., Иванова А. Л. О некоторых проблемах множественности преступлений в российском уголовном праве // Российский юридический журнал. — 2021. — № 2. — С. 115–125.
8. Скрипченко Н. Ю. Новое в уголовно-правовой охране несовершеннолетних // Журнал прикладных исследований. — 2022. — Т. 2. — № 4. — С. 183–187.

Материал поступил в редакцию 2 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Gubin EA. Sopryazhennost ubiystva i deystviy seksualnogo kharaktera [The conjugacy of murder and sexual acts]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2018;6:32-36. (In Russ.).
2. Esakov GA. Kvalifikatsiya ubiystva, sopryazhennogo s inymi prestupleniyami, ili Cuiusvis hominis est errare (i zakonodatel ne isklyuchenie) [Classification of murder associated with other crimes, or Cuiusvis hominis est errare (and the legislator is no exception)]. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2004;12:20-26. (In Russ.).
3. Ivanov NG. Ugolovnaya politika Rossii i sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatelstva [Criminal policy of Russia and improvement of criminal legislation]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2017;4:47-49. (In Russ.).
4. Ivanov NG. Kriminalizatsiya opasnogo sostoyaniya lichnosti v sovremennom UK RF [Criminalization of a dangerous state of personality in the modern Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2017;1:17-20. (In Russ.).
5. Kruglikov LL, Vasilevskiy AV. Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti v ugolovnom prave [Differentiation of criminal liability in criminal law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press Publ.; 2002. (In Russ.).
6. Martynenko EV. Vozvrashchenie v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii sudimosti v kachestve kvalifitsiruyushchego priznaka prestupleniya — novoe ili khorosho zabytoe staroe? [The return of a criminal record to the Criminal Code of the Russian Federation as a classifying element a crime: Is it new or well-forgotten old?]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2022;3:46-49. (In Russ.).
7. Sidorova EZ, Ivanova AL. O nekotorykh problemakh mnozhestvennosti prestupleniy v rossiyskom ugolovnom prave [On some problems of the multiplicity of crimes in Russian criminal law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2021;2:115-125. (In Russ.).
8. Skripchenko NYu. Novoe v ugolovno-pravovoy okhrane nesovershennoletnikh [New in the criminal legal protection of minors]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy [Journal of Applied Research]*. 2022;4(2):183-187. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.113-122

А. И. Цыреторов*

Перспективы закрепления института уголовного проступка в отечественном законодательстве: уголовно-процессуальный аспект

Аннотация. Статья посвящена анализу процессуальной стороны института уголовного проступка, содержащемуся в проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», внесенном Верховным Судом РФ. Автор рассматривает предлагаемый институт через призму существующей в уголовном судопроизводстве проблематики — его излишней формализованности и ограниченности ресурсов судебных и правоохранительных органов. По мнению автора, отечественное уголовное судопроизводство не обеспечивает должной дифференциации правового воздействия в зависимости от тяжести совершенного деяния, а некоторые правовые конструкции в УПК РФ, задуманные как способы повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, не выполняют в полной мере своего предназначения. Введение института уголовного проступка вписывается в общемировой тренд более широкого применения упрощенных (ускоренных) процессуальных форм, разновидностью которых он является, и позволит достичь большей процессуальной экономии и, как следствие, — задействовать высвободившиеся ресурсы в вопросах, требующих более пристального внимания. Институт уголовного проступка предложен в несколько усеченном виде — это вызвано практическими соображениями, требованиями плавности, постепенности, аккумуляцией новых правовых институтов. Затрагивая вопрос пределов возможного упрощения процессуальных форм, автор отмечает, что процессуальная экономия и стремление к должной степени разнообразия правового регулирования не могут служить оправданием для снижения уровня процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный проступок; протокольная форма; упрощенное судопроизводство; процессуальная экономия; эффективность уголовного судопроизводства; дифференциация уголовно-процессуального воздействия.

Для цитирования: Цыреторов А. И. Перспективы закрепления института уголовного проступка в отечественном законодательстве: уголовно-процессуальный аспект // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 113–122. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.113-122.

Prospects for Fixing the Institution of Criminal Misconduct in Domestic Legislation: Criminal Procedural Aspect

Aleksey I. Tsyretorov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, East Siberia Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ul. Lermontova, d. 110, Irkutsk, Russia, 664074
Alex.tsi@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the procedural side of the institution of criminal misconduct contained in the draft federal law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of criminal misconduct», introduced by the Supreme Court of the Russian Federation. The author examines the proposed

© Цыреторов А. И., 2022

* Цыреторов Алексей Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России
ул. Лермонтова, д. 110, г. Иркутск, Россия, 664074
Alex.tsi@mail.ru

institution through the prism of the existing problems in criminal proceedings — its excessive formalization and limited resources of judicial and law enforcement agencies. According to the author, domestic criminal proceedings do not provide proper differentiation of legal impact depending on the severity of the committed act, and some legal constructions in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, conceived as ways to increase the effectiveness of criminal procedural activities, do not fully fulfill their purpose. The introduction of the institution of criminal misconduct fits into the global trend of wider use of simplified (accelerated) procedural forms, of which it is a kind, and will allow achieving greater procedural savings and, as a result, using the released resources in matters requiring closer attention. The institution of a criminal act is proposed in a somewhat truncated form — this is caused by practical considerations, the requirements of smoothness, gradual accumulation of new legal institutions. Touching upon the issue of the limits of possible simplification of procedural forms, the author notes that procedural economy and the desire for a proper degree of diversity of legal regulation cannot serve as a justification for reducing the level of procedural guarantees of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal offense; record form; simplified legal proceedings; procedural economy; efficiency of criminal proceedings; differentiation of criminal procedural impact.

Cite as: Tsytetorov Al. Perspektivy zakrepleniya instituta ugolovnoogo prostupka v otechestvennom zakonodatelstve: ugolovno-protsessualnyy aspekt [Prospects for Fixing the Institution of Criminal Misconduct in Domestic Legislation: Criminal Procedural Aspect]. *Lex russica*. 2022;75(10):113-122. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.113-122. (In Russ., abstract in Eng.).

Современное развитие уголовно-процессуального законодательства показывает, что в стране продолжается поиск оптимальной модели уголовного судопроизводства. Каждая новая редакция отечественного Уголовно-процессуального кодекса РФ обнаруживает ряд несовершенств, свою недостаточность, запас невоплощенных потенций и альтернатив. Разумеется, любому совершенствованию законодательства предшествует выявление потребностей в правовом регулировании с целью внедрения современных практик. Одну из таких насущных потребностей выразил на пленарном заседании Совета судей РФ Вячеслав Лебедев, заявивший, что любой способ экономии времени без нарушения прав участников процесса стоит рассматривать в качестве положительной инициативы¹. Справедливость этой идеи и ее применимость и к досудебным стадиям, по нашему мнению, очевидны.

Наряду с гуманизацией, одним из направлений современного реформирования уголовной политики в рамках прагматического подхода является реализация принципа экономии уголовных репрессий², которому корреспондирует принцип процессуальной экономии в уголов-

ном судопроизводстве, — это звенья одной цепи, близкие по цели и содержанию. Необходимая и достаточная минимизация репрессии позволяет максимально избежать издержек репрессии или нивелировать их значение³ и, как и процессуальная экономия в уголовном судопроизводстве, продиктована необходимостью реализации сугубо прагматических задач: государство в силу целого ряда экономических причин неспособно обеспечить не только реальное применение всех наказаний, закрепленных в Уголовном кодексе, но и фактическое отбывание наказания в виде лишения свободы всеми, кто к нему осужден⁴. Закономерно возникает вопрос: назрела ли в отечественной правовой системе необходимость на более широкое воплощение в законодательстве идей процессуальной экономии?

Постепенно, но не без затруднений, и в отечественной науке уголовного процесса приходит⁵ понимание тесной связи уголовного судопроизводства и его эффективности с вопросами экономики. Как справедливо замечено профессором Доброславой Шумило-Кульчицкой, нежелание ученых анализировать уголовное судопроизводство с экономической точки зрения

¹ Председатель Верховного суда предложил зачитывать сокращенные приговоры // Российская газета. № 112 (8760). 26.05.2022.

² *Макеева Н. В.* Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // *Lex russica*. 2016. № 7 (116). С. 150.

³ *Степашин В. М.* Содержание принципа экономии репрессии // *Lex russica*. 2017. № 11 (132). С. 34.

⁴ *Макеева Н. В.* Указ. соч. С. 153.

⁵ См., например: *Махтук С. О.* Уголовное судопроизводство: на стыке права и экономики // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 2 (123). С. 114–124.

имеет исторические и культурные основания. Отправление правосудия, особенно в сфере уголовной юстиции, по мнению автора, воспринимается как обязанность государства осуществлять свои полномочия в отношении лиц, подпадающих под его юрисдикцию. Следовательно, необходимость содержания государственного аппарата, целью которого является отправление правосудия по уголовным делам, рассматривается как естественная издержка осуществления власти, остающаяся вне экономической оценки, которая по своей природе использует понятия «доходы» и «расходы»⁶.

Некоторые зарубежные авторы напрямую заявляют о недопустимости игнорирования вопросов затратности уголовного судопроизводства. Так, Т. Майсэли указывает, что с экономической точки зрения цель уголовного судопроизводства состоит в том, чтобы добиться наиболее точного определения вины с наименьшими возможными затратами⁷. Идея процессуальной экономии предполагает достижение процессуального результата посредством эффективного и рационального использования процессуальных средств. Минимизация затрат и затрат материальных средств не являются конечной целью процессуальной экономии, сбережение и так ограниченных ресурсов, отказ от производства процессуально неоправданных действий предоставляют возможность задействовать их в тех делах, где действительно есть в них потребность.

Недостаток имеющихся ресурсов у государства не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в целом в уголовной юстиции очевиден. Так, на расширенном заседании коллегии МВД РФ В. В. Колокольцев отметил, что положение дел в МВД РФ в сфере кадрового обеспечения остается достаточно напря-

женным. Самая серьезная проблема — значительный некомплект: за 2021 г. количество уволившихся из органов внутренних дел следователей по сравнению с 2020 г. возросло на 34 %⁸. В судебной системе дела обстоят не лучше: согласно исследованию, проведенному Высшей школой экономики, российский судья в среднем рассматривает до 180 дел и материалов в месяц, а 62 % судей перерабатывают более чем вдвое⁹. Усугубляет ситуацию и то, что некоторые правовые конструкции в УПК РФ, задуманные как способы повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности, не выполняют в полной мере своего предназначения. Так, Ю. В. Шпагиной достаточно аргументированно показано несовершенство действующей модели дознания, неспособность дознания в сокращенной форме обеспечить поставленную задачу по повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности¹⁰. Кроме того, мы согласны с Н. В. Макеевой, указывающей на то, что понимание ограниченности ресурсов, выделяемых на правоохранительную деятельность и борьбу с преступностью, предполагает избирательное преследование преступников. В российском уголовном законодательстве, по ее мнению, подобные механизмы имеются, однако они не позволяют существенно снизить расходы, так как по каждому преступному деянию правоохранительные органы проводят процессуальные действия, при этом не подлежит учету соотношение ущерба, причиненного преступным деянием, и стоимости действий по его преследованию¹¹.

В качестве примера нерационального использования можно привести один приговор¹²: уголовное дело было возбуждено по факту тайного хищения имущества — джемпера женского стоимостью 2 790 руб., совер-

⁶ *Szumilo-Kulczycka D.* Economics of criminal proceedings in view of procedural principles // Access to Justice in Eastern Europe. 2022. No. 1 (13). P. 76–87.

⁷ *Miceli Th.* The Economics of Criminal Procedure 6 (Univ. of Conn., Dep't of Econ. Working Paper Series, Working Paper No. 2007-24, 2007) // URL: <http://web2.uconn.edu/economics/working/2007-24.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).

⁸ Расширенное заседание коллегии МВД России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795> (дата обращения: 11.06.2022).

⁹ Исследование ВШЭ зафиксировало перегрузку 62 % российских судей // URL: <https://oka.hse.ru/news/219489375.html> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁰ *Шпагина Ю. В.* Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 25, 30.

¹¹ *Макеева Н. В.* Указ. соч. С. 151.

¹² Приговор мирового судьи судебного участка № 8 г. Пятигорска Ставропольского края, исполняющего обязанности мирового судьи судебного участка № 7 г. Пятигорска Ставропольского края от 04.07.2016 //

шенного ранее не судимой девушкой из магазина одной из крупных сетей одежды. Притом что имевшаяся доказательственная база была неопровержимой, ход расследования практически не отличался от аналогичного по более тяжким преступлениям. В довершение всего в ходе расследования проводилась неоправданная процессуально товароведческая экспертиза (вероятно, повлекшая большие, чем стоимость похищенного, издержки), а сам текст приговора суда по своему объему сопоставим с приговорами по более тяжким преступлениям. Еще один пример¹³: уголовное дело по факту тайного хищения 2 кроликов стоимостью 3 500 руб. хотя и завершилось прекращением уголовного дела в связи с примирением, но стадия предварительного расследования проходила на общих основаниях, а само постановление мирового судьи по своему объему соответствует некоторым приговорам.

Другой интересный приговор¹⁴ по ч. 1 ст. 167 УК РФ: в ходе ссоры с А. Н. (бывшей женой) гражданин В., действуя умышленно, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения материального ущерба и желая их наступления, понимая незаконность и противоправность своих действий, выхватил из рук А. Н. принадлежащий ей мобильный телефон и, используя физическую силу рук, бросил данный телефон в стену летней кухни, в результате удара мобильный телефон получил повреждения, в связи с чем изделие утратило свои функциональные свойства и восстановлению не подлежит. В приведенном деле есть «всё»: проводилась очная ставка и товароведческая экспертиза, сам приговор составляет по объему 19 тыс. знаков, что в какой-то мере отражает работу суда. Для сравнения: первый

случайным образом найденный автором приговор по ч. 1 ст. 105 УК РФ был аналогичного объема¹⁵. Вызывает определенное недоумение то обстоятельство, что нередко уголовные дела по преступлениям небольшой и средней тяжести, при расследовании которых не возникало каких-либо сложностей, по своим объемам сопоставимы с делами по тяжким преступлениям.

Следует ли считать нормальной такую ситуацию, когда государство затрачивает на расследование преступлений небольшой тяжести (иной раз находящихся «в полшаге» от административного правонарушения) ресурсы, превосходящие во много раз сумму причиненного ущерба, а процесс расследования и рассмотрения уголовного дела принципиально не отличается от аналогичного по тяжким и особо тяжким преступлениям?

Ответим на поставленный вопрос словами профессора Б. Я. Гаврилова, справедливо указывающего на «забюрократизированность и заформализованность современного уголовного процесса при его низкой эффективности, что обусловило существенное снижение уровня уголовно-процессуального реагирования должностных лиц органов предварительного расследования на поступившие в правоохранительные органы заявления, сообщения о преступлениях»¹⁶. К сожалению, отечественное уголовное судопроизводство не обеспечивает должной дифференциации правового воздействия в зависимости от тяжести совершенного деяния, образно выражаясь «стреляя из пушки по воробьям». При этом практическая неразличимость расследования и судебного рассмотрения уголовных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести от тяжких и особо тяжких преступлений сама по себе как не снижает риски необоснованного осуждения, так и не повышает уровень процессуальных

URL: http://stavmirsud.ru/files/docs/DecisionTextsUS/14/11/14_01-0035_7_2016_Prigovor.doc (дата обращения: 13.06.2022).

¹³ Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Кочубеевского района Ставропольского края Остапенко О. И., исполняющего обязанности мирового судьи судебного участка № 3 Кочубеевского района Ставропольского края по делу № 1-6/3/2022 от 07.04.2022 // URL: <https://stavmirsud.ru/officework/dectextsus/?pn=3&id=11826&year=2022> (дата обращения: 13.06.2022).

¹⁴ Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Арзгирского района Ставропольского края по делу № 1-5-03-408/2022 от 29.04.2022 // URL: <https://stavmirsud.ru/officework/dectextsus/?id=8544&year=2022> (дата обращения: 13.06.2022).

¹⁵ Приговор Калининского районного суда Санкт-Петербурга по делу 1-1162/2019 от 03.02.2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/l4iSmpwzSkmv/> (дата обращения: 17.06.2022).

¹⁶ Гаврилов Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98–102.

гарантий. Что касается отношения общества к дифференцированному подходу к расследованию преступлений, влекущему отличный объем задействованных ресурсов, по мнению Д. Шумило-Кульчицкой, «тот факт, что государственные органы готовы выделить значительные средства на поиск виновного в убийстве и гораздо менее вероятно, что оно сделает то же самое в случае с украденным велосипедом, понятно и аксиологически полностью принято обществом (хотя владелец велосипеда, скорее всего, не согласится)»¹⁷.

Определенные позитивные сдвиги в деле упрощения уголовного судопроизводства, его деbüroкратизации уже наблюдаются в настоящее время. В феврале 2021 г. Верховным Судом РФ был внесен в Государственную Думу ФС РФ проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». По замыслу Верховного Суда РФ из всего массива преступлений будет выделен уголовный проступок — совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, исключая ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, 151.1, 171.4, ч. 1 ст. 174, ч. 1 ст. 174.1, ч. 1 ст. 199.3, ч. 1 ст. 207, ч. 1 и 3 ст. 332, ст. 336, ч. 1 ст. 337, ч. 1 ст. 339, ч. 1 ст. 344, ч. 1 ст. 349 настоящего Кодекса. Кроме того, к уголовному проступку будет отнесено совершенное лицом впервые преступление небольшой или средней тяжести, предусмотренное в ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 167, ст. 168, ч. 2 ст. 169 УК РФ и т.д. Уголовные дела в отношении указанных лиц будут прекращаться по нереабилитирующим основаниям, и к последним будут применяться иные меры уголовно-правового характера, не являющиеся уголовным наказанием.

Как следует из пояснительной записки к проекту федерального закона, данные предложения нужно рассматривать в качестве даль-

нейших мер по гуманизации законодательства, снижению репрессивности уголовного закона с учетом принципов целесообразности и процессуальной экономии (упрощение применяемых судебных процедур). Уголовному проступку как институту посвящен ряд научных работ¹⁸, однако они в большинстве своем раскрывают его материальный — уголовный аспект, оставляя процессуальную сторону вне поле зрения. Между тем межотраслевой характер данного института очевиден, конечно, предлагаемые изменения — в случае их принятия, не приведут к смене правовой парадигмы, но существенно преобразят весь рельеф сферы уголовной юстиции. Профессор В. Ф. Яковлев писал, что «каждый закон должен быть ответом на какую-то общественную потребность, подчинен решению реальных, поставленных жизнью проблем и задач»¹⁹. Если тренд на гуманизацию уголовного законодательства в России был задан относительно давно²⁰ и предложенные правки адекватно вписываются в него, то идея процессуальной экономии, находящаяся под влиянием экономического анализа права, — только зарождающаяся тенденция.

Предлагаемый законопроект затронет уголовно-процессуальную сферу не только в части появления основания для вынесения уголовно-процессуального решения, но и возможности более оперативного разрешения уголовного дела. Так, согласно предлагаемой редакции ст. 446.2 УПК РФ, если в ходе предварительного расследования будет установлено, что имеются основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с применением иных мер уголовно-правового характера в отношении подозреваемого, обвиняемого, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести и назначении

¹⁷ Szumiło-Kulczycka D. Op. cit. P. 79–80.

¹⁸ Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с. ; Корсун Д. Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 72–78 ; Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в структуре уголовного законодательства: мнение ученого и практика // Мир юридической науки. 2017. № 4. С. 27–31.

¹⁹ Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М. : Статут, 2012. С. 289.

²⁰ См., например: Берестенников А. Г. Становление и развитие принципов российского уголовного права XVIII — начала XX в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 30 с.

этому лицу иной меры уголовно-правового характера, применяемой при освобождении от уголовной ответственности, которое вместе с материалами уголовного дела направляется в суд. Немаловажно заметить, что следователь или дознаватель сможет возбудить такое ходатайство только при наличии согласия подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования.

Особый интерес представляет предлагаемый предельный процессуальный срок: ходатайство должно будет подлежать рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня либо мировым судьей, к подсудности которых относится рассмотрение соответствующей категории уголовных дел, по месту производства предварительного расследования в срок не позднее 10 суток со дня поступления ходатайства в суд с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, защитника, потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя, прокурора. Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, не будет препятствием для рассмотрения ходатайства, за исключением случаев неявки лица, в отношении которого рассматривается вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

К большому сожалению, данные поправки не изменят правовой режим доказывания, то есть в случае совершения лицом уголовного проступка будут использоваться те же процессуальные средства доказывания, что и при предварительном следствии. Хотя в отечественной науке уголовного судопроизводства есть дельные разработки по данному вопросу. Так, Б. Я. Гаврилов предлагает²¹ осуществлять расследование по уголовному проступку в протокольной форме, которая, по мнению многих теоретиков и практиков, хорошо себя зарекомендовала в советское время. Протокольная форма досудебной подготовки материалов позволила бы существенно ускорить рассмотрение уголовного проступка, избавила бы

правоприменителя от необходимости составления множества процессуальных документов, поскольку они все находили бы отражение в одном документе — формализованном бланке протокола (по Б. Я. Яковлеву).

Мы склонны предполагать, что инициаторы законопроекта были вдохновлены институтом уголовного проступка в законодательстве Федеративной Республики Германия (далее ФРГ). Параграф 12 Уголовного уложения ФРГ²² разделяет запрещенные уголовным законом деяния на уголовные преступления и уголовные проступки. В качестве уголовных преступлений определяются противоправные деяния, за совершение которых законом предусмотрено минимальное наказание в виде лишения свободы на срок один год или выше. Соответственно к уголовным проступкам отнесены преступные деяния, в которых предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы сроком менее года или денежный штраф.

Подобная дихотомия противоправных деяний влечет и определенные процессуальные последствия: в соответствии с § 407 Уголовно-процессуального кодекса ФРГ²³ (УПК ФРГ) в случае совершения уголовных проступков, относящихся к функциональной подсудности судьи участкового суда единолично или коллегии участкового суда с участием судебных заседателей, прокурор ходатайствует об установлении правовых последствий без проведения основного судебного разбирательства, если проведение устного судебного разбирательства не представляется необходимым для полного выяснения всех обстоятельств дела, релевантных для определения правовых последствий, или из соображений специальной или общей превенции. Кроме того, прокурор должен указать конкретные правовые последствия, которые он считает соразмерными содеянному.

Производство, в ходе которого рассматривается ходатайство, именуется суммарным (упрощенным), предварительного заслушивания обвиняемого не требует и может окончиться решением, в котором будут установлены

²¹ Гаврилов Б. Я. Протокольная форма досудебного производства — генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 15.

²² Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам : Изд-во Университета Потсдама, 2021. С. 38.

²³ Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия — Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2012. С. 328.

в отдельности или в совокупности следующие правовые последствия: 1) денежный штраф, предупреждение с оговоркой о наказании, запрет управления транспортным средством, конфискация того, что было приобретено преступным путем, изъятие предметов и средств совершения деяния, уничтожение предметов, приведение предметов в негодность, сообщение об осуждении и денежное взыскание в отношении юридического лица или объединения; 2) лишение водительских прав на срок не более двух лет; 3) отказ от наказания; 4) наказание в виде лишения свободы на срок до одного года с условной отсрочкой наказания (аналог российского условного осуждения) — при условии, если у обвиняемого на стадии предварительного судебного производства был защитник.

При этом если судья сочтет подозрения в отношении обвиняемого недостаточными, он отклоняет ходатайство о принятии решения в суммарном производстве. Если же судья сомневается в отношении возможности принятия решения без основного судебного разбирательства или если он хочет отклониться от правовой оценки прокуратуры или установить правовые последствия, отличные от ходатайства, а прокуратура настаивает на своем ходатайстве, он назначает в соответствии с § 408 (абз. 3 предл. 2 УПК ФРГ) проведение устного основного судебного разбирательства. Таким образом, суммарное производство переходит в общее основное судебное производство²⁴.

Кроме того, § 153 УПК ФРГ устанавливает право прокуратуры с согласия суда отказаться от уголовного преследования в ходе производства по уголовному проступку в связи с незначительностью, если вина исполнителя была бы признана незначительной и отсутствует общественный интерес в уголовном преследовании, а если за уголовный проступок не предусмотрена нижняя граница наказания и последствия деяния незначительны — согласия суда не требуется. Если же обвинение уже предъявлено, суд может на любой стадии производства прекратить производство с согласия прокуратуры и обвиняемого. В случае если основное судебное производство уже открыто, прокуратура может в судебном производстве, относящемся к функциональной подсудности судьи участкового суда единолично или коллегии участкового суда с участием заседателей, заявить ходатайство о принятии решения в суммарном производстве.

Как мы могли убедиться, правовая конструкция уголовного проступка в законодательстве ФРГ отличается большей гибкостью, вариативностью в отличие от предлагаемой Верховным Судом РФ. Так, в соответствии с § 153а УПК ФРГ с согласия суда, к подсудности которого относится открытие основного судебного производства, и обвиняемого прокуратура может при условии, что предметом производства является уголовный проступок, временно отказаться от предъявления публичного обвинения и одновременно возложить на обвиняемого обязанности или дать ему указания, если они пригодны для того, чтобы устранить общественный интерес в уголовном преследовании, и тяжесть вины этому не противоречит. В качестве обязанностей или указаний могут назначаться, в частности: совершение определенных действий для возмещения ущерба, причиненного содеянным; выплата денежной суммы в пользу благотворительной организации или в государственный бюджет; совершение иных общественно полезных действий; приложение серьезных усилий для компенсации вреда, причиненного потерпевшему, вследствие чего он заглаживает совершенное им деяние полностью или по большей части или стремится к достижению этой цели; участие в семинаре согласно Федеральному закону о дорожном движении и др. При этом для исполнения обязанностей и указаний обвиняемым прокуратура устанавливает срок, который не должен превышать шесть месяцев, в некоторых случаях — одного года.

Проведенный обзор показывает, что уголовный проступок в законодательстве ФРГ обеспечивает большую дифференциацию правового воздействия в рамках уголовного и уголовно-процессуального пространства, предоставляет большой объем инструментария для правоприменителя по сравнению с отечественным законопроектом. В этой связи возникает вопрос: что побудило немецкого законодателя ввести в уголовное судопроизводство изучаемый институт? По мнению Ш. Бойн, в Германии, как и в Соединенных Штатах, жесткая ограниченность ресурсов привела к использованию процедур, сокращающих производство по собиранию доказательств, необходимых для того, чтобы позволить правоприменителю взвесить факты и закон. Впрочем, экономический подход к моделированию уголовного судопроиз-

²⁴ Головненков П., Спица Н. Указ. соч. С. 73.

водства получил широкое распространение в континентальных процессах в течение последних десятилетий XX в.²⁵ В зарубежных странах (ФРГ, Швейцарская Конфедерация, Итальянская Республика, Республика Молдова и др.) должностными лицами полиции широко применяются ускоренные (упрощенные, суммарные) процессуальные формы при расследовании проступков, а также очевидных, не представляющих большой общественной опасности и сложности в доказывании преступлений, позволяющих повысить уровень обеспеченности прав и законных интересов граждан, пострадавших от указанных деяний, на их доступ к правосудию, что обеспечивает достижение результативности в деятельности полиции по борьбе с преступными посягательствами²⁶. Для понимания практической значимости уголовного проступка: в Германии в 2020 г. прокуратурой были поданы ходатайства об установлении правовых последствий без проведения основного судебного разбирательства (в суммарном производстве) в отношении 564 549 человек, в то время как количество лиц, которым было предъявлено обвинение (общий порядок), составило 436 859 человек²⁷.

Как известно, посредством введения или изменения позитивно-правовых норм государство и общество, как правило, пытаются дать регулятивный ответ на вновь возникшие экономические, нравственные и культурные вызовы, исходящие из социальной системы в целом²⁸. По нашему мнению, потребность отечественного уголовного судопроизводства в реально упрощенном порядке разрешения преступлений небольшой и средней тяжести уже назрела. По этой причине мы ратуем за введение в отечественное законодательство института уголовного проступка, который отвечает потребностям правоприменительной практики и обеспечит большую дифференциацию правового воздействия в отечественном уголовном процессе. Вместе с тем в случае введения в законодательство института уголовного проступка могут воз-

никнуть определенные правоприменительные проблемы, связанные с установлением достоверности и достаточности доказательств, может сложиться различная судебная практика, что потребует разъяснений Верховного Суда РФ.

Безусловно, аккумуляция новых правовых институтов должна быть плавной, поэтому институт уголовного проступка был предложен в несколько усеченном виде и в случае его введения в отечественное законодательство вероятнее всего будет развиваться, адаптируясь к особенностям правовой реальности страны и создавая больше возможностей для дифференциации правового воздействия. Но при всем этом процессуальная экономия и стремление к должной степени разнообразия правового регулирования не могут служить оправданием снижению уровня процессуальных гарантий. Вызывает определенные опасения уход в другую крайность — декоративное правосудие, возможность внесения в правоприменительную практику тенденции освобождения от уголовной ответственности лишь по формальному основанию без учета фактических обстоятельств преступлений (деяний). Для примера: по замечанию Ш. Бойн, в Германии давление нехватки ресурсов вынудило прокуроров искать способы закрывать, а не расследовать незначительные дела²⁹. Несомненно, экономические факторы и аргументы играют значительную роль практически в любой сфере жизни общества, но в области юстиции на первом плане должны быть вопросы справедливости, а уголовный проступок и производные от него правовые конструкции не должны рассматриваться в качестве панацеи.

В заключение подчеркнем, что, безусловно, отечественное уголовное судопроизводство остро нуждается в более широком внедрении упрощенных процедур расследования и рассмотрения уголовных дел, в том числе по причине того, что имеющиеся процессуальные формы в недостаточной степени способствуют достижению процессуальной экономии. В свою

²⁵ *Boyne Sh. Procedural Economy in Pre-Trial Procedure: Developments in Germany and the United States* (October 23, 2013). Indiana University Robert H. McKinney School of Law Research Paper No. 2013-39. P. 340 // URL: <https://ssrn.com/abstract=2344508> (дата обращения: 11.07.2022).

²⁶ *Шпагина Ю. В.* Указ. соч. С. 23–24.

²⁷ *Staatsanwaltschaften. Statistisches Bundesamt, Fachserie 10, Reihe 2.6, 2020. P. 26, 48* // URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Gerichte/staatsanwaltschaften-2100260207004.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 13.07.2022).

²⁸ *Карпетов А. Г.* Экономический анализ права. М., 2016. 528 с.

²⁹ *Boyne Sh.* Op. cit.

очередь, идея процессуальной экономии и (иные) принципы уголовного судопроизводства должны рассматриваться не как конкурирующие ценности, а как взаимодополняющие начала. При этом процессуальная экономия может находить свое развитие не только посредством совершенствования законодательства — вве-

дением упрощенных процедур расследования и рассмотрения дел, но и путем внедрения в деятельность правоохранительных органов более совершенных методов работы, расширения их материально-технических возможностей и разумном внедрении в уголовное судопроизводство цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берестенников А. Г. Становление и развитие принципов российского уголовного права XVIII — начала XX в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 30 с.
2. Гаврилов Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. — 2019. — № 3 (8). — С. 98–103.
3. Гаврилов Б. Я. Протокольная форма досудебного производства — генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 5. — С. 12–17.
4. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в структуре уголовного законодательства: мнение ученого и практика // Мир юридической науки. — 2017. — № 4. — С. 27–31.
5. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. — Потсдам : Изд-во Университета Потсдама, 2021. — 489 с.
6. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия — Strafprozessordnung (StPO) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. — Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2012. — 404 с.
7. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. — М., 2016. — 528 с.
8. Корсун Д. Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России // Юридическая наука. — 2017. — № 1. — С. 72–78.
9. Макеева Н. В. Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex russica. — 2016. — № 7 (116). — С. 146–155.
10. Махтюк С. О. Уголовное судопроизводство: на стыке права и экономики // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 2 (123). — С. 114–124.
11. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 596 с.
12. Степашин В. М. Содержание принципа экономии репрессии // Lex russica. — 2017. — № 11 (132). — С. 24–37.
13. Шпагина Ю. В. Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — 33 с.
14. Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. — М. : Статут, 2012. — 488 с.
15. *Boyne Sh.* Procedural Economy in Pre-Trial Procedure: Developments in Germany and the United States (October 23, 2013) // Indiana University Robert H. McKinney School of Law Research Paper No. 2013-39. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2344508> (дата обращения: 11.07.2022).
16. *Miceli Th.* The Economics of Criminal Procedure 6 (Univ. of Conn., Dep't of Econ. Working Paper Series, Working Paper No. 2007-24, 2007) // URL: <http://web2.uconn.edu/economics/working/2007-24.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
17. *Szumilo-Kulczycka D.* Economics of criminal proceedings in view of procedural principles // Access to Justice in Eastern Europe. — 2022. — No. 1 (13). — P. 76–87.

Материал поступил в редакцию 18 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Berestennikov AG. Stanovlenie i razvitie printsipov rossiyskogo ugovnogo prava XVIII — nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Formation and development of the principles of Russian criminal law in the 18th — early 20th century. Author's abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2019. (In Russ.).
2. Gavrilov BYa. Otvechaet li sovremennoe dosudebnoe proizvodstvo realiyam borby s prestupnostyu? [Does modern pre-trial proceedings meet the realities of the fight against crime?]. *Akademicheskaya mysl [Academic thought]*. 2019;3(8):98-103. (In Russ.).
3. Gavrilov BYa. Protokolnaya forma dosudebnogo proizvodstva — genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya [Protocol form of pre-trial proceedings: Genesis, current state, development prospects]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2016;5:12-17. (In Russ.).
4. Gavrilov BYa. Ugolovnyy prostupok v strukture ugovnogo zakonodatelstva: mnenie uchenogo i praktika [Criminal misconduct in the structure of criminal law: Opinion of a scientist and practitioner]. *Mir juridicheskoy nauki [The World of Legal Science]*. 2017;4:27-31. (In Russ.).
5. Golovenkov PV. Ugolovnoe ulozhenie Federativnoy Respubliki Germaniya — Strafgesetzbuch (StGB): nauchno-prakticheskyy kommentariy i perevod teksta zakona [The Criminal Code of the Federal Republic of Germany — Strafgesetzbuch (StGB): Scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Potsdam: Publishing House of the University of Potsdam; 2021. (In Russ.).
6. Golovenkov P, Spitsa N. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya — Strafprozessordnung (StPO): nauchno-prakticheskyy kommentariy i perevod teksta zakona [The Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany — Strafprozessordnung (StPO): Scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam; 2012. (In Russ.).
7. Karapetov AG. Ekonomicheskyy analiz prava [Economic analysis of law]. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
8. Korsun DYu. Ponyatie ugovnogo prostupka kak novoy kategorii ugovnogo prava Rossii [The concept of criminal misconduct as a new category of criminal law in Russia]. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. 2017;1:72-78. (In Russ.).
9. Makeeva NV. Ugolovnaya politika v usloviyakh modernizatsionnykh i postmodernizatsionnykh protsessov: sravnitelno-pravovoy analiz Criminal policy in the context of modernization and postmodernization processes: Comparative legal analysis]. *Lex russica*. 2016;7(116):146-155. (In Russ.).
10. Makhtyuk SO. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: na styke prava i ekonomiki [Criminal proceedings: At the intersection of law and economics]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(2):114-124. (In Russ.).
11. Rogova EV. Uchenie o differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti: dis. ... d-ra jurid. nauk [The doctrine of the differentiation of criminal responsibility. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2014. (In Russ.).
12. Stepashin VM. Soderzhanie printsipa ekonomii repressii [The content of the principle of economy of repression]. *Lex russica*. 2017;11:24-37. (In Russ.).
13. Shpagina YuV. Ugolovno-protsessualnaya deyatel'nost' politzii kak organa doznaniya: teoretiko-pravovye osnovy i pravoprimenitel'naya praktika: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal procedural activity of the police as a body of inquiry: Theoretical and legal foundations and law enforcement practice. Author's abstract of the Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2020. (In Russ.).
14. Yakovlev VF. Pravovoe gosudarstvo: voprosy formirovaniya [The rule of law: Issues of formation]. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).
15. Miceli Th. The Economics of Criminal Procedure 6 (Univ. of Conn., Dep't of Econ. Working Paper Series, Working Paper No. 2007-24, 2007). Available at: <http://web2.uconn.edu/economics/working/2007-24.pdf> [cited June 1, 2022].
16. Shawn B. Procedural Economy in Pre-Trial Procedure: Developments in Germany and the United States (October 23, 2013). Indiana University Robert H. McKinney School of Law Research Paper No. 2013-39. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2344508> [cited July 11, 2022].
17. Szumiło-Kulczycka D. Economics of criminal proceedings in view of procedural principles. *Access to Justice in Eastern Europe*. 2022;1(13):76-87.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.123-137

Т. В. Кашанина*

Государство как показатель человеческого развития (в контексте нейробиологии)¹

Аннотация. Статья носит трансдисциплинарный характер: написана на стыке теории государства и нейробиологии. Цель статьи — установить корреляцию между эволюцией сознания человечества и изменениями государственности. По типу нейробиологических процессов люди делятся на 4 категории: визуалы, аудиалы, кинестетики и дигиталы. Если сгруппировать указанные психотипы, то нейробиологическая характеристика общества предстанет как изменяющаяся константа двух типов мышления: иррационального и рационального. Мировой тренд в их соотношении таков: идет постепенное повышение рационального мышления. Однако темпы развития стран неодинаковы, и для измерения уровня развития ООН использует индекс человеческого развития (ИЧР), основанный на экономических и социальных показателях. Автор предлагает дополнить ИЧР политической составляющей: характеристикой государственности, поскольку игнорирование этого дает неполную картину человеческого развития. Главными параметрами государства являются его тип и сущность. По типу государства делятся на аграрные, индустриальные и информационные. Делается вывод о том, что если в аграрном государстве доля людей с рациональным мышлением крайне мала, то в индустриальном их количество увеличивается, однако недостаточно, чтобы сделать власть подконтрольной обществу. В информационном государстве власть становится подконтрольной народу именно в силу наличия критической массы здравомыслящих людей. Сущность государства — это его волевая составляющая — имеет двойственную природу: выражает интересы общества и правящей элиты. Этот баланс опять-таки зависит в конечном счете от уровня общественного сознания. Закономерность здесь такова: на ранних стадиях развития общества государство в основном выражает интересы правящей элиты. Затем доля общесоциальных интересов постепенно нарастает. На более поздних этапах развития государства в праве начинают доминировать общесоциальные интересы. В конечном счете государство превращается в «служанку» общества, а государственные служащие, в том числе и высшие должностные лица, становятся менеджерами государственного управления.

Ключевые слова: части мозга; психотипы людей; нейробиологический портрет общества; индекс человеческого развития; государственность; типы государства; аграрное, индустриальное, информационное государство; сущность государства; государство древнее, средневековое, Нового времени; современное государство.

Для цитирования: Кашанина Т. В. Государство как показатель человеческого развития (в контексте нейробиологии) // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 123–137. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.123-137.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Кашанина Т. В., 2022

* Кашанина Татьяна Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kashanina@mail.ru

The State as an Indicator of Human Development (With Reference to Neuroscience)²

Tatyana V. Kashanina, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kashanina@mail.ru

Abstract. The paper is transdisciplinary in nature: it is written at the junction of the theory of the state and neurobiology. The purpose of the paper is to establish a correlation between the evolution of human consciousness and changes in statehood. According to the type of neurobiological processes, people are divided into 4 categories: visual, auditory, kinesthetic and digital. If we group these psychotypes, then the neurobiological characteristic of society will appear as a changing constant of two types of thinking: irrational and rational. The global trend in their ratio is as follows: there is a gradual increase in rational thinking. However, the pace of development of countries varies, and to measure the level of development, the UN uses the Human Development Index (HDI), based on economic and social indicators. The author suggests supplementing the HDI with a political component: a characteristic of statehood, since ignoring this gives an incomplete picture of human development. The main parameters of the state are its type and essence. According to the type of state, they are divided into agrarian, industrial and informational. It is concluded that if in an agrarian state the proportion of people with rational thinking is extremely small, then in an industrial state their number increases, but not enough to make the government controlled by society. In an information state, the government becomes controlled by the people precisely because of the presence of a critical mass of sane people. The essence of the state — its volitional component — has a dual nature: it expresses the interests of society and the ruling elite. This balance again depends ultimately on the level of public consciousness. The pattern here is as follows: at the early stages of the development of society, the state mainly expresses the interests of the ruling elite. Then the share of general social interests gradually increases. At later stages of the development of the state, general social interests begin to dominate in law. Ultimately, the state turns into a «servant» of society, and civil servants, including senior officials, become managers of public administration.

Keywords: brain parts; psychotypes of people; neurobiological portrait of society; human development index; statehood; types of state; agrarian, industrial, informational state; essence of the state; ancient, medieval, new state; modern state.

Cite as: Kashanina TV. Gosudarstvo kak pokazatel chelovecheskogo razvitiya (v kontekste neyrobiologii) [The State as an Indicator of Human Development (With Reference to Neuroscience)]. *Lex russica*. 2022;75(10):123-137. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.123-137. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В мире все ускоряющимися темпами идет процесс глобализации или, иначе, процесс интеграции и унификации. Это проявляется не только в разделении труда и создании мирового рынка, но и во взаимообогащении знанием, опытом в различных областях жизни. Наука не остается в стороне — она также втянута в этот процесс. В частности, его проявлением является проведение исследований на стыке наук. И порой результат здесь получается более эффективным.

Имея в виду именно это, я предприняла попытку провести одно из таких трансдисциплинарных исследований³: мной была взята область науки, к которой я давно испытывала интерес, — нейробиология. Ее я и постаралась «скрестить» с юриспруденцией.

Здесь выявились, по крайней мере, две важные проблемы:

— *правонарушаемость*. Эта проблема составляет ядро теории права. Здесь важна нейробиологическая характеристика личности. Данное исследование мной завершено⁴;

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority 2030».

³ «Трансдисциплинарность» понимается как принцип организации научного знания, предполагающий взаимодействие многих направлений научного исследования при решении комплексных проблем развития человека, природы и общества. Трансдисциплинарность в этом смысле предполагает выход ученых за рамки своих дисциплин.

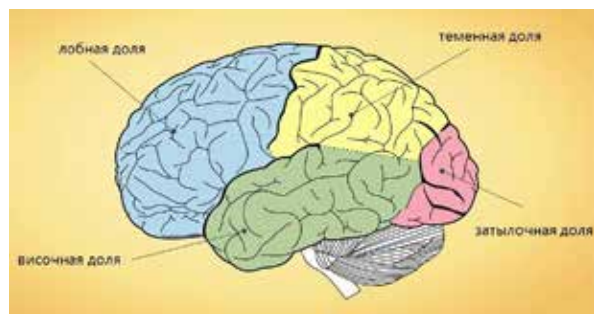
⁴ *Кашанина Т. В.* Законопослушность/правонарушаемость через призму нейробиологии // *Lex russica*. 2021. № 12.

— *государственное развитие*. Она составляет предмет теории государства. Здесь важна нейробиологическая характеристика общества: зная нейробиологический портрет общества, государство может более эффективно осуществлять управление.

Поскольку общество состоит из индивидуумов, то исследование этой проблемы придется начать с нейробиологического портрета личности, а потом уже и обратиться к нейробиологическому портрету общества в целом.

I. Нейробиологическая характеристика личности

1. Части коры головного мозга. В принципе, у людей структура мозга одинакова. Кора, самая сложно устроенная часть мозга, состоит из четырех долей: лобная, теменная, височная и затылочная (рис. 1).

2. Затылочная доля связана с восприятием и переработкой зрительной информации, организацией сложных процессов зрительного восприятия. Если у человека ведущей оказывается эта часть мозга, то он будет относиться к визуалам.

Для визуалов характерны следующие особенности:

- восприятие информации через образы;
- выраженная жестикуляция;
- любят визуальную информацию в виде графиков, схем, рисунков, фотографий;
- обращают внимание на внешность других людей, их мимику, жесты, позы;
- хорошо распознают выражения на лице;
- обладают хорошим воображением.

Для визуалов важно, чтобы было красиво. Именно этот психотип больше склонен уделять внимание форме, а не анализу сути поведения. Излишняя ориентированность на «обложку» часто играет злую шутку с визуалами, которые могут недооценивать «содержание» и принимать в жизни неправильные решения. Для

успешного выполнения поставленных задач таким людям необходимо наличие четких схем, наглядных картинок и образов (фото 1).

Люди с визуальным типом восприятия хотят видеть общую картину происходящего. Детали им, как правило, не нужны, они их утомляют. Тем более они не склонны брать в руки хотя бы справочник или энциклопедию для прояснения сути дела.

3. Височная доля ответственна за:

- запоминание звуковой информации;
- распознавание и понимание языка;
- подбор слов;
- распознавание голосовой интонации;
- ритм;
- музыку;
- обработку зрительной и звуковой информации.

Если у человека височная доля является ведущей и мировосприятие осуществляется посредством звуков, тембров, мелодий, громкости, его называют *аудиалом* (фото 2).

Аудиалы лучше воспринимают информацию, когда им детально объясняют что-либо.

Они и сами любят объяснять что-то другим, более того, буквально расцветают, когда сами говорят, с трудом могут сохранять молчание длительное время. Люди указанного типа считаются хорошими рассказчиками. Они предпочитают обсуждать с другими какой-либо вопрос, а не обращаться к книгам. Так они лучше усваивают любой материал. Чтение — это не их ипостась. Аудиалы больше других ориентированы на общение. Это один из самых коммуникативных типов людей. С учетом общительности и умения вести разговор такие люди добиваются успеха в работе, связанной с ораторским искусством.

Для аудиалов имеет значение только конкретный факт без лишних подробностей. Погружаться вглубь проблемы они не любят.

4. *Теменная доля* интегрирует информацию, поступающую от органов чувств, и обеспечивает тактильные ощущения. Она отвечает за двигательную функцию и пространственное восприятие. Это своего рода кинестетический интеллект, который связан с использованием тела для создания (или выполнения) чего-либо⁵. Таких людей в среднем около 20 %. В развитых странах, где бизнес развивается без препятствий и, более того, поощряется, количество людей с практическим умом гораздо выше и может достигать до 30 %.

Люди, обладающие высоким кинестетическим интеллектом, обычно хороши там, где требуется физическая активность, например организация различного рода работ, строительство, изготовление вещей и т.п. Это люди здравого смысла или практического ума, который включает в себя и чувство времени, и четкое понимание цели действия. Таких деятельных людей называют *кинестетиками*. Им можно дать и такое определение: это трудоголики, не терпящие бездействия. Кинестетики — это потенциальные менеджеры, люди, которых привлекает динамика жизни, риск и желание преодолеть невозможное (коллаж 1).

Практическое мышление — это вид мышления, основанный на накопленном жизненном опыте, наблюдении, восприятии и здравом смысле. Проблемы, которые решают люди здравого смысла, имеют неотложный характер.

Вырабатывая план и ставя себе цели, человек может с легкостью справиться с любой сложной задачей. У персоны такого рода нет необходимости изобретать велосипед. Ей нужно решить конкретные проблемы, причем сделать это быстро. Строить сложные теории, а затем проверять их на практике у них нет ни желания, ни возможности⁶.

Человек-практик предвидит и свое будущее на достаточном расстоянии, может составлять планы, пусть и не стратегического характера. Человек просто дает прогноз на основе имеющегося у него опыта и приобретенных знаний. Не нужно быть ясновидящим, чтобы освоить этот навык.

Телосложение у кинестетиков достаточно плотное. Говорят они медленно, голос часто глухой и низкий. Кинестетики — это люди действия. В разговоре их интересует сюжет, а изящные диалоги и красочные описания они опускают за ненадобностью.

5. *Лобная доля* связана с такими функциями сознания, как:

- предусмотрительность, т.е. способность предвидеть возможное развитие событий, возможные последствия чего-либо;
- вынесение суждений;
- контроль импульсов;
- внимание;
- организованность;
- планирование;
- эмпатия, т.е. осознанное сопереживание эмоциональному состоянию других людей, способность выражать сострадание;
- извлечение уроков из своих ошибок⁷.

Иначе говоря, эта область коры мозга имеет отношение к логике, абстракциям, рассуждени-

⁵ Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта. М., 2007. С. 512.

⁶ Практическое мышление — это... Определение, природа и характеристика // URL: <https://fb.ru/article/389117/prakticheskoe-myishlenie---eto-opredelenie-priroda-i-harakteristika?ysclid=I53nto6ejm694168437> (дата обращения: 01.07.2022).

⁷ Амен Д. Измени свой мозг — изменится возраст. М., 2013. С. 182.

ям, числам и критическому мышлению, а также к пониманию принципов причинно-следственной зависимости. Человек с развитой лобной долей способен собрать все факты, произвести их анализ и выложить из них цепочку, ведущую к правильному умозаключению, приводящую к наиболее точному выводу.

Людей с критическим и аналитическим складом ума называют *дигиталами* (digital — с англ. «цифровой, числовой»). Для них во всем более всего важен смысл. Им присуще стремление к содержательным разговорам и неприятие пустых тем для них (фото 3).

Их можно определить по внешности. У дигиталов поза зажатая и прямая. Они практически не жестикулируют, так как это не несет для них никакой информации; говорят достаточно монотонно — интонации не нужны, они их воспринимают с трудом. Дистанция отдаленная, смотрят либо в лоб собеседнику, либо «поверх толпы». Прикосновений не любят⁸.

Лобная доля развивается только к 25 годам. Именно к этому сроку клетки головного мозга и их отростки покрываются миелином (который выполняет ту же задачу, что и изоляция на проводах) и начинают работать эффективно. Но к 18 годам, когда человеку по закону можно уже участвовать в выборах, мозг далек от совершенства...

После 50 лет наступает новый подъем активности лобной доли. Возможно, это связано с уменьшением половых гормонов, а не только с богатством жизненного опыта. Наступает своего рода мудрость зрелости. Человек становится более вдумчивым и сосредоточенным на том, что действительно важно для жизни.

Эта категория людей встречается довольно редко (10–15 %). Хотя в последние годы психологи заметили, что люди подобного типа стали встречаться чаще. С чем это связано? Пока четкого ответа у специалистов нет. Но можно предположить, что повышение образовательного уровня, постоянная работа с текстами, да и в целом увеличение объема умственного труда влияет на утолщение лобной коры головного мозга. В развитом обществе эта цифра больше по вышеуказанным причинам (уже примерно 20 %).

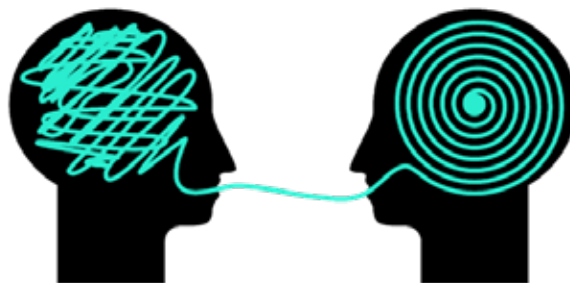
Несмотря на то что большинство людей используют все свои органы чувств, как правило, в приоритете оказывается одно из них. Вот почему среди долей мозга выделяется *ведущая*, хотя все другие, конечно же, работают также в полную силу.

II. Нейробиологическая характеристика общества

Если разделить людей по способу мышления, то можно выделить две группы (рис. 2):

1. *Рационалисты*. К ним относятся дигиталы и кинестетики, которым присуще словесно-логическое или когнитивное освоение действительности. Его еще называют *рациональным мышлением*. Для измерения когнитивного мышления уже давно используют IQ, который и является критерием аналитических и логических способностей⁹.

2. *Иррационалисты*. Это аудиалы и визуалы, которые познают мир, основываясь на таких качествах, как интуиция, чувства. Они мыслят наглядно-образно и в целом имеют *иррациональное мышление*. Зато такие люди сполна наделены эмоциональным интеллектом (EQ) и имеют хорошие социальные навыки,

⁸ Как определить психотип человека // URL: <https://bbf.ru/magazine/26/6193/?ysclid=I56saoyalo350169180> (дата обращения: 01.07.2022).

⁹ Коэффициент интеллекта // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коэффициент_интеллекта (дата обращения: 01.07.2022).

способность правильно оценить обстановку в целом, интуитивно понять то, что не сказано. Пока ученые не придумали, как измерять такой интеллект.

Рациональный человек (*синонимы*: осмысленный, расчетливый, рассудительный, здравомыслящий) имеет высококачественное мышление. Для него характерна четкость в мыслях, выявление последовательности событий, основанные на фактах обобщения, установление причины и следствия, анализ, обдумывание вариантов поведения и последующее принятие решения. Все убеждения подвергаются сомнению, а в целом рациональное мышление включает в себя и аналитическое, и критическое восприятие действительности.

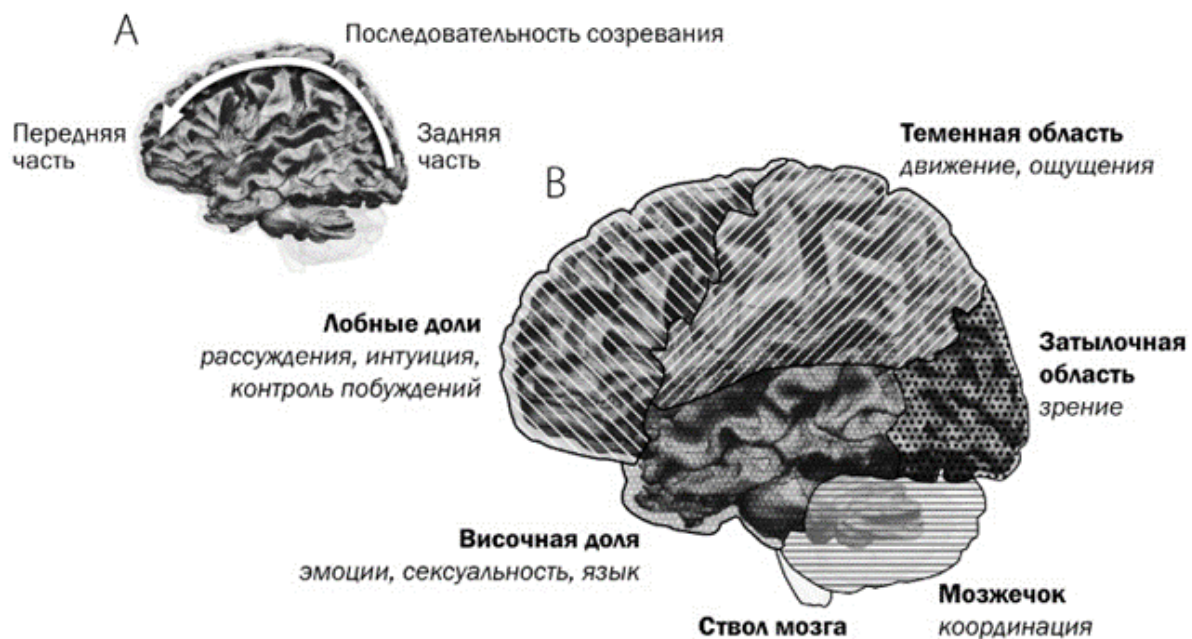
Иррациональный человек (*синонимы*: нелогичный, неразумный, парадоксальный, непостижимый) — это человек непредсказуемый и непоследовательный в своих суждениях и действиях. Он не все свои шаги заранее просчитывает и может совершать безрассудные, логически не объяснимые поступки (недоучел, не понял, не предусмотрел, не рассчитал, не увидел сразу, кто есть кто, ошибся, думал, что успею, предполагал, что пронесет и др.). Иррационал не опирается на приобретенный опыт. Для него характерным является восприятие происходящего без критической оценки, без ясного отчета о цели, средствах и способах достижения цели. Такие люди могут переключаться

с одной информации на другую и спонтанно реагировать на какие-либо события («Сердце красавиц склонно к измене и к перемене, как ветер мая...»¹⁰). Так, рациональный уже с утра запланирует, что приготовит на ужин. Иррациональный будет думать, что приготовить, когда захочет есть. Стоит заметить, что среди правонарушителей подавляющее большинство (более 70 %) составляют именно иррационалы.

Что дает нам рациональное мышление и почему мы считаем его высокоуровневым?

Рациональное мышление способно принести пользу в абсолютно любых ситуациях. Такая форма мышления просто незаменима в области политики, финансов, юриспруденции, экономики, аналитики и во множестве других сфер. Умение рационально мыслить крайне необходимо для успешного бизнеса. Не только в работе, но и в сложных жизненных ситуациях оно уберезет каждого от неверных выводов и действий и поможет решить сложные вопросы. Рациональность способна помочь в принятии правильных решений и избежать ошибок.

В развитии общественного сознания нельзя не увидеть очевидной аналогии с этапами развития мозга у отдельного человека. Мозг человека и его сознание растут по мере его взросления. Последовательность созревания мозга у индивида такова: от задней части к передней или от зрительной доли к височной, а затем к теменной и лобной доле (рис. 3).

¹⁰ Слова из арии герцога из оперы Дж. Верди «Риголетто».

Можно предположить, что, соответственно, сознание общества на первых этапах его развития будет в большей мере иррациональным с последующим нарастанием в нем рациональных моментов.

Поскольку страны находятся в разных условиях (географических, климатических, экономических и др.), постольку и темп их развития неодинаков. Однако можно указать на самую общую корреляцию: в развитом обществе доля рациональных людей гораздо больше, нежели в обществе, не отличающемся высокой степенью развития. Если же брать мировой тренд в соотношении типов ума, то ученые, отмечая безграничные возможности развития мозга, достаточно убедительно объясняют постепенное повышение рационального мышления, невзирая на регионы Земли¹¹.

III. Государственность как составляющая индекса человеческого развития

В любом государстве людей с иррациональным мышлением более чем достаточно. Рационалисты обычно по количеству им уступают. Но для выстраивания государственного управления надо знать, каково их соотношение. Ведь в конечном счете государственная политика будет реализовываться в действиях людей. Определить это соотношение непросто. В этом деле могут помочь социологические опросы. Однако есть и объективные данные, показывающие, насколько сознание общества является незрелым/зрелым или иррациональным/рациональным. Эти показатели дают довольно точную корреляцию со степенью развитости сознания людей¹².

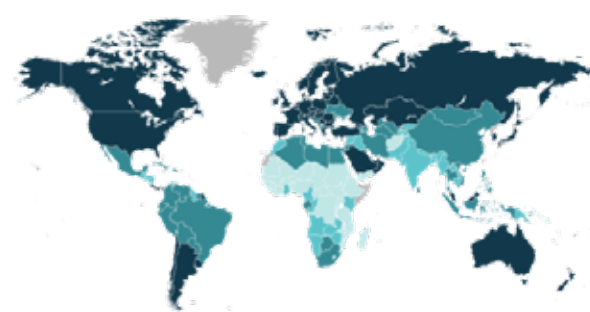
Основными из них являются:

- 1) уровень доходов граждан и ВВП на душу населения в год (от 131 000 долл. в Люксембурге до 800 долл. в Бурунди). По этому показателю страны делятся на развитые, развивающиеся и наименее развитые страны;

- 2) уровень образованности населения (здесь колебания индекса от 0,993 в Австралии до 0,286 в Нигере);
- 3) уровень городского населения (разброс по странам от 98 % в Бельгии до 6 % в Мозамбике);
- 4) продолжительность жизни (она колеблется от 90 лет в Японии до 50 лет в Чаде).

Обобщенно эти показатели называют *индексом человеческого развития*¹³.

По индексу человеческого развития все страны делятся на четыре группы: очень высокий (0,800–1,000), высокий (0,700–0,799), средний (0,555–0,699), низкий (0,350–0,549). На карте мира видно их соотношение¹⁴.

Показатели индекса человеческого развития касаются экономических и социальных параметров жизни людей. Однако представляется, что экономическая и социальная составляющие данного индекса непременно должны быть дополнены *политической* составляющей: характеристикой государственности. Ведь каждый человек живет в рамках государства — основного игрока политической системы общества. И игнорирование того, как ему «дышится в государстве» (легко и свободно или наоборот), дает неполную картину человеческого развития и не свидетельствует о качестве жизни в полной мере.

Государственность, в отличие от понятия государства, — понятие более широкое и сложное. Это государство, динамически развивающееся во времени, с присущими ему особен-

¹¹ Магрини М. Мозг. Инструкция пользователя. М., 2019. С. 92.

Считается, что за последние несколько миллионов лет наш мозг увеличился в размере в три раза, а кора лобных долей выросла в шесть раз (Макдональд М. Научи свой мозг работать. М., 2009. С. 183).

¹² Всем знакомо высказывание известного американского предпринимателя и инвестора Уоррена Баффета: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»

¹³ На основе этих показателей пакистанский экономист Махбуб уль Хак разработал индекс человеческого развития, который сейчас используется ООН для оценки развития стран.

¹⁴ Список стран по индексу человеческого развития // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_индексу_человеческого_развития (дата обращения: 01.07.2022).

ностями и закономерностями, возникающими под влиянием экономической, социальной, духовно-культурной и политической сфер общества¹⁵. Проще говоря, государственность — это государство в динамике и в соотношении с факторами, на него влияющими. Одним из компонентов государственности является человек, ибо именно он является объектом государственного управления: каков объект управления (его параметры, главный из которых тип или способ мышления), так и будет действовать субъект управления (государственная власть).

Именно в рамках более обширной и емкой категории «государственность» можно проанализировать политическую составляющую индекса человеческого развития, наиболее точно отражающего сознание народа и в конечном счете от него зависящего.

Параметров государственности несколько. Но главными из них являются два: *тип государства* и *его сущность*.

Проанализирую каждый из этих параметров государства в эволюционном ключе с тем, чтобы показать корреляцию государственных изменений именно с сознанием народа, которое, хотя и пластично, но изменяется очень медленно. Вот почему порой нужны не то, что десятилетия, столетия, а и тысячелетия для государственно-правовых изменений. Сознание народа однозначно в своем развитии и не приемлет скачков.

Государство, казалось бы, должно буквально бороться за увеличение количества людей с рациональным подходом к жизни. Но здесь не все обстоит так прямолинейно. Нужно иметь в виду, что управленческая элита — это детище народа. И если народ в своей массе иррационален, то не надо ждать того, что элита будет рациональна, прозорлива и добропорядочна. Порой ей на руку то, что замедлит рост человеческого капитала, — легче будет управлять обществом, и к тому же ее статус-кво останется неизменным на многие годы. Лишь просвещенная элита заботится о прогрессе общества и ведет народ за собой вперед.

IV. Тип государства

Типология государства отражает типологию общества.

По вопросу о периодизации общества существует множество точек зрения.

Однако почти все из них во главу угла ставят *материальный* или *экономический критерий*: социально-экономические отношения (марксистская теория формаций), основная сфера производства (Д. Белл: *доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общество*¹⁶) и др.

Под воздействием научно-технической революции стали широко применяться и другие критерии периодизации общественного развития, хотя и с использованием этого же экономического ключа. Так, О. Тоффлер в основу своей классификации положил такой критерий, как основные средства производства, и указал на три периода в развитии цивилизации: *аграрная — индустриальная — технотронная цивилизация*. Если в аграрном обществе земля дает основную массу благ, то общество индустриальное базируется на машинной технике и господстве механики. В технотронном обществе, базирующемся на цифровых информационно-коммуникационных технологиях, новейшая техника, автоматизация, роботизация, компьютеризация, информационные технологии заменяют операции человека с машинами, что оказывает определяющее влияние на все стороны социальной жизни¹⁷.

Государства, соответственно, зависят от экономики. Если в основу экономического развития положить характер средств производства, как предлагает О. Тоффлер, то можно выделить три вида государств: аграрные, индустриальные и информационные (по О. Тоффлеру — технотронные).

Классификация государств по уровню экономического развития считается наиболее важной, потому что ее центральным элементом является человек — его некомфортные/комфортные условия существования, которые зависят от его трудовой деятельности.

1. *Аграрные государства*. Труд в аграрном производстве относительно простой и не требует значительных интеллектуальных затрат.

¹⁵ Шабуров А. С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия ИГЭА. 2012. № 3 (83). С. 126–129.

¹⁶ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2004. С. 38–45.

¹⁷ Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2008. С. 45.

Человек в основном прилагает свою мускульную или физическую силу. Здесь надо действовать, условно говоря, по принципу: бери больше — кидай дальше. Образование на начальном уровне. Да и занимаются им чаще всего церковные приходы. Рациональное мышление здесь — это своего рода излишество (фото 4 и 5).

Аграрное государство — это государство, где население не демонстрирует рационального подхода к власти, не осмысливает качество предоставляемых ею услуг по государственному управлению. Но и элита не отличается рационализмом: войны, гражданские и с соседними странами, полыхают без повода и причин, наказания потрясают своей жестокостью, немислимая роскошь характерна для правителей и т.п.

Аграрные государства — это наименее развитые страны в мире. В их список вошли 47 государств. В основном это африканские и азиатские страны. Среди них — Эфиопия, Мадагаскар, Афганистан, Уганда, Бангладеш, Лаос, Камбоджа и др.

В последние десятилетия развитые страны принесли во многие африканские и азиатские страны технологии. В результате те очень быстро превратились в ресурсодобывающие и стали богатыми. Но поскольку сознание быстро не изменяется, то там даже представители элиты продолжают удивлять мир своей иррациональностью.

Так, султан Брунея вместе с семьей живет во дворце, догоняющем по своей площади территорию Ватикана. К своей любимой собаке породы барбер он летает на частном самолете. В его автопарке около девяти тысяч суперкаров.

Впрочем, ездить на них особо негде — больше половины дорог в Брунее не асфальтированы. Он питает особую страсть к золоту: купола его дворца покрыты 22-каратным золотом, его Rolls-Royce украшен золотом, из золота сделаны унитазаы и даже ершики в его дворце. Ему пришлось переписать конституцию, чтобы стать не-погрешимым. Теперь никакие решения султана

и членов его семьи, будь то государственные или личные дела, критиковать нельзя. В противном случае можно попасть за решетку¹⁸.

2. *Индустриальные государства.* Индустриальное общество основано на машинном производстве, а механизация и автоматизация являются основными способами труда. Сельское хозяйство составляет небольшой процент, основную часть ВВП дает промышленность (фото 6).

Индивиды здесь имеют уже более высокий уровень сознания и образования, поскольку производство требует умения обращаться с техническими объектами. Возникают политические партии, зачатки гражданского общества.

¹⁸ *Архипова К.* Охотник за удовольствиями. Малолетние наложницы и самый большой дворец на планете: роскошная жизнь султана Брунея // URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/17/bolkiakh/?ysclid=15ifdro72r317862888> (дата обращения: 12.06.2022).

Расширяется уровень свободы, в частности в законодательстве закрепляются некоторые права человека, но с их реализацией существуют проблемы и в целом они не гарантированы. Растет и общая культура, а также развивается наука, а вместе с этим повышается доля людей, обладающих рациональным мышлением. Однако их масса недостаточна для того, чтобы ограничить своеволие и капризы государственной власти. Население живет по одним законам, а власть себе придумывает особые правила жизни. В целом она не контролируется народом.

Крупнейшими индустриальными странами являются Бразилия, Индия, Китай, Россия. Появилась когорта новых индустриальных стран. К этой группе относят Республику Корею, Тайвань, Сингапур, Индонезию и Филиппины. И вот здесь также довольно часто случаются злоупотребления со стороны высших должностных лиц.

Так, Южную Корею называют страной «президентского проклятия», потому что поголовно все лидеры Республики Корея либо их ближайшие родственники в итоге оказывались в тюрьме либо покидали свои посты в результате убийств, переворотов, народных протестов или импичмента и даже лишали себя жизни¹⁹. Дворцовые перевороты, особняки и горы денег — это лишь надводная часть айсберга.

На Филиппинах клан Маркоса оставил заметный след в истории страны: отец, Фердинанд Маркос, жестко правил страной 20 лет. После череды политических потрясений в 2022 г. новым президентом Филиппин избран сын бывшего диктатора и его полный тезка Фердинанд Маркос. Однако почему-то выборы состоялись 9 мая 2022 г., а их результаты были объявлены лишь спустя 2 месяца...²⁰ Если сказать, что это случайно, то вряд ли. Может, правление сына Маркоса опять, как и у отца, началось с «маленьких шалостей»?

3. Информационные (постиндустриальные) государства. Знания, информация — вот основа экономики государств данного типа.

Им свойственен хорошо отлаженный рыночный механизм с высокоэффективным производством, основанным на автоматизации и компьютеризации (фото 7).

Для них характерно преобладание сферы услуг (более 60 %). Это торговля, образование, здравоохранение, транспорт, связь, финансы и др.

Но главное и кардинальное отличие информационных государств в характере труда, его *творческом начале*. Развит сектор инновационной экономики с высокими технологиями и венчурным бизнесом. Избыток инноваций вызывает конкуренцию инноваций между собой. Именно это позволяет оплатить высокую стоимость и производительность высококачественного человеческого капитала, что и обеспечивает высокое качество жизни, и не только творцам (фото 8).

Здесь, как нигде, востребованы дигиталы, своего рода гуру творческого процесса. Но с ними рука об руку идут кинестетики, те, кто способен внедрить их творческие наработки и обеспечить им жизнь. Именно они, люди с рациональным мышлением, куют ВВП страны.

К информационным государствам относятся высокоразвитые страны — США, Великобритания, Германия, Франция, Япония и др.

¹⁹ Варивода С. Южная Корея и «проклятие президентов» // URL: <http://tass.ru/opinions/5052067> (дата обращения: 12.06.2022).

²⁰ Химшиашвили П. Президент, сын президента: как к власти на Филиппинах снова пришел Маркос // URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/14/05/2022/627cea6d9a794706851a2645?ysclid=I5jod69g478354624> (дата обращения: 17.07.2022).

Понятно, что народ, основная масса которого имеет рациональное мышление, по достоинству может оценить власть, то, какие по качеству государственные услуги она ему предоставляет, живя на налоги. Власть в такой ситуации уже не может капризничать и своевольничать. Да и сами государственные менеджеры, являясь выходцами из народа и пришедшие во власть с помощью свободных выборов, далеко не лишены рационального мышления. К тому же они проходят жесткий отбор, апофеозом которого являются дебаты между кандидатами. Вот почему злоупотребления высших должностных лиц государства не являются серьезными и массовыми и тем не менее общество не склонно их терпеть и прощать.

Например, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон был замечен на вечеринке во время локдауна, объявленного в стране в связи с пандемией коронавируса. Общественность возмутилась тем, что, оказывается, законы Великобритании распространяются не на всех в равной мере... Этот факт, который Б. Джонсон и не стал отрицать, был одним из обстоятельств, приведших к его отставке в июле 2022 г.²¹

Еще один пример. В 1996 г. шла президентская избирательная кампания в США. Во время нее, как стало известно журналистам, президент США Билл Клинтон, выдвинувший свою кандидатуру на 2-й президентский срок, позвонил главе своего избирательного штаба с тем, чтобы узнать, как идут дела, из своего кабинета в Белом доме. Это общественностью было расценено, как злоупотребление и недозволенное использование государственного имущества. Действующий президент вынужден был оправдываться²².

Таким образом, в информационном государстве существует гибкая политическая надстройка, стоящая на страже стабильности общества и обеспечивающая комфортное проживание всем его гражданам.

V. Сущность государства

Речь идет о том, чьи интересы выражает государство или о волевой его составляющей.

В этом плане государство имеет *двойственную природу*: оно выражает интересы общества и правящей элиты.

Наполнение волевой составляющей государства зависит от соотношения социальных групп на том или ином этапе развития государства. В сфере общественных интересов мы всегда можем увидеть множество разнонаправленных сил, но в итоге устанавливается некий баланс различных социальных интересов. Этот баланс зависит в конечном счете от уровня общественного сознания, от сложившихся экономических, политических и иных условий в той или иной стране, а то и от соотношения сил на международной арене. Вот почему ответ на вопрос о том, чью волю выражает государство, неоднозначен и зависит от того, на какой стадии развития находится государство.

Однако нарастание доли общесоциальных интересов в сущности государства идет *постепенно*, по мере повышения уровня сознания людей. Народным массам за расширение своих жизненных возможностей приходится *бороться*, и часто эта борьба бывает кровавой. Правящая элита идет на уступки неохотно, чаще всего вынужденно, под давлением народных масс²³.

Эволюция сущности государства демонстрирует следующую закономерность.

На ранних стадиях развития общества государство в основном выражает интересы экономически доминирующего класса. Затем доля общесоциальных интересов постепенно нарастает. На более поздних этапах развития государства в праве начинают доминировать общесоциальные интересы. В конечном счете государство превращается в «служанку» общества, а государственные служащие, в том числе и высшие должностные лица, — это принятые обществом на работу менеджеры государственного управления.

Схематично это выглядит так (рис. 4).

Кратко прокомментирую эту схему.

Схема основана на классификации государств по историческому времени.

Ученые историки выделяют пять основных этапов в развитии человечества: первобытное общество, древний мир, Средние века, Новое время и Новейшее время. Как мы знаем, в первобытном обществе государства не было.

²¹ Соколов К. Джонсон объявил об отставке // URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2022/62c6c4bb9a79474b13f00399?ysclid=15k02gix7o244836793> (дата обращения: 10.07.2022).

²² Билл Клинтон — биография // URL: <https://biographe.ru/politiki/bill-klinton> (дата обращения: 10.07.2022).

²³ См.: Толстик В. А., Трусов Н. А. Борьба за содержание права. Н. Новгород, 2008. С. 39.

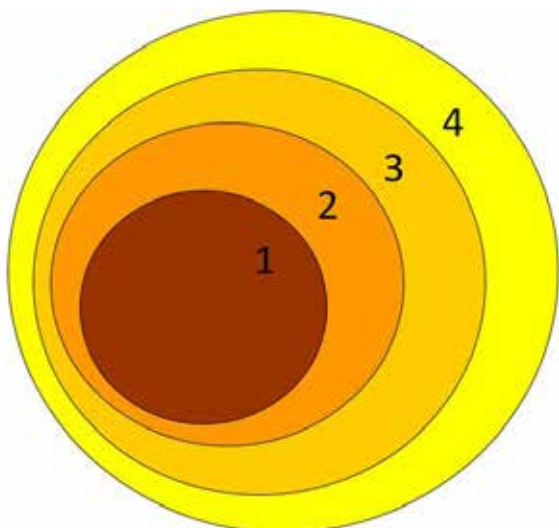

Рис. 4. Сущность государства (соотношение классовых и общих интересов)

Поэтому в историческом времени наблюдалось четыре вида государств: древние, средневековые, государства Нового времени и современные государства.

1. *Государство древнего мира* лишь в минимальной степени выражает интересы общества (на схеме круг 1). Оно не может этого не делать, потому что войны в тот период — дело обыденное. Нужны воины. Так, в Древнем Египте в период неурожая продовольственные резервные фонды использовались и для поддержки населения.

Перечень дел на благо общества небольшой: *оборона, захват других территорий, ирригация, борьба с голодом, борьба с эпидемиями и др.*

Основной массив задач государства направлен на реализацию интересов правящей верхушки. Она заботится прежде всего о себе. Оно и понятно: народ не думает ни о чем, кроме как прокормиться, жизнь скудная... Сознание иррациональное даже у верхушки, не говоря уже о народе. В античном обществе возникает образование, но оно существует только для элиты.

2. *Средневековое государство* расширяет количество общих дел, дел на благо народа (на схеме круг 2). Однако паритета в соотношении общих и элитарных интересов даже и не видно. Да, количество общественных дел увеличилось за счет таких, как *строительство дорог, хра-*

мов, отправление религиозных культов, появилась почта, стала осуществляться благотворительная деятельность и др. Но, как мы видим, многое из этого направлено опять-таки на то, как удержать «неразумный народ» в рамках. И это не случайно — население не образовано, руководствуется чувствами и в целом имеет иррациональное сознание.

Ну а с чего бы взяться рациональному подходу к жизни, который основан на познании мира, очищенном от эмпирики, на понятийных конструкциях, настраивающихся над обыденными представлениями о мире. По-прежнему господствовало обыденное сознание как совокупность представлений, основывающихся на повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности, которой они принадлежат. Дети воспитывались родителями в повседневном труде на огороде, в поле и в мастерской. Поэтому обучение труду и сама работа осуществлялись одновременно. Об элементарном умственном образовании детей в данном случае говорить не приходится. Конечно, существовали церковно-приходские школы, но там учили в основном знанию Закона Божьего²⁴.

Городские школы в Западной Европе появились в связи с ростом городов, развитием торговли в X–XI вв. и появлением нового социального слоя — горожан²⁵. Ученики жили в самых бедных районах города и нередко существовали на подаяния. В городских школах шло обучение чтению, письму, счету, причем с большими трудностями: плохие учебники, да и их не хватает, нужно все запоминать, ученики прилежанием не отличаются... Учителя не гнушаются использовать розги против учеников, чтобы их дисциплинировать.

3. *Государство Нового времени* возлагает на себя заботу о людях куда в большем размере, нежели в Средневековье. Количество общих дел становится еще больше: *появляется транспорт, связь, развиваются экономические связи с другими государствами, дипломатия* становится важной функцией государства и др. (на схеме круг 3).

Но самое главное, образование поднимается на новую, невиданную доселе высоту. Образование — это то звено, которое реально

²⁴ См.: Джуринский А. Н. История образования и педагогической мысли. М., 2003. С. 56–57.

²⁵ Средневековая образованность и первые городские школы XII–XIII вв. // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a5f948658166905e562b6d8/srednevekovaia-obrazovannost-i-pervye-gorodskie-shkoly-xiiiii-vv-5b3fc8fd8a640900a92872ee?&> (дата обращения: 17.07.2022).

способно повысить сознание людей, и развитие его становится функцией государства.

Почему же осуществился рывок в образовании и такой ли он всеобъемлющий?

В Новое время, несмотря на многочисленные войны и революции, экономика развивалась интенсивно. Постепенно произошло становление буржуазии и индустриального общества. Машинный способ производства требовал людей более продвинутых. В обществе поднимается авторитет разума, рационального отношения к хозяйственной и политической жизни. Знания теперь рассматривались как полезные инструменты преобразования мира.

Происходит постепенный переход школы от церкви к государству, возникновение начального народного образования, дальнейшее совершенствование среднего образования. Если раньше предметом изучения было только чтение, письмо, счет, пение и религиозная теория, то теперь добавились еще география, история, элементы права, этика, эстетика. Зрела необходимость в более углубленном образовании и возникновении университетов. Они и начали открываться в XVIII в., в период эпохи Просвещения.

Многие государственные деятели того времени осознали, что все люди, независимо от социального положения, вправе приобретать образование и для этого должно быть расширено участие государства в управлении и финансировании школьного дела. Однако значительная часть населения по-прежнему оставалась без должного образования и находилась в зоне иррационального сознания.

Этого нельзя сказать о правящем классе — в нем доля людей с рациональным мышлением нарастала. Это произошло благодаря двум факторам: 1) появлению высшего образования, пусть и элитарного, и носящего отнюдь не массовый характер; 2) развитию рыночной экономики и бизнесу, ее локомотиву, когда каждый предприниматель вынужден напряженно думать, как наиболее эффективно вести свои дела и развивать свое детище, т.е. бизнес.

Таким образом, доля здравомыслящих людей стала значительно больше, но пока в основном речь идет о правящем классе.

4. *Государство Новейшего времени (современное государство)*. В этот период, период

двух мировых войн и множества революций, народы, наученные этими событиями, стали меньше использовать войну как средство разрешения споров. В этот период пошла на снижение и преступность. В целом же обнаружил себя мировой тренд снижения уровня насилия²⁶. Высвободившиеся средства стали использоваться для улучшения мирной жизни. Государство как социальный институт возглавило этот процесс и возложило на себя дополнительно множество общественных дел (на схеме круг 4). Среди них: *поддержка здравоохранения, науки, социальная защита, информатика, космонавтика, экологическая деятельность, участие в работе международных организаций и др.* Количество и разнообразие функций, которые государство стало выполнять, свидетельствуют о том, что интересы общества, несомненно, стали для него первостепенными (рис. 5).

Каковы причины кардинального поворота государственной власти лицом к обществу?

Главными из них являются: развитие сознания людей и переход общества к более производительному труду, как следствие этого — накопление материальных ресурсов, позволивших государству более полно удовлетворять потребности общества. Сознание — это первопричина всяких изменений!

Накопление критической массы зрелых, здравомыслящих людей, т.е. обладающих рациональным подходом к жизни, это заслуга прежде всего образования. Произошла грандиозная вспышка знаний, и она стала менять ответ на вопрос, что это значит — быть человеком²⁷.

Образование в современных условиях претерпело невиданные изменения:

- приобрело всеобщий характер, а среднее образование в развитых странах стало обязательным;
- произошла его демократизация и оно стало доступным всем слоям населения, в том числе и социальным меньшинствам, и иностранным гражданам, и бедным слоям населения;
- стало ориентироваться на интересы учащихся и их индивидуальные возможности;
- стало ненасильственным для детей, а естественным и мотивированным, т.е. гуманистическим;

²⁶ См.: Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М., 2021.

²⁷ Пинкер С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса : пер. с англ. М., 2021. С. 281.

Рис. 5. Функции государства

- всё больше стали применяться формы и методы воспитания, повышающие активность, самостоятельность, самостоятельность учащихся;
- подверглась модернизации и внеклассная работа;
- возникло альтернативное образование;
- вузовское образование существенно расширилось и требования для поступления стали минимальными или вообще отсутствовали;
- появились открытые университеты, где выбор специальности и набор учебных курсов

- формирует сам обучающийся, исходя из своих интересов (гибкое образование);
- учиться стало возможно и дистанционно;
- произошла компьютеризация образования, что позволило всем обучающимся обеспечивать видео и аудио учебными пособиями;
- образование становится непрерывным, когда человек накапливает свой потенциал (в соответствии со своими потребностями) в течение всей жизни, используя систему государственных и общественных институтов²⁸.

²⁸ Образование в Западной Европе и США во второй половине XX века // URL: <https://zen.yandex.ru/media/nplus1/obrazovanie-v-zapadnoi-evrope-i-ssha-vo-vtoroi-polovine-xx-veka-611df524945d7f24e397d442> (дата обращения: 17.07.2022).

Вывод. Государство как социальный институт постоянно находится в динамике. Причиной изменения таких его главных параметров, как тип и сущность государства, является сознание людей, которое всё больше становится рациональным, что позволяет сделать государство подконтрольным гражданам и заставить его служить обществу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М., 2004. — 778 с.
2. Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта. — М., 2007.
3. Джурицкий А. Н. История образования и педагогической мысли. — М., 2003. — 565 с.
4. Кашанина Т. В. Законопослушность/правонарушаемость через призму нейробиологии // *Lex russica*. — 2021. — № 12. — С. 108–122.
5. Магрини М. Мозг. Инструкция пользователя. — М., 2019. — 288 с.
6. Макдональд М. Научи свой мозг работать. — М., 2009. — 304 с.
7. Пинкер С. Просвещение продолжается : В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса : пер. с англ. — М., 2021. — 626 с.
8. Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше : пер. с англ. — М., 2021. — 952 с.
9. Толстик В. А., Трусов Н. А. Борьба за содержание права. — Н. Новгород, 2008. — 239 с.
10. Тоффлер Э. Революционное богатство. — М., 2008. — 569 с.
11. Шабуров А. С. Государство и государственность: вопросы соотношения // *Известия ИГЭА*. — 2012. — № 3 (83). — С. 126–129.

Материал поступил в редакцию 8 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Bell D. Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo [The coming of post-industrial society]. Trans. from Eng. Moscow; 2004. (In Russ.).
2. Gardner G. Struktura razuma. Teoriya mnozhestvennogo intellekta [Frames of mind. The theory of multiple intelligences]. Trans. from Eng. Moscow; 2007. (In Russ.).
3. Dzhurinsky AN. Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli [History of education and pedagogical thought]. Moscow; 2003. (In Russ.).
4. Kashanina TV. Zakonoposlushnost/pravonarushaemost cherez prizmu neyrobiologii [Law Abidance / Delinquency through the Lens of Neurobiology]. *Lex russica*. 2021;12:108-122. (In Russ.).
5. Magrini M. Mozg. Instruktsiya polzovatelya [The Brain. A User's Manual]. Trans. from Eng. Moscow; 2019. (In Russ.).
6. McDonald M. Nauchi svoy mozg rabotat [Your brain: The missing manual]. Trans. from Eng. Moscow; 2009. (In Russ.).
7. Pinker S. Prosveshchenie prodolzhaetsya: v zashchitu razuma, nauki gumanizma i progressa [Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress]. Trans. from Eng. Moscow; 2021. (In Russ.).
8. Pinker S. Luchshee v nas. Pochemu nasiliya v mire stalo menshe [The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined]. Trans. from Eng. Moscow; 2021. (In Russ.).
9. Tolstik VA, Trusov NA. Borba za sodержание prava [The struggle for the content of law]. N. Novgorod; 2008. (In Russ.).
10. Toffler E. Revolyutsionnoe bogatstvo [Revolutionary wealth]. Transl. from Eng. Moscow; 2008. (In Russ.).
11. Shaburov AS. Gosudarstvo i gosudarstvennost: voprosy sootnosheniya [The State and statehood: Correlation issues]. *Izvestia IGEA*. 2012;3(83):126-129. (In Russ.).

Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде¹

Аннотация. Статья посвящена определению специально-юридического термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» / «традиционные духовно-нравственные ценности народов России». Актуальность исследования обусловлена его ролью в области правового обеспечения информационной безопасности (как лежащего в основе системы обеспечения соответствующих стратегических национальных приоритетов). Данное междисциплинарное научное исследование осуществляется на пересечении таких юридических наук, как информационное право, криминалистика, теория судебных экспертиз (судебная экспертология) и судебное речеведение.

По результатам исследования делаются выводы о том, что использование категории «нравственность» в нормативных актах вовсе не означает, что допустимо подменять правовое регулирование этическим. Анализ содержания термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» как сложносоставного специально-юридического термина, обобщающего и обозначающего обширную группу правовых понятий, выработка соответствующего перечня и его закрепление в правовых актах должны осуществляться исходя из правовой природы перечисляемых явлений, на основании их комплексной правовой оценки (установления степени соответствия/несоответствия закону, наличия/отсутствия общественной опасности). На основе такого подхода приводится авторское понимание термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» и предлагается их перечень.

Авторами рассмотрен подход, основанный на ранжировании ценностей по степени их общественной значимости и соответствия нормам права, выражающийся в разделении всего множества традиционных российских духовно-нравственных ценностей на так называемое ядро и периферию. Ядерные ценности — наиболее значимые и при этом единые для всего общества, поддерживаемые и стимулируемые

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Галяшина Е. И., Богатырев К. М., 2022

* *Галяшина Елена Игоревна*, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, и. о. заведующего кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
eigalyashina@gmail.com

** *Богатырев Константин Михайлович*, младший научный сотрудник Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kbog@rambler.ru

существующей системой права. Вокруг ядра основных ценностей существует пояс второстепенных, то есть отдельных, менее распространенных традиций, ценностей и устоев отдельных социальных групп нашего общества.

Ключевые слова: традиционные ценности; российские ценности; духовно-нравственные ценности; национальная безопасность; информационная безопасность; медиабезопасность; Интернет; информационное право; судебная экспертология; судебное речеведение.

Для цитирования: Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 138–151. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151.

The Concept of «Traditional Russian Spiritual and Moral Values» in the context of Ensuring Media Security on the Internet²

Elena I. Galyashina, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, Acting Head of the Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
eigalyashina@gmail.com

Konstantin M. Bogatyrev, Junior Researcher, Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kbog@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the definition of the special legal term «traditional Russian spiritual and moral values» / «traditional spiritual and moral values of the peoples of Russia». The relevance of the study is due to its role in the field of legal provision of information security (as the underlying system for ensuring relevant strategic national priorities). This interdisciplinary scientific research is carried out at the intersection of such legal sciences as information law, criminology, theory of forensic examinations (forensic expert science) and judicial speech. According to the results of the study, the authors conclude that the use of the category «morality» in normative acts does not mean at all that it is permissible to substitute ethical legal regulation. The analysis of the content of the term «traditional Russian spiritual and moral values» as a composite special legal term that generalizes and designates an extensive group of legal concepts, the development of an appropriate list and its consolidation in legal acts should be carried out based on the legal nature of the listed phenomena, and based on their comprehensive legal assessment (establishing the degree of compliance / non-compliance with the law, the presence/absence of public danger). Based on this approach, the authors propose their understanding of the term «traditional Russian spiritual and moral values» and list them.

The authors propose an approach based on the ranking of values according to the degree of their social significance and compliance with the norms of law, expressed in the division of the entire set of traditional Russian spiritual and moral values into the so-called core and periphery. Nuclear values are the most significant, at the same time uniform for the whole society, supported, and stimulated by the existing system of law. Around the core of the essential values, there is a belt of secondary, that is, separate, less widespread traditions, values and foundations of individual social groups of our society.

Keywords: traditional values; Russian values; spiritual and moral values; national security; information security; media security; Internet; information law; judicial expertise; judicial speech.

Cite as: Galyashina EI, Bogatyrev KM. Ponyatie «traditsionnye rossiyskie dukhovno-nravstvennye tsennosti» v kontekste obespecheniya mediabezopasnosti v internet-srede [The Concept of «Traditional Russian Spiritual and Moral Values» in the context of Ensuring Media Security on the Internet]. *Lex russica*. 2022;75(10):138-151. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151. (In Russ., abstract in Eng.).

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

Введение. Для поддержания правопорядка, защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества, государства необходима организация целостной системы информационной безопасности. За последние два года (в период с 2020 по 2022 гг.) в нашем законодательстве и подзаконных актах активно стали использоваться конструкции следующего характера: «традиционные ценности», «традиционные семейные ценности»³, «традиционные российские духовно-нравственные ценности»⁴, «культурные, исторические и духовно-нравственные ценности многонационального народа Российской Федерации»⁵ и т.д. Этими терминами обозначается та самая идейная основа информационной (и, шире — национальной) безопасности.

Важно отметить, что их использование носит отнюдь не декларативный характер; напротив, подразумевается, что за этими понятиями стоит определенное содержание, что у нас в государстве есть четкое и целостное понимание данной категории (поскольку речь при использовании перечисленных выше терминов, по сути, идет об одном и том же концепте), позволяющее нам в том числе эффективно осуществлять правовое регулирование и правоохранительную деятельность. Однако на практике данный концепт всеми понимается по-разному; это можно объяснить как общим характером данного термина, так и различием в подходах к анализу его понимания. Несмотря на предпринимаемые государством попытки юридически формализовать данный концепт и закрепить его единое понимание в нормативном акте (как

в случае проекта Министерства культуры⁶), пока этого так и не было сделано.

Коль скоро данный термин применяется в основных актах, посвященных в том числе обеспечению информационной безопасности как компонента национальной безопасности РФ, для проведения полноценных научных исследований в этой области юридической науки представляется необходимым всё же определить его содержание (или хотя бы выработать однозначный подход к его определению). Авторами ведется работа над концептуальными основами таких частных экспертных теорий, как теория экспертного обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности и теория экспертного обеспечения медиабезопасности в цифровой среде. В рамках этих работ рассматриваемый в статье термин имеет базовое, основополагающее значение, поэтому его комплексное научное исследование с позиций таких юридических наук, как информационное право (в том числе цифровое право), общая теория судебных экспертиз (судебная экспертология) и судебное речеведение, представляется актуальным и (ввиду наличия у исследователей, помимо юридических, специальных лингвистических знаний) практически значимым.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют всеобщий философский метод познания (позитивистская и постпозитивистская философская методология; в частности, аналитический подход, использующий методы логического и лингвистического анализа) наряду с общенаучными методами

³ П. «в» ст. 114 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237 (первоначальный текст); см. также: Указ Президента РФ от 28.06.2022 № 411 «О Дне семьи, любви и верности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 28.06.2022. № 0001202206280003; распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2021. № 39. Ст. 6751.

⁴ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5228; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁵ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁶ Минкультуры разработало проект указа президента по защите духовно-нравственных ценностей // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/minkult-razrabotal-proekt-po-zashhite-dukhovno-nravstvennykh-cennostey.html> (дата обращения: 16.08.2022); проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (по состоянию на 21.01.2022) (подготовлен Минкультуры России, ID проекта 01/03/12-21/00123967) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=80028#iNyWMETyrFR8TIHv2> (дата обращения: 16.08.2022).

(наблюдение, описание, сравнение, обобщение и т.д.), а также частнонаучными методами (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.). Исследование будет проводиться на нормативно-правовом материале (законодательство и подзаконные нормативные акты), а также посредством изучения имеющейся по теме научной литературы.

Поскольку исследование осуществляется в рамках разработки частной экспертной теории обеспечения медиабезопасности в цифровой среде, мы также будем исходить из положений таких юридических наук, как информационное право, общая теория судебных экспертиз (судебная экспертология) и судебное речеведение.

Исследование. Теоретические исследования по разработке перечня традиционных ценностей многонационального народа Российской Федерации, составляющих единую систему и лежащих в основе государственной политики, должны (как нам представляется) осуществляться с позиций юридической науки, а сам концепт таких ценностей следует рассматривать как правовую категорию. Данные тезисы обусловлены характером использования рассмотренных выше терминов (они используются при конструировании нормативных актов), а также их основополагающим характером. В то же время, если мы будем рассматривать традиционные российские духовно-нравственные ценности не как правовую категорию, а как категорию иного рода (например, этическую, культурную и т.д.), то это существенно осложнит (если не сделает невозможным) эффективное и конструктивное осуществление законодательной и правоприменительной, правоохранительной деятельности.

Отличительными чертами языка права, обусловленными спецификой поля его применения, являются краткость, концентрированность, однозначность и доступность для понимания; в силу этого необходимо избегать использования метафор, аллегорий, архаизмов, жаргонизмов, заимствованных иностранных слов, а также любых средств выразительности. Соответственно, юридический язык характеризуется терминологической строгостью, единством и стабильностью используемых терминов, адекватным выражением в терминах воли законодателя, общепризнанностью используемых терминов и юридических понятий и т.д. Всё это необходимо

для того, чтобы исключить возможность интолкования, сделать норму права определенной, ясной, единообразной для применения.

При этом используемые в рамках понятийно-категориального аппарата юридической науки термины также различают по их характеру и сфере употребления⁷. Среди них можно выделить следующие виды:

- *общеупотребительные термины*, которые обозначают принятые в литературном языке категории (например, «жилище», «семья», «жизнь», «родители и дети» и др.);
- *специально-юридические термины*, используемые для обозначения юридических понятий (например «истец», «ответчик», «правонарушение» и т.д.);
- *специальные неюридические термины* или *специально-технические термины* (заимствованные из других наук и областей человеческой деятельности).

Сложно отнести рассматриваемый термин к общеупотребительным, ведь, несмотря на видимую простоту его понимания, его однозначное восприятие в обществе отсутствует; толкование и восприятие содержания данного термина могут существенно отличаться в зависимости от позиции и мировоззрения конкретного индивида. Его также нельзя отнести к специальным неюридическим терминам, поскольку его конструирование было осуществлено в рамках правовой материи, а изучение обозначаемого им содержания с позиций других дисциплин (в первую очередь с точки зрения философии, социологии, культурологии и этики) в силу разнообразности подходов скорее бы усложнило выработку единого подхода к его пониманию.

Следовательно, мы должны и будем рассматривать традиционные российские духовно-нравственные ценности как сложносоставной специально-юридический термин, объединяющий и обобщающий множество других юридических терминов и выступающий по отношению к ним в качестве родового понятия. Заметим, что исследуемая категория является отнюдь не рядовой и носит основополагающий характер в построении правовых норм. В настоящее время вводятся новые правовые составы, связанные с ним и подразумевающие в том числе серьезную юридическую ответственность за действия, противоречащие традиционным российским

⁷ См.: Теория государства и права : учебник для бакалавров / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. М. : Проспект, 2022. 568 с.

духовно-нравственным ценностям / причиняющие им вред. В связи с этим цена ошибки (которая может быть допущена из-за неопределенности, неоднозначности в понимании данного термина и толковании содержащих его норм права) представляется очень высокой. Подмена же норм права нормами морали с их расплывчатостью формулировок и широтой толкования недопустима, поскольку в таком случае в контексте разбалансированного соотношения деяния и последующей санкции может быть нарушен один из важнейших принципов права — справедливость. Кроме того, будет нарушена и законность; предпочтение норм морали нормам закона, осуждение «не по закону, а по совести» напрямую противоречит положениям ч. 2 ст. 4 Конституции Российской Федерации.

В связи с этим подход к определению термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» / «традиционные духовно-нравственные ценности народов России» должен быть последовательным и подразумевать рассмотрение его в рамках юридической парадигмы с учетом его соотношения с другими юридическими категориями, в контексте принципов права, его ценности. Принцип свободы от оценки⁸, лежащий в фундаменте современного академического подхода к обеспечению объективности научного исследования, в полной мере будет иметь место и в этом исследовании с теми лишь ограничениями, что, проводя исследование в области современного отечественного права, мы не можем не принимать во внимание выраженные в нем базовые принципы и ценности. Коль скоро речь у нас идет о термине, содержащем в себе элемент «ценности», то данное ограничение не представляется нам хоть сколько-то снижающим научную и практическую значимость данной работы.

Безусловно, невозможно изучать правовую материю в отрыве от экстраправовых, неюридических факторов (без учета социальных, куль-

турных, экономических, религиозных и иных реалий, теорий, взглядов и позиций). Кроме того, юриспруденция как наука социальная, в отличие от естественно-научных дисциплин, изучает не мир, данный нам в ощущениях, а право (как особый регулятор общественной жизни, позволяющий преобразовывать социальную реальность и добиваться желаемого результата). То, каков этот желаемый результат, зависит в том числе от базовых мировоззренческих установок, принципов и аксиом, которые также будут первичны по отношению к праву, находясь тем самым вне него. Однако изучение этих принципов, норм и правил является предметом других наук (как уже упомянутых философии и связанной с ней этики, так и других); мы же, осуществляя юридическое исследование и имея дело с правовой материей, ограничимся анализом права и его понятийно-категориального аппарата в контексте обеспечения информационной безопасности. Однозначно определившись с подходом и методологией исследования, установив пределы и ограничения, обусловленные спецификой исследуемого объекта и нашего подхода к его рассмотрению, приступим к изучению имеющихся в научной литературе позиций по исследуемому вопросу.

Общим местом различных исследований, посвященных анализу традиционных российских духовно-нравственных ценностей, является указание на то, что потребность в их формулировании и закреплении на государственном уровне возникает вследствие установленного в ч. 2 ст. 13 Конституции РФ запрета на установление государственной идеологии⁹. Отношение к этому запрету в подавляющем большинстве случаев негативное; он рассматривается как один из факторов «нравственной деградации» и «морального разложения». В качестве основного аргумента в подтверждение этой позиции ученые, как правило, используют апелляцию к очевидности¹⁰ или приводят оценочные сужде-

⁸ Момджян К. Х. Принцип «свободы от оценки» М. Вебера и его роль в социальном познании // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2014. № 3. С. 11–19. EDN SEWJDD ; см. также: Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. М. : Директ-Медиа, 2010. 108 с.

⁹ См., например: Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4. EDN QQZJBP ; Романов А. А. К вопросу о государственной идеологии в контексте поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4 (90). С. 32–39. EDN NWUJLW.

¹⁰ См.: Овчинников А. И. Указ. соч. С. 36 ; Актуализация духовно-нравственных ценностей как путь к здоровью молодежи / Л. В. Удалова, С. Е. Горшкова, В. Ю. Лебедев, Л. Я. Мещерякова // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 5. С. 318. DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.3. EDN SVEYLN.

ния о заведомой деструктивности ряда явлений (как, например, эвтаназия, аборт или ювенальная юстиция), позиционируют их в качестве примеров такого морального разложения.

Следует отметить, что, говоря о запрете государственной идеологии, ученые, как правило, умалчивают о содержащемся там же запрете на любые обязательные идеологии. Тем важнее замечание на эту тему А. А. Романова: «Запрет обязательной идеологии обоснован многолетним опытом нашей страны и является достижением демократического пути ее развития. Помимо дискриминации людей по идеологическому принципу, обязательная идеология делает государственную политику негибкой, не способной учитывать изменяющиеся обстановку, возможности, риски, угрозы и т.п. В связи с этим государство с закрепленной обязательной идеологией будет иметь определенные ограничения в своем развитии»¹¹. При этом он отмечает, что «...государство не может существовать без государственной идеологии. Несмотря на положения ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, содержание фактической государственной идеологии современной России отражается в ее Основном Законе»¹². Примечательна и позиция А. А. Смирнова, который пишет следующим образом: «...нельзя забывать о том, что в правовом демократическом государстве степень его вмешательства в общественную жизнь, в том числе в духовную сферу, должна быть строго лимитированной. Попытки государственного директивного навязывания взглядов и ценно-

стей, пресечения любого инакомыслия несовместимы с принципами демократического устройства. Эти идеи нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации, закрепляющей принципы идеологического и политического плюрализма (ст. 13), свободу мысли, слова и информации, гарантированность свободы массовой информации (ст. 29) и допускающей строго лимитированное ограничение прав и свобод (ст. 55)»¹³.

«Моральное разложение» и «нравственная деградация» часто рассматриваются через призму противопоставления «западных»/«европейских» («либеральных») и российских (традиционных, «консервативных») ценностей. Подобная позиция (подразумевающая этическую, а не правовую, оценку, и анализ с точки зрения морали, а не права), имеющая место даже в исследованиях ученых-юристов, ставит во главу угла не формально-догматический, а аксиологический подход; что, безусловно, может иметь место (для анализа фактических предпосылок нормативно-правового регулирования), однако не будет способствовать разделению норм права и морали, определению традиционных российских духовно-нравственных ценностей как юридического термина. Такое противопоставление (которое можно рассматривать как очередной виток дискуссии «славянофилов» и «западников») широко представлено как в научной литературе¹⁴, так и в общественно-политической публицистике¹⁵. В этом контексте система традиционных российских духовно-

¹¹ Романов А. А. Указ. соч. С. 33.

¹² Романов А. А. Указ. соч. С. 38.

¹³ Смирнов А. А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 325–326.

¹⁴ См.: Овчинников А. И. Указ. соч. ; Калинин С. А. Геокультурный подход мировоззренческой исследовательской программы: о проблеме взаимодействия либеральных и традиционных стандартов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 1. С. 94–124. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kalinin. EDN KZUQQH ; Седова Л. И. Национальная идентичность: тенденции трансформации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 69–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81. EDN HNMJFG ; Стеценко В. В. Актуальная версия стратегии национальной безопасности РФ в контексте развития просветительской парадигмы во взаимодействии государства и общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 285. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290. EDN IQNBLE ; Гутиева М. А. Понятие свободы в отечественной и европейской традициях // Перспективы развития АПК в современных условиях : материалы 9-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 20–24 апреля 2020 г. Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2020. С. 491–494. EDN LZYFGN.

¹⁵ Запад видит в России врага, потому что у нее «неправильные» ценности // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20160317/1391628897.html> (дата обращения: 16.08.2022) ; Чем конкретно русские люди отличаются от европейцев // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20150430/1061874906.html> (дата обращения: 16.08.2022).

нравственных ценностей рассматривается как самобытная идеологическая основа, базис для выработки новых общечеловеческих и общекультурных смыслов, как основание сильного суверенного национального государства, противостоящего глобальным мировым тенденциям (имеющим в контексте нашей культуры явно негативный характер).

При этом не следует упускать из виду вопрос соотношения традиционных ценностей и общественного, социального прогресса. Как отмечает А. А. Смирнов, «традиционные ценностные ориентиры и социальные регуляторы объективно отстают от галопирующей динамики развития информационно-технологической сферы»¹⁶. С одной стороны, это означает, что многие объективно полезные нововведения могут встречать яростное сопротивление реакционно (обскурантистски) настроенных слоев общества; с другой стороны, неконтролируемое распространение новых информационно-коммуникационных технологий может серьезно осложнить борьбу с правонарушениями и профилактику их причин. Соответствующая деятельность государственных органов и институтов гражданского общества должна осуществляться с соблюдением таких основополагающих принципов, как законность и справедливость. В связи с этим мы в очередной раз отметим недопустимость смешения нормативно-правового и морально-нравственного регулирования общественных отношений в области информационной безопасности. При этом для большинства перечисленных исследований характерен подход, основывающийся на формализации морали, ее инкорпорировании в правовую материю.

В докладе ОБСЕ на тему «Свобода выражения мнения в Интернете», подготовленном Я. Акденизом, в явном виде описаны предпосылки к использованию категории «традиционные ценности»: «Новые средства передачи информации исторически воспринимаются с недоверием и становятся предметом чрезмерного регулирования, поскольку они вызывают опасения в связи с их возможными пагубными последствиями для общества, безопасности и политических структур власти. <...> “Критерии вреда” остаются разными на территориях разных стран, при этом каждое отдельное госу-

дарство само решает, что считать законным и незаконным на основании различных культурных, моральных, религиозных и исторических признаков и конституционных ценностей. <...> Контент, считающийся вредным и оскорбительным, не всегда является незаконным. Как правило, разница между незаконным и «вредным» контентом заключается в том, что незаконный контент криминализуется национальным законодательством, а «вредный» контент считается некоторыми оскорбительным, предосудительным или нежелательным, но, как правило, не является противозаконным»¹⁷. Во-первых, здесь указываются причины, по которым законодатель видит необходимость в правовом регулировании интернет-среды, во-вторых, указывается на контекстуальность понимания вредности и деструктивности в зависимости от существующих в отдельном обществе и государстве традиций, ценностей и норм; в-третьих, демонстрируется различие категорий «противоправный» и «вредный»/«деструктивный» (первая характеристика указывает на противоречие закону, вторая — на противоречие морали).

Как указано выше, мы проводим исследование в рамках юриспруденции, поэтому изучать вопрос соответствия/несоответствия чего-либо моральным нормам не представляется верным. Вместе с тем анализ традиционных российских духовно-нравственных ценностей как специально-юридического термина подразумевает его соотнесение с корреспондирующими ему юридическими категориями. В таком случае устраняется проблема смешения права и морали как разных регуляторов общественных отношений (второй — менее определенный, более расплывчатый, нежели первый); рассмотрение же аксиологического компонента обеспечения информационной безопасности будет подразумевать установление соответствия/несоответствия определенных общественных отношений (в которых проявляются определенные ценности народов России) существующему законодательству (и, соответственно, закрепленным в нем принципам и ценностям).

Как следует из лингвистического анализа категории «традиционные российские духовно-нравственные ценности», ею обозначается некая совокупность объектов (ценностей), ха-

¹⁶ Смирнов А. А. Указ. соч. С. 41.

¹⁷ Свобода выражения мнения в Интернете. Отчет представителя по вопросам СМИ ОБСЕ Д. Миятовича. ОБСЕ, 2011. С. 5–6, 13.

рактизирующихся перечисленными свойствами (традиционные, российские, духовные, нравственные). Как уже отмечалось, мы рассматриваем исследуемый термин в юридическом ключе; соответственно, характеристика «нравственные» не должна нас сбивать и переводить из плоскости права в плоскость морали. Напротив, данная характеристика подразумевает, что к числу обозначаемых исследуемым термином ценностей будут отнесены те, которые воспринимаются как связанные с нравственностью законодателем (например, по смыслу гл. 25 УК РФ или гл. 6 КоАП РФ). В том же смысле мы должны рассматривать характеристику «духовные» — это не то, что обозначается как «духовное» в обыденной речи (от религиозного до культурного), а то, что относится к духовной сфере в контексте законодательства (например, в контексте Федеральных законов от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁸ или от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹⁹). Характеристика «российские» свидетельствует об их принципиальной связи с бытием нашего общества и государства. Вопрос же о том, какие ценности являются «традиционными», а какие нет — основной и наиболее дискуссионный. Это обусловлено наименьшей степенью формализованности данного понятия и множества подходов к нему, вытекающих из его природы.

Согласно Большому толковому словарю русского языка²⁰, слово «традиционный» значит «являющийся традицией; основанный на традиции». «Традиция», в свою очередь, понимается как «1) исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т.п.; 2) установившийся порядок, неписанный закон в поведении, в быту; обычай, обыкновение; 3) обычная, закрепившаяся норма чего-л.». Как можно отметить, ключевой характеристикой традиции, определяющей традиционность чего-либо, является ее темпоральность — формирование и закрепление со временем, длительный период существования. Полезность традиции, ее ценность для общества подтверждается самим фактом ее существования (в противном случае она бы просто исчезла, не сохранилась, проиг-

рала конкуренцию другим порядкам, правилам и нормам).

Сразу возникает два вопроса. Первый: как мы определяем, что пока является нововведением, а что — уже является традицией (каков временной период существования явления, который позволяет нам судить о нем как о традиционном)? Второй: как мы определяем, сохранилась ли традиция, обладает ли она той же социальной полезностью, что и ранее, или она уже отжила свое и ее следует заменить материей, актуальной для наших реалий? Ответы на эти вопросы с точки зрения юридической науки весьма затруднительны; их изучение лежит скорее в плоскости философии, социологии, культурологии. Вместе с тем определенные подходы (например, основанные на юридической преемственности государств) всё же могут быть применены; однако вопросов в таком случае станет еще больше (являются ли реликты советского прошлого, оставшиеся от семидесятилетнего периода существования СССР, традициями? Если да, то остались ли у нас традиции имперской России, учитывая, что РФ ведет преемство права и государственности не от нее, а от СССР, который с имперским прошлым решительно порывал? Как быть с неправовыми факторами традиционности, такими как религия и культура? и т.д.).

Поэтому (заметив, что данный вопрос нуждается в дополнительном изучении) мы будем рассматривать характеристику «традиционные» в контексте того, что характеризуется подобным образом в нашем обществе (т.е. мы возьмем критерий традиционности исходя из того, как он позиционируется в обыденной речи).

Составление перечней традиционных ценностей, характерных для нашего общества и характеризующих его духовно-нравственную основу (если угодно, их можно обозначать уже ставшим штампом, стилистически затертым термином — «духовные скрепы»), — одна из тех основных задач, которые наше общество пытается решить. Из наиболее наглядных действий по составлению единого перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей можно упомянуть деятельность Всемирного русского народного собора (в 2012 г.)²¹,

¹⁸ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

²⁰ См.: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

²¹ Овчинников А. И. Указ. соч. С. 40.

Зиновьевского клуба (в 2016 г.)²² и недавнюю инициативу Министерства культуры РФ²³. Во всех случаях перечни ценностей имеют много общего (например, в контексте значения традиционной семьи и неприятия нетрадиционных форм сексуальных отношений; вопросов веры, патриотизма и т.д.), однако первые два характеризуются куда меньшей степенью формализованности (т.к. основываются больше на нормах морали, в том числе религиозной) и являются арбитрными (т.е. зависящими от усмотрения и позиции сформулировавшего их субъекта, что заставляет задуматься о степени их объективности). Следует также отметить, что перечень ценностей — единый для всех и его разделение так же недопустимо, как разделение национальной безопасности РФ на безопасность отдельных наций российского многонационального народа²⁴ (а такие исследования имеют место²⁵).

Говоря же о составлении единого перечня ценностей с позиций юриспруденции, мы должны уделить особое внимание его репрезентативности с учетом плюрализма, имеющего место в нашем обществе. О. Е. Кутафин, исследуя духовную основу российского конституционного государства, неоднократно подчеркивал, что такой основой является идеологическое многообразие, закрепленное как принцип в действующей Конституции 1993 г.; кроме прочего, именно из этого принципа следует запрет на возведение какой-либо одной идеологии в статус государственной или обязательной²⁶. Нельзя допустить того, чтобы права отдельных

социальных групп были существенно нарушены или не учтены (при этом памятуя о том, что мы не можем действовать во благо меньшинства в ущерб большинству); а этих социальных групп в нашей стране великое множество (от различных этносов и религиозных конфессий до представителей различных политических сил), и все имеют свое мировоззрение и систему ценностей. Как справедливо утверждает А. И. Овчинников, «в условиях многонационального государства весьма проблематично рассчитывать на то, что нравственные устои являются общепризнанными на всей территории государства и не представляют собой этические правила поведения отдельных национальностей или профессиональных и социальных групп»²⁷.

Вопрос о том, чтобы при составлении перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей были непротиворечиво и верно учтены традиционные ценности разных народов России, различных социальных групп, составляющих в совокупности российское общество, по-настоящему сложен. Необходимо определиться, как следует поступать в случае выявления различий; чему следует отдать приоритет.

В связи с этим нами предлагается подход, основанный на ранжировании ценностей по степени их общественной значимости и соответствия нормам права. По аналогии с теорией научно-исследовательских программ предлагается разделение всего множества традиционных российских духовно-нравственных ценностей на так называемое «ядро» и периферию.

²² Запад видит в России врага, потому что у нее «неправильные» ценности.

²³ Проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

²⁴ Представляется, что данная ошибка возникает вследствие неверного толкования соотношения терминов «многонациональный народ» и «национальная безопасность». Национальная безопасность — это безопасность не отдельных наций в рамках всего народа, а безопасность всего нашего народа (общества) и государства в целом (в контексте Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»). В данном случае многонациональный народ РФ правильнее определять как полиэтничную нацию, т.е. общественно-политическое объединение множества этносов, имеющих одну общую государственность (сформированную государствообразующим народом). Именно о безопасности такой полиэтничной нации (русской нации в контексте Указа Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»), ее государственных институтов и идет речь, когда мы используем термин «национальная безопасность».

²⁵ См., например: Гореликов А. И. Правовое обеспечение национальной безопасности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Теория и практика общественного развития. 2022. № 6 (172). С. 109–112. DOI: 10.24158/tipor.2022.6.16. EDN FEPWLH.

²⁶ См.: Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. М. : Проспект, 2011. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. С. 367–413.

²⁷ Овчинников А. И. Указ. соч. С. 38–39.

Ядерные ценности — наиболее значимые и при этом единые для всего общества, поддерживаемые и стимулируемые существующей системой права. В отношении них существует описанный в науке традиционный консенсус²⁸, который рассматривается как принципиально возможный и вместе с тем необходимый ввиду существующего в обществе плюрализма (его проявления и вытекающие из них правовые принципы рассмотрены нами выше). Они лежат в основе существующего правопорядка, определяют дух и букву закона; в том числе исходя из них определяется наличие/отсутствие общественной опасности каких-либо действий. Как пишет А. А. Смирнов, «именно в культуре содержатся те базовые ценности и мировоззренческие установки, выработанные в ходе многовекового развития российской нации, которые выступают самым надежным барьером на пути проникновения деструктивных идей, взглядов, установок. В ней же заложены и мощные инструменты защиты своего “культурно-цивилизационного ядра” и противодействия его эрозии и разрушения. <...> Вместе с тем в современном глобальном информационном обществе нормы морали, как и иные социальные нормы, подвержены мощной эрозии. Это обусловлено целым рядом факторов, включая глобализацию, свободный доступ к любой информации, ускорение социальной динамики и др. Поэтому в ряде случаев для обеспечения соблюдения важных нравственных норм используются механизмы юридической ответственности»²⁹.

К числу таких «ядерных» традиционных российских духовно-нравственных ценностей могут быть отнесены следующие (включенные в предложенный Минкультотм перечень³⁰, закрепленные в Конституции РФ и охраняемые законодательством):

- жизнь и здоровье;
- права и свободы человека, достоинство личности;
- достойная жизнь и свободное развитие человека;

- равенство (независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств);
- законность;
- справедливость;
- равенство всех форм собственности, их признание и защита; поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности при единстве экономического пространства;
- нравственность, свобода совести, свобода вероисповедания (вкл. положения ст. 67.1 Конституции РФ); светский характер государства;
- историческая память и преемственность поколений; исторически сложившееся государственное единство;
- единство народов России (гражданский мир и согласие);
- российская нация³¹ как носитель суверенитета и единственный источник власти (публичный характер власти);
- семья и дети (поддержка семьи, материнства, отцовства и детства);
- безопасность, благополучие и процветание России.

Следует особо оговорить, по какой причине ряд ценностей, перечисленных в качестве традиционных в проекте указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», выше приведен не был. Речь идет о созидательном труде, приоритете духовного над материальным, коллективизме, гуманизме и милосердии (остальные ценности в том или ином виде в приведенном выше перечне присутствуют). Нельзя сказать, что эти ценности противоречат нашему перечню; однако вызывает вопросы корректность данных формулировок в контексте их использования как правовых категорий. Созидательный труд, в нашем понимании,

²⁸ Посадский А. В. Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44). DOI: 10.34685/НЛ.2021.81.46.013. EDN VHGXTV.

²⁹ Смирнов А. А. Указ. соч. С. 224–225.

³⁰ Проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

³¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

³² См.: Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

полностью охватывается правовой категорией «свобода экономической деятельности»; при этом поддержка конкуренции, имеющая место в нашем государстве, только стимулирует этот созидательный труд (в более широком контексте — любую предпринимательскую деятельность). Формулировки «приоритет духовного над материальным» и «коллективизм» представляются скорее реликтами коммунистической идеологии. Нельзя отрицать значение данных морально-нравственных категорий в нашем обществе (особенно в контексте нашей тысячелетней истории), учитывая сложившееся единство и силу религиозных традиций; но, как нам представляется, эти аспекты также нашли надлежащее (посредством закрепленных в законе правовых категорий) выражение в приведенном выше перечне. Следует отметить, что плюрализм (в том числе в вопросе соотношения «материального» и «духовного»), светскость, принцип отсутствия обязательной / государственной идеологии — выстраданные достижения отечественной правовой науки, имеющие серьезнейшие предпосылки и основания в истории нашего государства и общества. Наконец, гуманизм и милосердие, являющиеся чисто этическими категориями, также надлежащим образом отражены в юридических терминах приведенного перечня и не нуждаются в дополнительном закреплении.

Вокруг ядра основных ценностей существует пояс второстепенных. Это отдельные, менее распространенные традиции, ценности и устои отдельных социальных групп нашего общества. Их соотношение с нормами права также не всегда одинаково; если «ядерные» традиционные ценности закреплены в законе, охраняются и защищаются им, а их проявления полностью соответствуют нормам права, то некоторые второстепенные, периферийные традиционные ценности могут быть как в «серой зоне» нормативно-правового регулирования (закон в отношении них не дает конкретных указаний; они «нейтральны»), так и напрямую противоречить закону и другим, «ядерным» традиционным ценностям. В качестве примера «нейтральных» ценностей можно рассмотреть многоженство (связанное, например, с религиозными представлениями о традиционной семье, характерными для мусульманства); возможность регистрации мно-

жественного одновременного брака отсутствует, однако никаких санкций за фактическое многоженство (в отличие от советских времен, когда существовала предусматривающая уголовную ответственность ст. 235 «Двоеженство или многоженство» Уголовного кодекса РСФСР³²) в действующем отечественном законодательстве не имеется. В качестве примера последней категории можно рассмотреть обычай кровной мести (который в обычном сознании связан с такими моральными ценностями, как честь и достоинство), который напрямую противоречит таким ценностям, как жизнь и здоровье, и криминализован в уголовном законодательстве (мотив кровной мести является квалифицирующим признаком, свидетельствующим о повышенной общественной опасности деяния³³).

В завершение хотелось бы всё же остановиться и на этическом измерении проблемы формирования сложносоставного специально-юридического термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Право — лишь инструмент социального конструирования желаемой реальности. То, какой она должна быть, определяется исходя из нашей картины мира и наших представлений о должном. Позицию многих авторов, рассматривающих этические предпосылки закрепления данной правовой категории, можно характеризовать следующим образом: существует некая единственно верная (и потому единственно возможная, допустимая) моральная система; все, что противоречит этой системе, является деструктивным. Вследствие этого люди, на самом деле не имеющие четкой непротиворечивой системы этических взглядов и соблюдаемых правил, отвергают все, что не соответствует их представлениям о должном. Однако подобный подход исключает возможность социального прогресса, который приводил бы к качественным изменениям такой моральной системы. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть вопрос новой этики как нравственной системы, основанной не на слепом усвоении и подчинении некой этической системе как единственно верной, а на сознательном, аргументированном принятии/отторжении этических норм и правил и формировании собственной, четкой, осознанной, непротиворечивой системы морально-нравственных координат³⁴.

³³ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³⁴ См.: Тульпе И. А., Смирнов М. Ю. «Новая этика» как социальный диагноз // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 1 (21). С. 30–38. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38. EDN DEOYDO.

Выводы. Идеологическое многообразие, следующее из конституционного запрета на одну обязательную и/или государственную идеологию, подразумевает, что такие ценности могут находить закрепление в нормативных правовых актах, а могут и не формализоваться, оставаясь частью морали как регулятора общественных отношений. При этом использование категории «нравственность» в нормативных актах вовсе не означает, что допустимо подменять правовое регулирование этическим. Важен также метаэтический аспект проблемы, в рамках которого рассматривается вопрос о том, являются ли моральные суждения универсальными или относительными, может ли быть одна единственно правильная этическая позиция, которую следует навязывать остальным силой государственного принуждения; допустимы ли моральный релятивизм и нигилизм как метаэтические позиции.

И всё же, вопрос о мировоззрении людей имеет экзистенциальное значение для любого политического режима, поскольку в том числе от преобладающих в обществе настроений и поддержки народа (легитимности) зависит судьба конкретного конституционного строя. А учитывая новую реальность информационной войны, ведущейся против нашей страны, вопрос об эффективном противодействии информационным угрозам мировоззренческого характера стоит достаточно остро.

Исходя из того места и той роли, которая отводится изучаемому в настоящей работе термину, традиционные российские духовно-нравственные ценности должны рассматриваться исключительно как правовая категория. Сращивание морали и закона имеет негативные последствия, поскольку повышает неопределенность последнего (закон предписывает наказание за нарушение норм морали, имеющих отличные от закона причины возникновения и мотивацию) и в то же время может идти вразрез с этическими позициями части населения.

Анализ содержания термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» как сложно-составного специально-юридического термина, обобщающего и

обозначающего обширную группу правовых понятий, выработка соответствующего перечня и его закрепление в правовых актах должны осуществляться исходя из правовой природы перечисляемых явлений, на основании их комплексной правовой оценки (установления степени соответствия/несоответствия закону, наличия/отсутствия общественной опасности). Помимо прочего, это позволит надлежащим образом формализовать данную область, устранить реально существующие и потенциально возможные нарушения принципов справедливости и законности, учесть позиции всех групп и слоев общества и создать единый непротиворечивый комплекс ценностей, лежащих в основе нашего общества и подлежащих защите, а также всяческому поощрению их проявлений.

Вместе с тем исследования в данном направлении еще далеки от завершения. Представляется необходимым провести фундаментальные научные изыскания по определению юридической сущности традиционных ценностей, самого свойства «традиционности». Нормативно-правовое регулирование, в рамках которого используется данная категория, должно осуществляться с учетом актуальных наработок юридической науки. Возможно, учитывая значимость данного термина, необходимо принять соответствующий закон, который обеспечил бы однозначное понимание данной категории и снял бы любую неопределенность (как это рекомендуется в литературе³⁵). Важно также не избегать дискуссии ввиду возможной резонансности, потенциальной «скандальности» темы и организовать широкую общественную дискуссию с участием представителей всех заинтересованных социальных групп и институтов гражданского общества. Учитывая то, что русский народ является государствообразующим и вместе с тем наиболее секуляризированным, а его язык является государственным языком Российской Федерации (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ), следует особо отметить его важную, консолидирующую роль в процессе определения понятия и разработки единого перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

³⁵ См.: Овчинников А. И. Указ. соч. С. 41.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуализация духовно-нравственных ценностей как путь к здоровью молодежи / Л. В. Удалова, С. Е. Горшкова, В. Ю. Лебедев, Л. Я. Мещерякова // Российский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10. — № 5. — С. 317–329. — DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.3. — EDN: SVEYLN.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
3. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. — М. : Директ-Медиа, 2010. — 108 с.
4. Гореликов А. И. Правовое обеспечение национальной безопасности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Теория и практика общественного развития. — 2022. — № 6 (172). — С. 109–112. — DOI: 10.24158/tipor.2022.6.16. — EDN: FERWLN.
5. Гутиева М. А. Понятие свободы в отечественной и европейской традициях // Перспективы развития АПК в современных условиях : материалы 9-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 20–24 апреля 2020 г. — Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2020. — С. 491–494. — EDN: LZYFGN.
6. Калинин С. А. Геокультурный подход мировоззренческой исследовательской программы: о проблеме взаимодействия либеральных и традиционных стандартов // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 94–124. — DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kalinin. — EDN: KZUQQH.
7. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. — М. : Проспект, 2011. — 544 с.
8. Момджян К. Х. Принцип «свободы от оценки» М. Вебера и его роль в социальном познании // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. — 2014. — № 3. — С. 11–19. — EDN: SEWJDD.
9. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2022. — Т. 9. — № 1. — С. 35–42. — DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4. — EDN: QQZJBP.
10. Посадский А. В. Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. — 2021. — № 2 (44). — DOI: 10.34685/NI.2021.81.46.013. — EDN: VHGXTV.
11. Романов А. А. К вопросу о государственной идеологии в контексте поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2020. — № 4 (90). — С. 32–39. — EDN: NWUWLW.
12. Свобода выражения мнения в Интернете : Отчет представителя по вопросам СМИ ОБСЕ Д. Миятовича. — ОБСЕ, 2011. — 35 с.
13. Седова Л. И. Национальная идентичность: тенденции трансформации // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 69–81. — DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81. — EDN: HNMJFG.
14. Смирнов А. А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 444 с.
15. Стеценко В. В. Актуальная версия стратегии национальной безопасности РФ в контексте развития просветительской парадигмы во взаимодействии государства и общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2021. — № 3. — С. 284–290. — DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290. — EDN: IQNBLE.
16. Теория государства и права : учебник для бакалавров / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. — М. : Проспект, 2022. — 568 с.
17. Тульпе И. А., Смирнов М. Ю. «Новая этика» как социальный диагноз // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6. — № 1 (21). — С. 30–38. — DOI: 10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38. — EDN: DEOYDO.

Материал поступил в редакцию 21 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Udalova LV, Gorshkova SE, Lebedev VYu, Meshcheryakova LYa. Aktualizatsiya dukhovno-nravstvennykh tsennostey kak put k zdorovyu molodezhi [Maintaining spiritual and moral values as a path to healthy youth]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal [The Liberal Arts in Russia]*. 2021;10(5):317-329. DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.3. EDN: SVEYLN. (In Russ.).
2. Kuznetsov SA, editor. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [The great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ.; 2000. (In Russ.).

3. Weber M. Smysl «svobody ot otsenki» v sotsiologicheskoy i ekonomicheskoy nauke [The meaning of «freedom from evaluation» in sociological and economic science]. Moscow: Direkt-Media Publ.; 2010. (In Russ.).
4. Gorelikov AI. Pravovoe obespechenie natsionalnoy bezopasnosti korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka [Legal provision of national security of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*. 2022;6(172):109-112. DOI: 10.24158/tipor.2022.6.16. EDN: FEPWLH. (In Russ.).
5. Gutieva MA. Ponyatie svobody v otechestvennoy i evropeyskoy traditsiyakh [The concept of freedom in Russian and European traditions]. In: *Perspektivy razvitiya PK v sovremennykh usloviyakh: materialy 9-y Mezhdunarodnoynauchno-prakticheskoy konferentsii, Vladikavkaz, 20–24 aprelya 2020 g.* [Prospects for the development of agriculture in modern conditions: Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference, Vladikavkaz, April 20–24, 2020]. Vladikavkaz: Gorsky State Agrarian University; 2020. Pp. 491–494. EDN: LZYFGN. (In Russ.).
6. Kalinin SA. Geokulturnyy podkhod mirovozzrencheskoy issledovatel'skoy programmy: o probleme vzaimodeystviya liberalnykh i traditsionnykh standartov [Geocultural approach of the worldview research program: The problem of interaction of liberal and traditional standards]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*. 2020;15(1):94-124. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kalinin. EDN: KZUQQH. (In Russ.).
7. Kutafin OE. Izbrannye trudy: v 7 t. T. 7: Rossiyskiy konstitutsionalizm: monografiya [Selected works. In 7 vols. Vol. 7: Russian constitutionalism: A monograph]. Moscow: Prospekt Publ.; 2011. (In Russ.).
8. Momdzhyan KKh. Printsip «svobody ot otsenki» M. Vebera i ego rol v sotsialnom poznanii [The principle of «freedom from evaluation» by M. Weber and its role in social cognition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya [Series 7, Philosophy]*. 2014;3:11-19. EDN: SEWJDD. (In Russ.).
9. Ovchinnikov AI. Natsionalnaya bezopasnost i traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti: voprosy zakonodatelnogo obespecheniya [National security and traditional spiritual and moral values: Issues of legislative support]. *Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta [Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University]*. 2022;9(1):35-42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4. EDN: QQZJBP. (In Russ.).
10. Posadskiy AV. Diskurs traditsionnykh tsennostey v prostranstve rossiyskogo konstitutsionalizma [Discourse of traditional values in the space of Russian constitutionalism]. *Kulturologicheskiy zhurnal [Culturological Journal]*. 2021;2(44). DOI: 10.34685/HI.2021.81.46.013. EDN: VHGXTV. (In Russ.).
11. Romanov AA. K voprosu o gosudarstvennoy ideologii v kontekste popravok k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [On the issue of state ideology in the context of amendments to the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*. 2020;4(90):32-39. EDN: NWUWLW. (In Russ.).
12. Svoboda vyrazheniya mneniya v Internete: Otchet predstavatelya po voprosam SMI OBSE D. Miyatovicha [Freedom of expression on the Internet: Report of the OSCE Media Representative D. Mijatovic]. OSCE; 2011. (In Russ.).
13. Sedova LI. Natsionalnaya identichnost: tendentsii transformatsii [National identity: Trends of transformation]. *Gumanitarnyy vektor [Humanitarian Vector]*. 2022;17(2):69-81. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81. EDN: HNMJFG. (In Russ.).
14. Smirnov DA. Formirovanie sistemy pravovogo obespecheniya informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk [Formation of the system of legal support of information and psychological security in the Russian Federation. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2022. (In Russ.).
15. Stetsenko VV. Aktualnaya versiya strategii natsionalnoy bezopasnosti RF v kontekste razvitiya prosvetelskoy paradigmy vo vzaimodeystvii gosudarstva i obshchestva [The current version of the National Security Strategy of the Russian Federation in the context of the development of the educational paradigm in the interaction of the state and society]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski [State and municipal Administration. Scientific notes]*. 2021;3:284-290. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290. EDN: IQNBLE. (In Russ.).
16. Radko TV, Lazarev VV, Morozova LA. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyy dlya bakalavrov [Theory of State and law: A textbook for bachelor degree students]. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
17. Tulpe IA, Smirnov MYu. «Novaya etika» kak sotsialnyy diaznoz [«New ethics» as a social diagnosis]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kultura [Concept: Philosophy, religion, culture]*. 2022;6(1(21)):30-38. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38. EDN: DEOYDO. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.152-163

С. А. Курочкин*

Цифровые технологии и эффективность правосудия

Аннотация. Развитие цифровых технологий неизбежно поставило на повестку дня проблемы их применения в судебной деятельности, прежде всего в правосудии по гражданским делам. Цифровизация активно проникает в судопроизводство, меняется процессуальное законодательство и подходы к его применению. При этом сохраняются традиционные формы судебной деятельности. Спектр направлений внедрения современных технологий расширяется вслед за достижениями научно-технического прогресса. Автор поставил целью выявить взаимосвязь применения информационных технологий и повышения эффективности правосудия. Исследование показало, что цифровые технологии могут стать действенным средством обеспечения результативности гражданского и арбитражного судопроизводства, снижения его затрат и сокращения сроков разрешения дел. Цифровые технологии способны обеспечить эффективность судопроизводства в современных условиях, однако несут в себе риски и проблемы, решение которых должна подсказать процессуальная наука.

Особая роль отведена технологиям искусственного интеллекта и методам машинного обучения. Ученые спорят о возможностях и социальной оправданности их применения в судебной деятельности. Отношение к искусственному интеллекту со стороны специалистов крайне сдержанное. Однако опыт Китая, США, Германии, а также отечественные наработки свидетельствуют о всё более активном и неизбежном внедрении искусственного интеллекта в систему гражданской юрисдикции. На современном этапе уже нет никакого смысла дискутировать о возможности применения искусственного интеллекта в цивилистическом процессе, более продуктивным видится обсуждение его условий и потенциала. В статье впервые в отечественной процессуальной науке предложено в качестве ключевого условия применения искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном судопроизводстве рассматривать эффективность реализуемой при его поддержке судебной защиты. Выводы автора могут найти применение в практической деятельности по совершенствованию правосудия и процессуального законодательства.

Ключевые слова: цифровые технологии; искусственный интеллект; правосудие по гражданским делам; судопроизводство; эффективность; издержки; риски.

Для цитирования: Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 152–163. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.152-163.

Digital Technologies and Justice Efficiency

Sergey A. Kurochkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Laboratory of Social and Legal Studies, Ural Federal University
ul. Lenina, d. 13b, Ekaterinburg, Russia, 620000
kurochkin@e1.ru

Abstract. The development of digital technologies has inevitably put on the agenda the problems of their application in judicial activity, primarily in justice in civil cases. Digitalization is actively penetrating the legal proceedings, procedural legislation and approaches to its application are changing. At the same time, traditional forms of judicial activity remain. The range of directions for the introduction of modern technologies is expanding

© Курочкин С. А., 2022

* Курочкин Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией социально-правовых исследований Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
ул. Ленина, д. 13б, г. Екатеринбург, Россия, 620000
kurochkin@e1.ru

following the achievements of scientific and technological progress. The author sets out to identify the relationship between the use of information technology and improving the efficiency of justice. The study showed that digital technologies can become an effective means of ensuring the effectiveness of civil and arbitration proceedings, reducing its costs and reducing the time for resolving cases. Digital technologies are able to ensure the efficiency of legal proceedings in modern conditions; however, they carry risks and problems, the solution of which should be suggested by procedural science.

A special role is assigned to artificial intelligence technologies and machine learning methods. Scientists argue about the possibilities and social justification of their use in judicial activity. The attitude towards artificial intelligence on the part of specialists is extremely restrained. However, the experience of China, the USA, Germany, as well as domestic developments indicate an increasingly active and inevitable introduction of artificial intelligence into the system of civil jurisdiction. At the present stage, there is no point in discussing the possibility of using artificial intelligence in the civil process; it seems more productive to discuss its conditions and potential. In the paper, for the first time in Russian procedural science, it is proposed to consider the effectiveness of judicial protection implemented with its support as a key condition for the use of artificial intelligence in civil and arbitration proceedings. The author's conclusions can be applied in practical activities to improve justice and procedural legislation.

Keywords: digital technologies; artificial intelligence; justice in civil cases; judicial proceedings; efficiency; costs; risks.

Cite as: Kurochkin SA. Tsifrovye tekhnologii i effektivnost pravosudiya [Digital Technologies and Justice Efficiency]. *Lex russica*. 2022;75(10):152-163. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.152-163. (In Russ., abstract in Eng.).

Правосудие не может остаться в стороне от научно-технического прогресса, развития современных цифровых технологий. Специалисты всё чаще говорят о «диджитализации» (цифровизации) правосудия, «киберюстиции», видео-конференц-связи, электронных платформах, «предиктивном правосудии», искусственном интеллекте и роботах-судьях. А. Т. Боннер указывал на серьезное значение внедрения передовых информационных и коммуникационных технологий для развития российского гражданского и арбитражного процесса, повышения его доступности и эффективности¹. Как именно информационные технологии могут сыграть роль средства обеспечения эффективности гражданского и арбитражного судопроизводства?

Стратегическое направление цифровизации в правосудии, более того, продвижение в сторону формирования электронного правосудия во всем мире очевидно². Серьезный прогресс в этом отмечается в КНР, США, Франции, ФРГ,

некоторых других странах. Россия занимает среди лидеров достойное место. Проблемы использования современных информационных технологий в судопроизводстве активно обсуждаются в российской³ и зарубежной⁴ доктрине. Дискуссия, по наблюдению специалистов, сводится к нескольким направлениям, в которых так называемое «электронное правосудие» рассматривается, во-первых, как особый порядок рассмотрения дел, опосредованный электронной формой закрепления информации и взаимодействия участников судопроизводства; во-вторых, как полноценная система разрешения споров, основанная на информационных технологиях; в-третьих, как осуществление правосудия по гражданским делам машиной; и, наконец, в-четвертых, как реализация процессуальных действий в цифровой форме⁵. Каждое из этих направлений обладает значимым потенциалом в повышении эффективности правосудия по гражданским делам.

¹ Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы : монография / под ред. Н. А. Громошиной. М. : Проспект, 2017. С. 55 (автор раздела — А. Т. Боннер).

² Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. М. : Норма, 2022. С. 290.

³ См., например: Сахнова Т. В. О современной парадигме цивилистического процесса // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ : материалы междунар. науч.-практ. конференции М. : Проспект, 2014. С. 36.

⁴ См., например: *Longeril D. Procédure civile et nouvelles technologies*. Paris : L'Harmattan, 2017.

⁵ Нахова Е. А. Информационные технологии в цивилистическом и административном судопроизводстве: проблемы и перспективы // III Сибирские правовые чтения : сборник научных статей / отв. ред. В. И. Осейчук. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2019. С. 120.

Что же скрывается за понятием «электронное правосудие»? А. Т. Боннер полагал, что «электронное правосудие — это лишь новомодный термин, он обозначает в основном не правосудие в собственном смысле этого слова, а внедрение в судопроизводство современных информационных технологий. Подобного рода явления, не будучи правосудием, с правосудием, несомненно, связаны, но лишь в качестве инструментария»⁶. Очевидно, однако, что правосудие по гражданским и административным делам серьезно меняется под влиянием информационных технологий. Серьезный импульс этому процессу придало принятие в декабре 2021 г. изменений в процессуальное законодательство, существенно расширивших использование информационно-технологических средств в судебном процессе⁷.

По оценкам специалистов, серьезное влияние на правосудие в будущем окажут различные информационные платформы (для обработки и использования данных пользователей, обеспечивающие беспрепятственный доступ к юридическим услугам без посредников); электронные средства обмена информацией и коммуникации; современные телекоммуникационные технологии, обеспечивающие дистанционное участие в судебных заседаниях; технологии искусственного интеллекта, обеспечивающие обработку больших данных и формирование на их основе вероятностных заключений по существу споров; аудиовизуальные средства (для записи и последующего изучения судебных процессов); «предиктивное правосудие», а также технологии онлайн-разрешения споров, управления судебными процедурами и исполнением судебных актов⁸. Сегодня мы видим, как многие из них становятся повседневной реальностью. Очевидно также, что серьезное влияние на судопроизводство окажут цифровые технологии организации судебной деятельности, ее структурирования и контроля,

информирования участников судопроизводства, а в перспективе и автоматизированного собирания необходимых доказательств.

Научные исследования различных аспектов цифровизации судебной деятельности становятся всё более интенсивными, изобилуют непривычными юристам словами и категориями, но, как представляется, ограничиваются лишь отдельными институтами. Ученые обсуждают проблемы признания силы так называемых электронных доказательств, способов их исследования, использования в судебном процессе современных средств коммуникации, применения видео-конференц-связи, аудио- и видеопотоколирования судебных заседаний. Нельзя, однако, не согласиться, что разработки проблемы внедрения информационных технологий в отечественной процессуальной доктрине носят скорее вспомогательный, чем фундаментальный характер⁹. Вместе с тем потребность в фундаментальных исследованиях, как отраслевых, так и общетеоретических, на наш взгляд, уже очевидна. Процессуальная доктрина вынуждена будет отреагировать на состоявшиеся изменения, возможно, довольно радикально. По наблюдению С. Ф. Афанасьева, «цифровые технологии всё больше концептуально проникают в процессуальную правовую материю, это всеобъемлющее и объективное явление глобального научно-технического прогресса, поэтому процессуальная доктрина должна переосмыслить отдельные давно устоявшиеся подходы»¹⁰. Большую роль в этом, как представляется, способны сыграть междисциплинарные исследования, проводимые на стыке общественных, гуманитарных и технических наук.

Надо признать, правоведение столкнулось со сложными социальными, онтологическими проблемами, от решения которых зависит комплексное внедрение информационных технологий в судебную деятельность. Может ли ма-

⁶ См. подробнее: *Боннер А. Т.* Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 25.

⁷ Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1. Ст. 9.

⁸ См. подробнее: *Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов А. В., Незнамов А. В., Ярков В. В.* Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 58.

⁹ Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. М.: Статут, 2021. С. 163.

¹⁰ *Афанасьев С. Ф.* О правовой политике в области формирования и реализации механизмов онлайн-разрешения споров в гражданском и административном судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12. С. 103.

шина выполнять государственную функцию? Созрело ли общество к применению права не человеком, а машиной? Можно ли признать разрешение дел интеллектуальной машиной подлинным правосудием? Ответы на эти вопросы далеко не очевидны. Однако научно-технический прогресс не станет ждать общественного консенсуса по этой проблеме, более эффективные технологии неизбежно вытеснят менее успешные альтернативы. Известно, что в Германии цифровые технологии применяются для планирования судебных заседаний, решения организационных вопросов, содействуют судам в анализе содержательной стороны некоторых гражданских дел, выработке возможных вариантов их разрешения. В России, например, всё больше автоматизируется арбитражное судопроизводство, активной информатизации подвергается сфера исполнительного производства, где несложные операции выполняются интеллектуальными системами. Активно развиваются цифровые технологии поддержки правосудия в Китае. Результативным примером и прообразом «роботов-судей» служат международные онлайн-площадки разрешения потребительских споров. Серьезное развитие получили платформы онлайн-арбитража, существенно снизившие издержки обращения в международные третейские суды и последующего участия в арбитражном разбирательстве.

Технологические новации призваны снизить расходы и сроки судебного разбирательства. Однако способны ли они существенно повысить эффективность правосудия, судебной защиты? Многие авторы вполне закономерно рассматривают цифровые технологии как альтернативу иным средствам оптимизации судебной нагрузки и обеспечения эффективности гражданского судопроизводства¹¹. Вместе с тем их внедрение сопряжено и с серьезными рисками, порождаемыми усредненностью подхода при принятии решений, а также возможными заложенными системными ошибками¹². Анализ правоприменительной практики показывает, что фрагментарное внедрение цифровых техно-

логий не обеспечило качественно более низкого уровня судебных расходов, сроков разрешения административных и гражданских дел, издержек судебного разбирательства. Одной из возможных причин такого явления сто́ит признать отмечаемое в литературе «параллельное использование старых и новых технологий» во всех видах цивилистического процесса. «Так, если внедряемая новая технология способна полностью обеспечить безопасность, бесперебойность, конфиденциальность и равнодоступность гражданского процесса, то ее следует внедрять не как альтернативу, а как основной способ ведения данной деятельности, т.е. вместо “старой” технологии. В ином случае государство вынуждено нести расходы на создание и поддержание, по сути, двойной инфраструктуры правоприменительной деятельности»¹³. Действительно, сегодня традиционная процессуальная форма, классическая технология разрешения дела в суде сохранена. Вместе с тем рационализация применения различных процессуальных механизмов видится вполне перспективной. Разумным решением, на наш взгляд, станет создание более экономичной, основанной на современных технологиях альтернативы и предоставление судье либо сторонам, равным образом ответственным за эффективность правосудия, права выбора технологии разбирательства конкретного дела. Именно механизм выбора позволит преодолевать разрыв технологий, развивающихся опережающими темпами, и нормативно закреплённого процессуального регламента.

Реальностью становится цифровая экономика, всё больше интеллектуальные машины обслуживают общественные отношения. Качественно изменились способы фиксации юридических фактов, подходы к их доказыванию, более динамичными становятся действия людей, поддерживаемые интеллектуальными системами, и установленные в расчете на среднюю человеческую активность процессуальные сроки все сильнее расходятся с практикой. В начале XXI в. учеными предлагалось прекратить практику

¹¹ См., например: Смагина Е. С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 51–59.

¹² См. подробнее: Стрельцова Е. Г., Чайкина А. В. Основные направления применения цифровых технологий при организации системы разрешения споров в государстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 57.

¹³ Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов А. В., Незнамов А. В., Ярков В. В. Указ. соч. С. 66.

бессистемного включения законодательных новаций про информационные технологии (отметим, доктринально не осмысленных и научно не проработанных. — С. К.) в ставшие традиционными, но и в значительной мере устаревшие нормативные конструкции гражданского процесса. «В будущем судопроизводство должно подвергнуться коренным структурным изменениям, которые заставят не только системно подойти к принятию очередных новелл, но и пересмотреть основополагающие процессуальные принципы»¹⁴. Очевидно, упомянутое будущее стало для нас настоящим, уже сейчас информационные технологии оказывают влияние не только на ординарные процессуальные правила, но также и на принципы, определяющие качественные характеристики судебного процесса. Права Е. В. Кудрявцева, указавшая на необходимость учета везде, где применяются цифровые технологии в судебной деятельности, того, что модернизация судопроизводства не должна нарушать основополагающие принципы права вообще и процессуального права в частности¹⁵. Подчеркнем, идеи внедрения информационных технологий в судопроизводство не должны противоречить правовым принципам и требованиям справедливого судебного процесса. Отрадно, что некоторые из этих технологий могут дополнительно усилить принципы процессуального права, гарантировать их реализацию. Так, по современным оценкам, технология распределенных реестров (блокчейн-технология) в большом количестве споров может обеспечить подлинную независимость судей¹⁶.

Сегодня уже очевидны перспективы применения искусственного интеллекта и методов машинного обучения в судопроизвод-

стве, впрочем, как и в других связанных с ним сферах (например, в судебно-экспертной деятельности, в исполнительном производстве). Национальной стратегией развития искусственного интеллекта, основополагающим документом, принятым в России до 2030 г., он определен как «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать человеческие когнитивные функции (в том числе поиск решений без заранее заданного алгоритма и самообучение) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹⁷. Проблемы практического внедрения таких непростых технологических решений в судебной деятельности всё более активно обсуждаются учеными¹⁸. Большой интерес представляют сравнительно-правовые исследования, основанные на опыте таких стран-лидеров, как США и Китай¹⁹. Отметим, что достигнутый технологический уровень искусственного интеллекта позволяет ставить вопрос о значительном снижении издержек судебного разбирательства и повышении эффективности обращения в суд, оптимизации судопроизводства, обеспечении единообразного применения судом правовых норм при подготовке судебных решений, радикальном снижении издержек судебных ошибок, а также повышении эффективности производств по пересмотру и проверке судебных постановлений. Вместе с тем отношение к искусственному интеллекту со стороны ученых и практиков пока крайне сдержанное. Выражая мнение многих ученых, В. В. Момотов отмечает: «Международное сообщество и отечественные эксперты в большей степени склонны считать, что полная автоматизация процесса отправления пра-

¹⁴ Гиллес П. Применение электронных технологий в гражданском процессе в соответствии с новеллами Гражданского процессуального кодекса Германии // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 4. 2005 / под ред. В. В. Яркова. СПб. : Изд-во юридич. факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 457.

¹⁵ Кудрявцева Е. В. Использование информационных технологий в английском гражданском процессе // Европейский гражданский процесс и исполнительное производство : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев. М. : Статут, 2012. С. 46.

¹⁶ Чайкина А. В. Прикладное применение блокчейн-технологии в гражданском судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12. С. 167.

¹⁷ П. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁸ См., например: Решетникова И. В. Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность // Судья. 2021. № 7. С. 57–62.

¹⁹ См., например: Ермакова Е. П., Фролова Е. Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР : монография. М. : Юрлитинформ, 2021.

восудия и замена судьи на “машину” не просто невозможна, но и опасна. Искусственный интеллект не может стать гарантом защиты прав и свобод человека и обеспечить справедливое и гуманное правосудие»²⁰. Возможно, в недалеком будущем столь категоричные тезисы будут переосмыслены. Столь сдержанное отношение к полной цифровизации правосудия среди экспертов закономерно отражает общее мнение о столь непрестом феномене в обществе.

Может ли искусственный интеллект заменить судью? Технически это возможно, а вот согласится ли с такой заменой социум? Либо сто́ит говорить не о замене, а о гармоничном сочетании интеллектуальной машины и человека в осуществлении правосудия? Оценивая его исключительно как вид человеческой деятельности, отдельные ученые настаивают, что инновационными элементами может отличаться лишь правовая форма. В современных исследованиях при раскрытии сущности «электронного правосудия» фокус внимания ученых, по наблюдению С. Ф. Афанасьева, постепенно смещается с технологической стороны вопроса в пользу того, что биологический интеллект при осуществлении правосудия может довольно успешно сочетаться с искусственным²¹, что решительно нельзя игнорировать. Компьютеры способны с успехом справиться с разрешением несложных и однотипных дел (а таких российская судебная система ежегодно перерабатывает немало, судебная статистика позволяет в этом убедиться), интеллектуальные системы могут стать альтернативой всем формам упрощенчества в гражданском и административном судопроизводстве. Рискнем предположить, что автоматизация разрешения малозначительных (а нередко и бесспорных дел) высвободит ресурсы для разбирательства действительно сложных правовых конфликтов, что благотворно скажется на достижении социального согласия.

Конечно, сторонники традиционного догматического правопонимания убеждены, что «искусственный интеллект не способен справиться с применением правовых норм, кроме самых простых однозначных операций, а значит, и с правовой квалификацией. Математически нельзя описать мыслительные операции судьи в случае восполнения пробелов права»²². С подобными тезисами трудно согласиться. Правовая норма в классической трехэлементной модели являет собой пример простейшего алгоритма. Равным образом и силлогизм, лежащий в основе применения такой нормы судом и являющийся логической основой юридической квалификации, вполне по силам цифровому двойнику судьи. Методы машинного обучения и работы с большими данными могут с успехом подобрать «формулу» для разрешения дела в отсутствие прямого правового предписания. Уже сегодня искусственный интеллект весьма эффективно имитирует когнитивные функции человека и позволяет получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности специалистов весьма высокой квалификации. Комплекс технологических решений включает машинное обучение, основанный на нем поиск оптимальных вариантов в отсутствие заданного алгоритма, через процесс обучения на множестве сходных задач. Все это вселяет уверенность в способности искусственного интеллекта справиться как с применением правовых норм, так и с восполнением пробелов права. М. И. Клеандров проанализировал преимущества искусственного интеллекта над судьей-человеком в различных аспектах — ресурсно-финансовом, судебном-процессуальном, аспекте соответствия выносимого судебного акта закону, аспекте четкого ведения процесса, аспекте воздействия на судью общественного мнения, аспекте ведения процесса с многотомными делами, аспекте подозрений в предвзятости судьи, аспекте нравственности и морали — и пришел к выводу о том, что справедливое

²⁰ Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 190.

²¹ Афанасьев С. Ф. О соотношении понятий «электронное правосудие» и «электронные доказательства» по гражданским делам // Перспективы развития гражданского процессуального права : сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ–СГЮА / под ред. О. В. Исаенковой. Саратов : Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2020. С. 40.

²² Лукьянова И. Н. Место искусственного интеллекта в судебной защите прав (руководствуясь подходами Т. Е. Абовой) // Третейский суд. 2020. № 1/2. С. 139.

правосудие — это исключительно удел судьи-человека²³. Но даже он вынужден согласиться с невозможностью исключить создание искусственного интеллекта с «почти» человеческими чувствами, включая чувство справедливости, который, возможно, станет технически полноценным судьей.

На наш взгляд, сегодня поздно говорить о возможности применения искусственного интеллекта в цивилистическом процессе, более уместным будет обсуждать условия и потенциал такого применения. В декабре 2018 г. оформилась Европейская этическая хартия о применении искусственного интеллекта в судопроизводстве и связанных с ним сферах²⁴, с ее помощью эксперты Совета Европы попытались закрепить принципы и правила внедрения технологий искусственного интеллекта в судебный процесс. Время покажет, насколько им это удалось, возможно, этический регулятор окажется недостаточно действенным. На наш взгляд, именно *эффективность реализуемой с помощью искусственного интеллекта судебной защиты может являться ключевым условием его применения в административном, гражданском и арбитражном судопроизводстве*. Напомним, обеспечение защиты прав и свобод человека, гарантированных российским и международным правом, является одним из главных принципов внедрения и практического использования технологий искусственного интеллекта, подлежащих безусловному соблюдению при выполнении упомянутой Национальной стратегии развития искусственного интеллекта²⁵. Если достигается полная защита прав и свобод при минимуме затраченных ресурсов, применение технологий искусственного интеллекта в судебном процессе можно признать социально оправданным.

Концепция эффективности позволяет решать сугубо практические задачи автоматизации правосудия, которая, очевидно, уже на пороге. Размышляя о принципах такой автоматизации, П. Браво-Хуртадо заметил, что «для выполнения человеческих обязанностей искусственный

интеллект не должен быть совершенным. Для того чтобы роботы заменили обычных судей, нет необходимости, чтобы они были совершенны. Достаточно, чтобы их эффективность была выше. Также отсутствует необходимость в том, чтобы искусственные судьи были более эффективными по всем характеристикам в области осуществления правосудия»²⁶. Практическая реализация предложенного подхода требует научно обоснованной методики оценки эффективности, релевантных ее параметров, критериев сравнения результативности и затрат. Не исключено, что сбор и анализ необходимых для этого данных также будет поручен машинам. Традиционная конструкция эффективности (а в недалекой перспективе и конструкция динамической эффективности) позволит сбалансировать преимущества и риски применения современных информационных технологий в судопроизводстве.

Принято считать, и это весьма сдержанный взгляд, что внедрение искусственного интеллекта и методов машинного обучения в судебном процессе необходимо начинать с тех сфер, где низкими являются риски, связанные с заменой человека на цифровые технологии, а затраты в осуществлении правосудия высоки²⁷. По нашему мнению, стоит сдвинуть момент внедрения цифровых технологий на досудебные стадии, где в полной мере раскроется потенциал «предиктивного правосудия». Высокоточный прогноз перспектив разрешения дела судом, предложенный нейтральной интеллектуальной машиной, заставит серьезно задуматься участников правового спора, взвесить все выгоды и риски. Подчеркнем, что искусственный интеллект может рационализировать выбор форм защиты нарушенных прав, оценить целесообразность применения досудебных механизмов и всех видов примирительных процедур, чем существенно повысит эффективность обращения в суд. Технологии «предиктивного правосудия» позволяют не только спрогнозировать вероятный исход дела, но и сбалансировать ожидания сторон,

²³ См. подробнее: *Клеандров М. И.* Указ. соч. С. 290–296.

²⁴ European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment. Издание Совета Европы, 2019.

²⁵ См.: п. 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

²⁶ *Браво-Хуртадо П.* Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 184, 185.

²⁷ См. подробнее: *Морхат П. М.* Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 68–69.

тем самым стимулировать эффективную реализацию права на обращение в суд, подтолкнуть стороны спора к поиску взаимоприемлемого компромисса.

Даже при достигнутом сегодня уровне научно-технического развития искусственный интеллект может быть использован в юрисдикционной деятельности для выработки (а возможно, и принятия) судебных решений. Неслучайно ученые всего мира задумались о том, можно ли считать судебным актом решение, сгенерированное интеллектуальной системой. Какими бы скорыми, экономичными и результативными не были технологии разрешения споров, основанные на искусственном интеллекте, власть за ними, право принимать обязательное к исполнению решение, люди признать еще не готовы. Подчеркнем, судья — это всегда человек, а не машина. Технологии обеспечивают, поддерживают, но не заменяют правосудие. «Технология не более, чем инструмент, и не важно, речь идет о молотке или о глубокой нейронной сети. Инструменты не решают, что произойдет с людьми. Решают люди»²⁸.

Однако именно технологии способны сделать правосудие еще более эффективным. Нельзя исключать, что в недалеком будущем разрешение споров интеллектуальной машиной станет доступной и экономичной альтернативой постепенно отстающему от проникнутой «цифрой» реальности правосудию по гражданским и административным делам. Тем ценнее видится сохранение и развитие классической модели судебного процесса, реальной, а не цифровой процессуальной формы. Так, по наблюдению П. Гиллеса, «существующий гражданский процесс, несмотря на господство принципа устности, является процессом обмена информацией на основе определенной системы обработки, передачи, хранения и оценки данных. <...> Электронная форма обработки данных и коммуникации является лишь новым средством неизбежной модернизации судебного процесса»²⁹. Отметим, что подобный взгляд открывает перспективы применения коммуникативной теории права для развития основанных на современных технологиях процессуальных конструкций и не отменяет науч-

ных исследований цифровизации процессуальной формы.

Учеными, прежде всего правоведами, предлагаются разные формы задействования искусственного интеллекта в судопроизводстве: во-первых, информационно-документарное и организационное обеспечение судопроизводства; во-вторых, экспертно-аналитическое интеллектуальное его обеспечение; в-третьих, контроль деятельности судьи (в целях предотвращения неправосудности или ошибочности выносимых им решений, предвзятости его позиции и действий); в-четвертых, лингвистическо-переводческое обеспечение судопроизводства³⁰. Д. В. Бахтеев указывает три перспективных направления интеграции систем искусственного интеллекта в судопроизводство: 1) создание системы искусственного интеллекта как советника судьи либо непосредственно электронного зала судебного заседания с ИИ-судьей; 2) создание систем анализа и толкования норм права; 3) внедрение искусственного интеллекта в судебную экспертную деятельность³¹. Крайне перспективным представляется применение ИИ в судебном доказывании, собирании, исследовании и оценке судебных доказательств. Каждое из предложенных направлений обладает значительным потенциалом. На наш взгляд, предложенный выше критерий эффективности судебной защиты, достижения ее цели при минимальных издержках должен определять условия построения необходимой для этого информационно-коммуникационной инфраструктуры, разработки соответствующего программного обеспечения, внедрения развернутого комплекса технологических решений, процессов и цифровых сервисов обработки больших данных для всех форм применения искусственного интеллекта в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Требование эффективности должно стать основой и при разработке процессуальных норм, необходимых для реализации перечисленных форм задействования искусственного интеллекта в судебном процессе.

Стоит, однако, согласиться с П. М. Морхатом в том, что масштабное внедрение цифровых технологий в судебной системе будет сдержи-

²⁸ Макафи Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее : пер. с англ. 2-е изд. М. : Манн, Иванов и Фарбер, 2019. С. 316.

²⁹ Гиллес П. Указ. соч. С. 458.

³⁰ См. подробнее: Морхат П. М. Указ. соч. С. 79–81.

³¹ Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы. М. : Проспект, 2021. С. 134.

ваться, пока наукой не будут найдены решения проблем, возникающих при разрешении дел искусственным интеллектом. Среди них сложные дела, не имеющие прецедентов и аналогов; юридически сложные дела в условиях концептуальной, смысловой и ситуативной неопределенностей; дела, осложненные правовыми пробелами, коллизиями, дефектами правового регулирования; тактически непростые дела, разбирательство которых требует от судей приложения значительного количества усилий интеллектуальных, связанных с человеческим опытом, либо решения сложных проблем юридической квалификации фактов объективной реальности; неоднозначные с нравственной точки зрения гражданские дела, в которых корректное формально юридически решение может приводить к несправедливым с точки зрения социума последствиям³². Возможно, однако, что это лишь вопрос времени и развития технологий. И. Н. Лукьянова вообще убеждена, что «замена судьи на робота» в виде вынесения судебного решения по каким-либо категориям дел с использованием искусственного интеллекта без участия человека в настоящее время не представляется возможным³³. Столь категоричные тезисы вызывают очевидные возражения. На наш взгляд, автоматизация гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, основанная на информационных технологиях, является одним из ключевых условий обеспечения его эффективности в современном мире. Условием результативного, общественно принимаемого и экономичного использования цифровых технологий (главным образом технологий искусственного интеллекта и методов машинного обучения) в гражданском судопроизводстве является формализация правовых предписаний, перевод на язык машин правил, созданных для людей. Основы этого,

по нашему наблюдению, были заложены советскими учеными в конце 70-х гг. XX в.

Бесспорно, внедрение современных технологий не будет проходить гладко, не исключены ошибки и проблемы, но появятся и варианты их решения. Перспективной задачей науки процессуального права видится прогноз таких сложностей, выработка возможных способов их преодоления, а также предложений по нормативной регламентации последних. Продуктивным в этом, на наш взгляд, станет междисциплинарное сотрудничество правоведов и специалистов по цифровым технологиям. Исследовав ошибки при применении информационных технологий, Е. Г. Стрельцова предлагает критерием целесообразности сохранения или отмены принятого решения считать справедливость, учитывающую всю сумму общественных отношений, сложившихся по поводу того или иного права³⁴. Со своей стороны полагаем возможным дополнить соображения справедливости требованиями эффективности, оптимизирующими издержки и риски применения цифровых технологий в правосудии.

Подводя итог, подчеркнем, что современные информационные технологии, несомненно, являются перспективным средством обеспечения результативности правосудия по гражданским делам, сокращения его издержек и сроков разрешения дел. Необходимым условием внедрения таких технологий, главным образом, технологий искусственного интеллекта, является эффективность судебной защиты. Основанные на передовых научных достижениях технологические решения позволяют существенно повысить эффективность обращения в суд, оптимизировать судебное разбирательство, снизить издержки и риски судебных ошибок, обеспечить единообразное применение судами правовых норм.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. — М. : Статут, 2021. — 458 с.
2. Афанасьев С. Ф. О правовой политике в области формирования и реализации механизмов онлайн-разрешения споров в гражданском и административном судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12. — С. 98–105.

³² См. подробнее: Морхат П. М. Указ. соч. С. 81.

³³ Лукьянова И. Н. Указ. соч. С. 144.

³⁴ Стрельцова Е. Г. Ошибки при применении информационных технологий: процессуальные последствия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 27.

3. *Афанасьев С. Ф.* О соотношении понятий «электронное правосудие» и «электронные доказательства» по гражданским делам // Перспективы развития гражданского процессуального права : сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ–СГЮА / под ред. О. В. Исаенковой. — Саратов : Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2020. — 500 с.
4. *Бахтеев Д. В.* Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография. — М. : Проспект, 2021. — 176 с.
5. *Боннер А. Т.* Электронное правосудие: реальность или новомодный термин // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 1 (8). — С. 22–38.
6. *Браво-Хуртадо П.* Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 1 (8). — С. 181–199.
7. *Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов А. В., Незнамов А. В., Ярков В. В.* Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 4 (9). — С. 52–95.
8. *Гиллес П.* Применение электронных технологий в гражданском процессе в соответствии с новеллами Гражданского процессуального кодекса Германии // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 4. 2005 / под ред. В. В. Яркова. — СПб. : Изд-во юридич. факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. — 680 с.
9. *Ермакова Е. П., Фролова Е. Е.* Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР : монография. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 223 с.
10. *Клеандров М. И.* Правосудие и справедливость : монография. — М. : Норма, 2022. — 364 с.
11. *Кудрявцева Е. В.* Использование информационных технологий в английском гражданском процессе // Европейский гражданский процесс и исполнительное производство : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев. — М. : Статут, 2012. — 335 с.
12. *Лукьянова И. Н.* Место искусственного интеллекта в судебной защите прав (руководствуясь подходами Т. Е. Абовой) // Третейский суд. — 2020. — № 1/2 (121/122). — С. 134–146.
13. *Макафи Э.* Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее : пер. с англ. — 2-е изд. — М. : Манн, Иванов и Фарбер, 2019. — 368 с.
14. *Момотов В. В.* Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 188–191.
15. *Морхат П. М.* Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 3 (9). — С. 61–85.
16. *Нахова Е. А.* Информационные технологии в цивилистическом и административном судопроизводстве: проблемы и перспективы // III Сибирские правовые чтения : сборник научных статей / отв. ред. В. И. Осейчук. — Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2019. — 316 с.
17. *Решетникова И. В.* Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность // Судья. — 2021. — № 7. — С. 57–62.
18. *Сахнова Т. В.* О современной парадигме цивилистического процесса // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ : материалы междунар. науч.-практ. конференции / под ред. Т. Е. Абовой. — М. : Проспект, 2014. — 512 с.
19. *Смагина Е. С.* Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 1 (8). — С. 51–59.
20. *Стрельцова Е. Г.* Ошибки при применении информационных технологий: процессуальные последствия // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 9. — С. 25–27.
21. *Стрельцова Е. Г., Чайкина А. В.* Основные направления применения цифровых технологий при организации системы разрешения споров в государстве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 6. — С. 54–62.
22. *Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы : монография / под ред. Н. А. Громошиной.* — М. : Проспект, 2017. — 208 с.
23. *Чайкина А. В.* Прикладное применение блокчейн-технологии в гражданском судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 12. — С. 165–170.
24. *Longeril D.* Procédure civile et nouvelles technologies. — Paris : L'Harmattan, 2017. — 161 p.

Материал поступил в редакцию 18 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Aktualnye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva [Topical issues of civil and administrative proceedings]. Moscow: Statut Publ.; 2021. (In Russ.).
2. Afanasev SF. O pravovoy politike v oblasti formirovaniya i realizatsii mekhanizmov onlayn-razresheniya sporov v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve [On legal policy in the field of formation and implementation of online dispute resolution mechanisms in civil and administrative proceedings]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2021;12:98-105. (In Russ.).
3. Afanasev SF. O sootnoshenii ponyatiy «elektronnoe pravosudie» i «elektronnye dokazatelstva» po grazhdanskim delam [On the relationship between the concepts of «electronic justice» and «electronic evidence» in civil cases]. In: Isaenkov OV, editor. *Perspektivy razvitiya grazhdanskogo protsessualnogo prava: sbornik po materialam IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy 90-letiyu SYul-SGYuA [Prospects for the development of civil procedural law: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the SUI-SSUA]*. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy; 2020. (In Russ.).
4. Bakhteev DV. Iskusstvennyy intellekt: etiko-pravovye osnovy: monografiya [Artificial intelligence: Ethical and legal foundations. A monograph]. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
5. Bonner AT. Elektronnoe pravosudie: realnost ili novomodnyy termin [Electronic justice: Reality or a newfangled term]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2018;1(8):22-38. (In Russ.).
6. Bravo-Hurtado P. Avtomatizatsiya otpravleniya pravosudiya: obrashchenie k trem oshibochnym suzheniyam ob iskusstvennom intellekte [Automation of the administration of justice: An appeal to three erroneous judgments about artificial intelligence]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2018;1(8):181-199. (In Russ.).
7. Branovitskiy KL, Rents IG, Neznamov AV, Neznamov AV, Yarkov VV. Tsifrovyye tekhnologii v tsivilisticheskoy protsesse: nekotorye problemy i perspektivy [Digital technologies in the civil process: Some problems and prospects]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2019;4(9):52-95. (In Russ.).
8. Gilles P. Primenenie elektronnykh tekhnologiy v grazhdanskom protsesse v sootvetstvii s novellami Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa Germanii [The use of electronic technologies in civil proceedings in accordance with the novelties of the German Code of Civil Procedure]. In: Yarkov VV, editor. *Rossiyskiy ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa. [Russian Yearbook of Civil and Arbitration Proceedings]*. 2005;4. St. Petersburg: Publishing house of Law Faculty of St. Petersburg State University; 2006. (In Russ.).
9. Ermakova EP, Frolova EE. Iskusstvennyy intellekt v grazhdanskom sudoproizvodstve i arbitrazhe: opyt SShA i KNR: monografiya [Artificial intelligence in civil proceedings and arbitration: The experience of the USA and China: A monograph]. Moscow: YurLITinform Publ.; 2021. (In Russ.).
10. Kleandrov MI. Pravosudie i spravedlivost: monografiya [Justice and fairness: A monograph]. Moscow: Norma Publ.; 2022. (In Russ.).
11. Kudryavtseva EV. Ispolzovanie informatsionnykh tekhnologiy v angliyskom grazhdanskom protsesse [The use of information technologies in English civil procedure]. In: Valeev DKh, editor. *Evropeyskiy grazhdanskiy protsess i ispolnitelnoe proizvodstvo: sbornik materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii [Reinforcement proceedings: Proceedings of the international scientific and practical conference]*. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).
12. Lukyanova IN. Mesto iskusstvennogo intellekta v sudebnoy zashchite prav (rukovodstvuyas podkhodami T. E. Abovoy) [The place of artificial intelligence in the judicial protection of rights (guided by the approaches of T.E. Abova)]. *Treteyskiy sud [Arbitration]*. 2020;1/2(121/122):134-146. (In Russ.).
13. McAfee A. Mashina, platforma, tolpa. Nashe tsifrovoe budushchee [Machine, Platform, Crowd: Harnessing the Digital Revolution: Harnessing Our Digital Future]. Trans. from Eng. 2nd ed. Moscow: Mann, Ivanov and Farber; 2019. (In Russ.).
14. Momotov VV. Iskusstvennyy intellekt v sudoproizvodstve: sostoyanie, perspektivy ispolzovaniya [Artificial intelligence in legal proceedings: State, prospects of use]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2021;5:188-191. (In Russ.).
15. Morkhat PM. Primenenie iskusstvennogo intellekta v sudebnom protsesse [The use of artificial intelligence in the judicial process]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2019;3(9):61-85. (In Russ.).

16. Nakhova EA. Informatsionnye tekhnologii v tsivilisticheskom i administrativnom sudoproizvodstve: problemy i perspektivy [Information technologies in civil and administrative proceedings: problems and prospects]. In: Oseychuk VI, editor. *III Sibirskie pravovye chteniya: sbornik nauchnykh statey [3rd Siberian legal readings: Collection of scientific papers]*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University; 2019. (In Russ.).
17. Reshetnikova IV. Iskusstvennyy intellekt v rossiyskom sudoproizvodstve: mechty i realnost [Artificial intelligence in Russian legal proceedings: Dreams and reality]. *Sudya [Judge]*. 2021;7:57-62. (In Russ.).
18. Sakhnova TV. O sovremennoy paradigme tsivilisticheskogo protsessa [On the modern paradigm of the civil procedure]. In: Abova TE, editor. *Osushchestvlenie grazhdanskogo sudoproizvodstva sudami obshchey yurisdiktsii i arbitrazhnymi (khozyaystvennymi) sudami v Rossii i drugikh stranakh SNG: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii [Implementation of civil proceedings by courts of general jurisdiction and arbitration (economic) courts in Russia and other CIS countries. Proceedings of the international scientific and practical conference]*. Moscow: Prospekt Publ.; 2014. (In Russ.).
19. Smagina ES. Ispolzovanie informatsionnykh tekhnologiy kak alternativa masshtabnym izmeneniyam grazhdanskogo protsessualnogo zakonodatelstva, napravlennym na povyshenie effektivnosti grazhdanskogo sudoproizvodstva i optimizatsiyu sudebnoy nagruzki [The use of information technologies as an alternative to large-scale changes in civil procedural legislation aimed at improving the efficiency of civil proceedings and optimizing the judicial burden]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa [Herald of Civil Procedure]*. 2018;1(8):51-59. (In Russ.).
20. Streltsova EG. Oshibki pri primenenii informatsionnykh tekhnologiy: protsessualnye posledstviya [Errors in the use of information technology: procedural consequences]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2021;9:25-27. (In Russ.).
21. Streltsova EG, Chaykina AV. Osnovnye napravleniya primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy pri organizatsii sistemy razresheniya sporov v gosudarstve [The main directions of the use of digital technologies in the organization of the dispute resolution system in the state]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2019;6:54-62. (In Russ.).
22. Gromoshina NA, editor. *Tsivilisticheskiy protsess sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy: monografiya [The civil process of modern Russia: Problems and prospects. A monograph]*. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).
23. Chaykina AV. Prikladnoe primeneniye blokcheyn-tekhnologii v grazhdanskom sudoproizvodstve [Applied application of blockchain technology in civil proceedings]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2021;12:165-170. (In Russ.).
24. Longeril D. Procédure civile et nouvelles technologies. Paris: L'Harmattan; 2017. (In Russ.).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

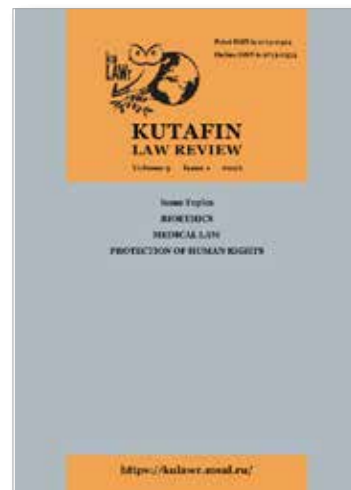
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008